

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

SAPERE AUDE

**SELECTED WORKS
OF THE MOSCOW SCHOOL OF POLITICAL STUDIES**

**№1
1995**

Издается с 1995 года
Выходит 4 раза в год

ВЕСТНИК

МОСКОВСКАЯ ШКОЛА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ: В.И.Бахмин
К.А.Бендукидзе
П.Бонэт (Испания)
Р.Бретуэйт (Великобритания)
И.М.Бунин
Э.Геллнер (Великобритания)
С.А.Зверев
М.Мертес (Германия)
В.А.Найшуль
Е.М.Немировская
Р.Нойштад (США)
Д.Пинто (Франция)
Т.Ремингтон (США)
А.М.Салмин
Ю.П.Сенокосов
Л.П.Скопцов
М.Ю.Урнов
Ф.Фюре (Франция)
А.Хиль-Роблес (Испания)
Дж.Хоскинг (Великобритания)
А.М.Яковлев

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: СЕНОКОСОВ Ю.П.

МАКЕТ: Заславская Т.В.
ХУДОЖНИК: Трушин Ю.А.

НАД ВЫПУСКОМ РАБОТАЛИ: Васильева Л.Г., Иванова О.Ю.,
Казачков А.И., Макаренко Б.И.,
Макогонова М.С., Назарова Н.В.,
Шевелев И.Л.

*Издание осуществляется при финансовом содействии
Национального фонда в поддержку демократии (США)*

© МОСКОВСКАЯ ШКОЛА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, 1995

К ЧИТАТЕЛЮ

В одном из своих поэтических посланий Гораций говорит: чтобы зарезать человека, разбойник встанет до света. Так неужели ты не проснешься, чтобы уберечь себя? Стоит ли уподобляться глупцу, ждущему, когда мимо него протечет вся река, чтобы перейти на другой берег? Не лучше ли немедленно начать упорядочивать свою жизнь, нежели ждать, пока она кончится? Тот, кто начал, сделал уже половину дела. Дерзни мыслить. *Sapere aude!* Решись!

Можно ли знать то, чему не учился и о чем не думал? О государстве, которое может вызывать уважение своей силой, а не ненависть своим произволом. О власти, достигающей поставленных целей не из страха или недоверия перед собственным народом, а из знания того, как сохранить общественное спокойствие. О необходимости свободы - во всех случаях жизни - публично пользоваться своим умом.

Эти и другие проблемы обсуждаются в публикуемых материалах "Вестника Московской школы политических исследований". Цель Школы - воспитание политической элиты в России, заинтересованной в появлении разумных и сильных демократических институтов власти, соблюдении законов, обеспечивающих права и свободы личности, в цивилизованном разрешении конфликтов.

Первый выпуск "Вестника" посвящен проблеме "Трансформирующаяся Россия и Запад". Составляя его, мы стремились довести до нашего читателя широкий спектр мнений по этой проблеме, прозвучавших в выступлениях зарубежных и российских экспертов и слушателей Школы в 1994-1995 годах.

В дальнейшем редакция планирует наряду с тематическими материалами публиковать в "Вестнике" выдержки из стенограмм Государственных Дум начала XX века, а также ввести раздел, посвященный критике и библиографии выходящих книг как российских, так и зарубежных авторов о современной России.

Ю.П.Сенокосов

ОБРАЩЕНИЕ Эрнеста ГЕЛЛНЕРА

Интеллектуальная жизнь нуждается в соответствующей инфраструктуре, среде. В XVIII веке возник салон, тесно связанный с культурой Просвещения; его знаменитая "Энциклопедия" неотделима от собраний по четвергам у барона Гольбаха. Затем на помощь салону пришла усадьба, и сегодня мы можем представить мир Кольриджа по романам Пикока, а мир Бертрана Рассела - по романам Олдоса Хаксли. Не все выдающиеся люди охотно посещали салоны. В частности, Достоевского упрекали за то, что он никогда не бывает ни у графини Х., ни у княгини Y. Салон был известен и на другом берегу Атлантического океана: в одном из романов Синклера Льюиса автор насмешливо отзывается о некоем доме, в котором те, кто почти так же хорош, как самые лучшие, встречаются с теми, кто почти так же умен, как самые умные.

В XX веке усадьба частично утратила свое значение. На смену ей пришла формальная конференция, финансируемая фондом, а не личными средствами. Сам салон начал функционировать на более узкой экономической основе. В романе Ч.П.Сноу прослеживается процесс передвижения интеллектуально-политических центров власти в относительно скромные пригородные дома.

Для меня ничто лучше не воплощает того интеллектуального бурления, которое сопровождало и пережило перестройку, чем знаменитый салон Лены Немировской и Юры Сенокосова, расположенный в сравнительно скромной квартире у Москвы-реки. Его стратегическое расположение напротив "Белого Дома" позволяло знатным иностранным гостям наблюдать за двумя конфликтами 1991 и 1993 годов. Внутри квартиры можно было обсуждать политические, философские и эстетические проблемы, которые стояли за происходившими неподалеку столкновениями и выражали их суть.

Когда, наконец, для этого появились условия, вышеупомянутые бесценные разговоры смогли получить публичную форму и выразиться в серии конференций, круглых столов и семинаров, посвященных тем или иным конкретным вопросам, и проходивших в более официальной обстановке. Содержание настоящего первого номера журнала Московской школы явилось результатом ряда таких встреч. В этом "введении" я не собираюсь высказываться по существу рассматриваемых вопросов: некоторые свои соображения я сформулировал в статье, которая публикуется. Здесь же я хочу лишь выразить свое восхищение и благодарность за все то, что Лене и Юре удалось сделать, и за ту теплоту и изящество, с которыми они это сделали.

PREFACE

For a long time we at the Moscow School in Political Studies were feeling despair: while there was a terrible shortage of literature in political science for the new Russian political class, intellectual riches contained in the lectures delivered at the School's seminars remained unclaimed and unavailable to anyone, except the audience. Importantly, those lectures of a constellation of Russian and international "stars" contained not just bits and pieces of academic knowledge, but discussed topical issues in politics, economy and law in direct relation to the current situation in Russia.

Thankfully, this expertise did not vanish. Some of the authors donated articles or texts of their presentations; besides, all the proceedings of the seminars were audiotaped. So, we undertook an effort to select what we thought was valuable for Russian students and scholars of politics to compile a series of publications. This series is being made possible by a consistent effort of a group of the School's experts and members of the Advisory Council, and with generous support from the National Endowment for Democracy which sponsors this activity. To them the School extends its profound gratitude, as it introduces to the reader this first volume of its *Selected Works*.

When we were searching for a name for this series, we remembered Immanuel Kant's answer to the question "What is Enlightenment?". The philosopher said that enlightenment was a man's transition from adolescence to adulthood, which could only be effected by developing an ability to think independently. *Sapere aude* - have the courage to use your own brain, said Kant. This is the message for our readers embodied in this and all the forthcoming publications of the Moscow School.

The School provides training in politics for members of the emerging new Russian elites - and we wish to help our students and all other interested readers to comprehend the ideas of democratic governance, legislation based on the primacy of human rights and liberties, and civilized management of societal conflicts.

This compilation is concentrated around the theme of *Russia in Transition and the West*. It contains pieces by 13 international and 5 Russian authors based on their presentations at the School's "round table" in 1994, and Golitsino seminars of July, '94 and May '95. These pieces present to the reader diverse visions of Russia's place in post-communist world, its relations with the West and interpretations of the search for a "post-imperial" identity.

23 июля 1994 г.

Д.Моиси (Франция)*

ЧТО Я ДУМАЮ О ЕВРОПЕ И РОССИИ

Глядя сейчас на этот зал, я вспоминаю свой вчерашний визит в офис Лены. Там стояли факс, компьютер и прочие атрибуты современности. И я понял, сколь долгий путь она уже прошла, потому что хорошо помню, с чего она начинала. Глядя на флаг Европейского Сообщества в этом зале, я также чувствую значительное облегчение, поскольку знаю, что в Голицыно этот флаг воспринимается с гораздо большей симпатией и энтузиазмом, чем в Париже, не говоря уже о Лондоне. Полезность Московской школы не нуждается в доказательствах. Это уникальное место, где россияне встречаются со своими коллегами и друзьями из Содружества Независимых Государств, а также с западными коллегами. Школа создала свой дух, стала своеобразным клубом, характеризующимся открытостью и терпимостью, в которой, как уже неоднократно говорилось, нет ни учителей, ни учеников, - а есть просто люди, приехавшие общаться и учиться друг у друга. Этот успех свидетельствует о переменах в вашем мире. И мне кажется, что даже сопровождающиеся постоянным триумфом такие маленькие шаги, сегодня необходимы, как никогда, чего, к сожалению, нельзя сказать о мире в целом. В качестве вступления к нашему семинару я хотел бы кратко подвести итоги эволюции, имевшей место в западном мире на протяжении последних двух лет, с двумя ключевыми словами. Эти слова - "разочарование" и "неопределенность".

Вы в России испытывали разочарование в западном мире, а мы в западном мире очень часто были разочарованы вами. Но мы были не только разочарованы друг другом, мы в Европе разочарованы прежде всего в самих себе. Поэтому я хотел бы выделить две проблемы, которые лежат в основе наших разочарований.

Во-первых, мы в Западной Европе переживаем кризис идентичности. Мы более не знаем, что представляет собой Европа, какую цель и какое средство она собой символизирует. Я считаю, что этот кризис в основном и объясняет тот факт, что Запад в целом не знает, чего он хочет от России. Или, точнее, какой должна быть Россия в сегодняшней международной системе. Итак, кризис европейской

* Моиси Доминик, заместитель директора Французского института международных отношений, главный редактор журнала "Politique étrangère".

идентичности. Это тема, на которой, я боюсь, никто, кроме меня, не остановится. Европейцы не знают, что такое "Европа", и я даже подозреваю, что большинство из них перестали мечтать об этом прекрасном флаге, который висит здесь на стене. Мы переживаем кризис, который (это совершенно очевидно) порожден сочетанием экономических и политических факторов. Но я думаю, что в первую очередь он связан с моральным кризисом. Если вчера в умах большинства европейцев Европа ассоциировалась с концепцией процветания и мира, то сегодня она ассоциируется скорее с реалиями безработицы и войны. Или точнее, с двойной неспособностью Европы: обуздать безработицу и остановить войну на Балканах. Каковы же компоненты этого кризиса? Первый компонент - это, очевидно, география. Европа более не знает, где она заканчивается. Мы знали, какой была маленькая Европа: шесть, девять, двенадцать государств. Однако после падения берлинской стены мы больше не знаем, что такое "Европа". Россия - это Европа? Турция - это Европа? Каковы критерии европейца? Во-вторых, я полагаю, что за географией стоит и кризис политической и социально-экономической модели Европы. Да, коммунизм пал. Но для нас более предметен тот факт, что модель социальной демократии, которая доминировала в Европе на протяжении последних сорока лет, тоже находится в глубоком кризисе. Хотя по иронии судьбы именно в то время, когда эта модель переживает кризис, Америка Клинтона снова демонстрирует ее неожиданные прелести, благодаря политике социального обеспечения и промышленной политике. Мы же, находясь в кризисе, наблюдаем пределы возможностей этого благородного и абсолютно необходимого видения жизни. Наконец, наряду с географией и социально-экономической моделью, есть еще один фактор, который усугубляет кризис в Европе. Это отсутствие позитивных коллективных устремлений. По этому поводу я бы сказал так: сегодняшняя Европа - это во многом продукт советской угрозы. Раньше было известно, кто мы такие; мы определяли это в негативных понятиях, поскольку прекрасно знали, кто был наш враг. Именно Советский Союз помогал нам в этом очень простым путем. Сегодня мы не можем дать позитивного определения, это одна из печальных реалий переходного периода. Мы не способны определить нашу цель как расширение демократии до географических границ Европы. Прочтите знаменитую статью Самуэля Хантингтона "Столкновение цивилизаций", опубликованную год назад в журнале "Foreign Affairs". Это статья, которую я во многом не принимаю,

потому что она все упрощает, однако в ней содержится одна мысль, которая, как я полагаю, имеет прямое отношение к нашим изысканиям. Эта мысль следующая: азиатско-конфуцианский мир имеет ясную цель - догнать и перегнать Запад в экономическом развитии. Фундаменталистский ислам (если таковой зверь существует) также имеет очевидную цель, которая состоит в том, чтобы уничтожить Запад, стереть его с лица земли. Мы же на Западе имеем только одну цель, связанную с защитой нашей привилегированной ситуации. Между тем она уже доказала свою несостоятельность в последние годы.

И еще один момент, на который я хотел бы обратить ваше внимание. Наряду с тремя компонентами, которые я только что описал, можно сказать, что кризис европейской идентичности является сегодня одновременно результатом кумулятивного эффекта кризисов национальных идентичностей. Например, в Италии пытаются, как выражаются французы, "создать с нуля" государство своим собственным способом. Германия пытается воссоздать единую нацию после процесса объединения. Великобритания движется к фундаментальному кризису идентичности в условиях кризиса монархической системы. Моя страна - Франция - находится в процессе самобичевания, который является одновременно продуктом кризисов национальной и международной идентичности. Все это приводит меня к мысли, которую, как я считаю, русским очень важно понять. А именно, мы больше не знаем, в чем смысл процесса объединения Европы. Мы подвергаем сомнению сами основы нашей веры, нашей мечты последних сорока лет. Повсюду в Европе существует ощущение, что эта мечта отнюдь не воспринимается как конечная цель или даже как средство на пути к какой-либо цели. Выборы в Европейский Парламент, которые прошли несколько недель назад, отличались безразличием, доброжелательным отрицанием, пренебрежением или полным отвержением наднациональных забот. В чем причины такого кризиса европейского процесса?

В определенной степени в основе этого лежит кризис Маастрихтских соглашений. Впервые идея европейского объединения была вынесена на широкое общественное обсуждение. И европейцы поняли в худший для себя момент экономического кризиса, насколько забюрократизирован процесс объединения Европы. Я сам голосовал за Маастрихт в своей стране и тем самым внес вклад в успех Европейского Союза. Однако сразу после референдума я понял, что я проиграл. Это была мнимая победа.

Несомненно, существует неприспособленность нынешней модели европейского объединения к реалиям сегодняшнего дня. Сказать, что Европа будет углубляться и расширяться одновременно, недостаточно. Считать, что завтрашний Европейский Союз будет простым расширением существующего Европейского Союза, значит ошибаться. Разрешите мне прибегнуть к аналогии из музыки. Вчерашняя Европа была "симфоническим оркестром", в котором каждое национальное государство выполняло роль "инструмента", который должен был обязательно играть в такт с другими "инструментами", чтобы достигнуть гармонии. Для этого требовался "дирижер". Конечно, были разногласия по поводу того, кто должен быть этим "дирижером". Бывший президент Франции Валери Жискар д'Эстен считал, что "дирижером" должен быть Президент Европы, выбираемый всеобщим голосованием. И, конечно, он считал себя вполне подходящим на эту роль. Была точка зрения, что "дирижером" должен быть Президент Комиссии. Это точка зрения Жака Делора. Бытовало мнение, что "дирижером" должен быть Совет Европы. И эта точка зрения преобладает в Европе сейчас. Однако по мере того, как Европа будет расширяться, включая в себя все большее число государств, более подходящей аналогией станет, видимо, "камерный ансамбль", в котором каждое национальное государство будет выступать "инструментом", играющим свою собственную партию, и тем самым вносить свой вклад в гармонию ансамбля без присутствия одного "дирижера". В силу конкретных причин вчера Европа была конструкцией вне исторического процесса. Но по мере того, как она будет обретать новые естественные границы, свою историю, свое многообразие, эта конструкция перестанет отвечать нуждам завтрашней Европы. Разрешите мне закончить это размышление следующими словами, поскольку я отношу все сказанное в первую очередь к области морали. Европа всегда была лабораторией всемирной истории, в которой было все худшее и все лучшее, начиная с духа Просвещения XVIII века. В последние же годы многое изменилось, и стало проявляться безразличие в силу неадекватности и сбоя в работе европейского механизма. В частности, выступая по торговым вопросам, Европа говорит единым голосом, как одно лицо. Когда же она выступает по вопросам внешней и оборонной политики, то говорит двенадцатью голосами, и это не работает. Пока в области внешней политики мы имеем 12 министерств иностранных дел, но нет единого министра. И это нам не приносит успеха. Реалии Европы толкают европейцев в разные стороны. Германия сегодня еще

более, чем прежде, заинтересована в Центральной Европе. Франция озабочена югом и алжирской проблемой. К тому же в Европе как минимум две страны считают военное вмешательство нормальным делом: Франция и Великобритания. И одна страна, которая еще не переварила понятие "вмешательство" - Германия. Это было длинное вступление о Европе, что я считаю необходимым введением к второму вопросу.

Вторая проблема: что мы думаем о России и о месте России в мире? Как я уже сказал, до сих пор мы не определились и сомневаемся в том, какую роль должна играть Россия. Мы не понимаем основ нашей позиции. Я считаю, что вы должны это знать. Нужны ли вы нам как союзники, как партнеры, или, как я говорил раньше, как "удобная угроза"? Сегодня два понятия являются ключевыми для понимания западного взгляда на роль России: "центральность" и "специфичность". То есть мы спорим, в том числе и о том, какой смысл вкладывается в эти два понятия. Дело в том, что у нас не просто противоречивые взгляды, но и противоречивые приоритеты. Мы хотим одновременно порядка, стабильности, демократии и умеренности и при этом смотрим на Россию как на главное действующее лицо, вплоть до того, что часто забываем о Центральной и Восточной Европе и оставляем в ваших руках судьбы ближнего зарубежья. Короче говоря, мы используем вас фактически как повод для оправдания собственного безделья, нашего нежелания расширить Европу за счет центральных и восточноевропейских стран. Например, мы говорим "нет" странам Вышеградской группы, считая полезным, что вы есть, поскольку этим можем оправдать свой отрицательный ответ. Или мы используем вас в качестве алиби, а не как союзника, на Балканах. Последнее алиби, которое мы находим для оправдания собственного бездействия, даже когда это бездействие выдаем за действие. Эта позиция очень противоречива. Мы не знаем, чего нам больше всего бояться: вашей потенциальной слабости или эксцессов вашей потенциальной силы. Боимся ли мы, что Россия вернется к сильному состоянию, или мы боимся, что Россия останется слабой? Мы еще не решили. В конечном итоге концепция центральности, согласно которой Россия играет столь важную роль в Европе, основана на видении Европы как биполярного мира, Европы, построенной вокруг двух центров. Одна - вокруг Европейского Союза (если он будет) или вокруг Германии (если Европейский Союз никогда не станет единым целым). Есть люди, особенно во Франции и Великобритании, которые обсуждают различия этих двух вариантов.

Но возможна и другая Европа, концентрирующаяся вокруг России. Конечно же между этими двумя Европами есть средняя зона, к которой относится Украина. К какой части Европы отнести этот район?

Но за концепцией центральности стоит и другое понятие, которое я тоже не буду замалчивать, поскольку я не дипломат. Я предлагаю обсудить такую постановку вопроса. Мы вам открыто говорим: "Да, вы в Европе. Да, вы - европейская держава. Да, вы обладаете влиянием в Европе. Да, вы - необходимый компонент нашего культурного целого. Но мы не хотим вашего членства ни в Европейском Союзе, ни в НАТО. Нам необходимо найти другие способы принять вас как европейскую державу". Причина такой специфичности, конечно, заключается в самом размере России. Аргумент, обычно употребляемый в этой связи - "слон в посудной лавке". Но это понятие шире. Специфичность относится и к географии, и к культуре, и к организационной структуре. Посмотрите, что из себя сегодня представляют Европейский Союз и НАТО. Было бы неправильно внушать вам идею о том, что мы хотим вас видеть в Европе в ближайшем будущем. Мы хотим, чтобы вы сами заявили, что не хотите вступать в Европейский Союз, не стремитесь быть членом НАТО. Так что наша задача состоит в том, чтобы изобрести приемлемую концепцию принятия России в Европу. И я полагаю, что маленькие форумы, подобные этому, совершенно неформальные и свободные, могут быть подходящим местом для обсуждения наших общих проблем.

В завершение скажу, что на Западе идут споры и о том, не ввязались ли мы в партнерство слишком рано, если воспользоваться термином из статьи Збигнева Бжезинского в том же журнале "Foreign Affairs". Или уже поздно, и мы потеряли драгоценное время перемен для установления связей в России? Слишком рано или уже поздно выстраивать партнерство с Россией? Опять же у меня нет ответа на эти вопросы, и я не думаю, что такой ответ вообще существует. Но это само по себе часть обсуждения. Разрешите закончить общим выводом, глобальным выводом, над которым я хотел бы, чтобы вы поразмышляли в ближайшую неделю. Сейчас на Западе нами владеют два противоречивых чувства. Мы видим в мире две взаимо-исключающих дуги. Одна дуга согласия, простирающаяся от Йоханнесбурга в Южной Африке до Иерусалима на Ближнем Востоке. Урок, который можно извлечь из этой дуги, очевиден, ибо можно достигать чего-то с расчетом на будущее. То, что вы делаете сегодня, играет

решающую роль в формировании завтрашнего мира. Урок, извлекаемый из этой дуги, состоит в том, что можно добиться реальных перемен, если осмелиться попробовать. Но есть и другая дуга - дуга раздробленности. Многие люди на Западе поддаются чувству безнадежности, когда они смотрят на войну на Балканах, на геноцид в Африке. Есть тенденция говорить: "Да черт с ними! Мы ничего не можем сделать, чтобы мир стал лучше, поскольку трагедия должна случиться. Она в человеческой природе." Когда люди устанут от крови, они перестанут убивать друг друга. Известный немецкий поэт и философ Ганс Магнус Энциенсбергер в самом начале войны на Балканах сравнивал положение там с Угандой. Это был так называемый вид из Хараре. У них своя логика, пусть убивают друг друга, а когда устанут, наступит мир. Я считаю, что русским очень важно понять, что на Западе идут такого рода споры. С одной стороны, есть люди, которые верят в то, что будущее можно изменить, что стоит рисковать ради этого и что слишком опасно поддаваться изоляционистским настроениям. А, с другой стороны, есть люди, которые, глядя на то, что произошло в последние годы, говорят: "Уже поздно. Мир возвращается к трагедиям прошлого". Я полагаю, что то, что произойдет в России в ближайшие годы, во многом определит то, как следующие поколения будут смотреть на XX век. Есть тенденция утверждать, что XX век останется в истории как один из худших и самых трагичных, как XIV век или XVII. Но если он кончится хорошо в России, то тогда это будет смягчающим фактором для долгосрочных уроков истории.

ДИСКУССИЯ

Е.Немировская, директор Московской школы политических исследований. - Спасибо, Доминик, за достаточно провокативный вызов России, который мы принимаем. Я думаю, что это было прекрасное введение в наш сегодняшний семинар. Пожалуйста, вопросы, замечания.

А.Гамильтон, член Британского парламента, Палата общин. - Я согласен с вами, госпожа председательница, в том, что выступление господина Моиси было провоцирующим. У него коллективистский подход к проблеме ответственности Европы и к конфликтам на нашем континенте. И он, кажется, считает, что если не объединиться, чтобы совместно выступить для разрешения проблемы, то тогда лучше не делать ничего. Я был министром обороны в Великобритании в то

время, когда принималось решение направить британские войска в Боснию. Я тогда считал, что это ошибка, и сейчас считаю, что это была ошибка. Вполне возможно, что вмешавшись, мы спровоцировали затягивание конфликта, и это привело к большим жертвам, чем если бы гражданская война шла своим чередом. Если бы не было военного вмешательства (а его главная причина, объяснялась, на мой взгляд, ролью средств массовой информации), то роль Европы, в том числе и России, ограничилась бы сдерживанием конфликта и предотвращением его выплескивания за границы бывшей Югославии. И для Европы, и для России было очень важно предотвратить расползание конфликта. Наши стратегические интересы, связанные с Югославией, находятся не в Боснии, а в Македонии, в связи с которой очень многие европейцы озабочены, как бы этот конфликт не выплеснулся за пределы республики и не вовлек в конфликт Грецию, Турцию и другие страны. Мы должны быть гораздо более определенны относительно своих долгосрочных целей, более сдержанны и менее эмоциональны. Потому что еще никто не мог решить проблемы гражданской войны путем внешнего воздействия на нее.

Д.Блэкман, заведующий отделом Центральной и Восточной Европы, Европейский Парламент. - Я хотел задать другой вопрос. Я сначала хочу спросить, не хочет ли кто еще развить тему балканского конфликта, потому что я собираюсь говорить совсем про другое.

Р.Адамия, депутат парламента, Республика Грузия. - Это политическая задача, и оценивая ее моральные аспекты, конечно, вступаешь в противоречие с тем опытом, который свидетельствует: при создании сверхдержавы обычно моральные вопросы отходят на второй план. И еще одно замечание - по поводу высказывания господина Моиси о надежде и беспомощности. Для политиков это гамлетовский вопрос: быть или не быть? Но на этот вопрос должен быть ответ.

Ш.Уильямс (Великобритания), член Палаты лордов, профессор Гарвардского университета. - Один комментарий по поводу сказанного: вообще была ли в Боснии гражданская война? Я бы с этим поспорила. Мы имеем достаточно ясное свидетельство того, что на самом деле имелось в виду создание Великой Сербии. И в этом вся сложность. Ничто не указывает на то, что мусульманская община в Боснии в начале была каким-то образом задействована в гражданской войне. Поэтому вопрос о том, не стоило ли вмешиваться в этот конфликт на более ранней стадии, например, во время обстрелов Петровника или уничтожения Вуковара? Но у меня вопрос к

господину Моиси. Как он может связать моральный кризис, который он описывал, с тем, что Джон Гэлбрейт описывает как культуру комфорта? Когда Доминик рассуждал о дуге согласия и дуге разрушения, мне показалось, что одна из разрушительных сил, которая есть в Западной Европе, но которой нет в России, - это раздробленность народа на индивидуальные ячейки с целью создания островков комфорта и тем самым их выпадание из общества. В странах, которые слишком часто сталкивались с трагическими событиями в своей истории, отсутствует чувство комфорта, которое присуще большей части западноевропейского и североамериканского населения. И, таким образом, их население способно давать отпор политическим вызовам. Я хотела бы услышать немножко больше о вашем видении морального кризиса и его связи с индивидуализмом.

Д.Блэкман. - Меня удивило, почему мы не пытаемся сгруппировать предметы нашего обсуждения. Например, почему не была упомянута одна институциональная структура Европы, в которой российское правительство или, по крайней мере, русский МИД является невероятно мощным лобби. Эта организация - я имею в виду Совет Европы - конкурирует с той, в которой я работаю, но я много времени провожу не только в Брюсселе, но и в Страсбурге. Я не знаю достаточно хорошо российский парламент, однако у него сильное лобби в Совете Европы; оно оказывает значительное давление. Во всяком случае, делегация российского парламента была в Страсбурге в январе-апреле 1994 года и очень активно там поработала. Она встречалась с представителями почти всех основных департаментов и информировала их о своей деятельности. Во многих вещах ее члены столкнулись с непониманием. Но стало ясно, что это один из приоритетов российской политики, не знаю, почему. Возможно, это стоит обсудить парламентариям Совета Европы. Возможно, следует добавить и то, что Россия пока не проявляет почти никакого интереса к присоединению к НАТО и никакого интереса к вступлению в Европейский Союз, во всяком случае, в принятии на себя обязательств, выполняемых членами Европейского Союза, с тем, чтобы иметь право на льготы и блага, которые получают члены Европейского Союза. Но я думаю, что в России явно жива еще традиция "Европы как вашего общего дома", хотя сам этот термин является скорее пережитком прошедшей эпохи.

И.Стариков, депутат Государственной Думы. - Я хотел бы уточнить одну деталь. В своем выступлении господин Моиси сказал, что камнем преткновения сегодня в Европе является исламский

фундаментализм. На мой взгляд, это первично и является источником тех проблем, которые существуют на Балканах и в целом в Европе. Мне бы хотелось уточнить, что вы подразумеваете под этим, если такая проблема существует вообще, или, эксплуатируя эту идею, за этим стоят какие-то силы?

Г.Сатаров, помощник Президента Российской Федерации. - Я согласен с тем, что существование и НАТО, и идеи конструкции единой Европы во многом, конечно, вызвано наличием "образа врага". Это очевидно. Но из этого вытекает еще одна вещь - это противоречия положения России. С одной стороны, у нее есть стремление присоединиться к этим международным конструкциям, а с другой, это означает ни что иное, как борьбу России против себя прежней, с тем самым врагом, против которого были созданы эти самые конструкции.

М.Киселев, депутат Государственной Думы. - Я бы хотел высказать одну, может быть, крамольную мысль. Мне кажется, что российское общество в последние несколько лет пришло к выводу, что абсолютно недостаточно чисто стандартных общеевропейских ценностей и инструментов. В процессе построения своего государства мы приходим к пониманию того, что необходимо опираться также на чисто национальные традиции и национальный инструмент. Поэтому моя крамольная мысль состоит в следующем: не считаете ли вы несколько преждевременными надежды на появление единого европейского дома - в смысле достаточно унифицированных правил игры? Что от идеи единой Европы через какое-то время останутся лишь прекрасные, очень нужные, но ограниченные завоевания? К ним я отнес бы, во-первых, режим свободной торговли, более свободное перемещение товаров и людей через границы. Не считаете ли вы, что при этом все равно те или иные стороны законодательного регулирования гражданских отношений еще достаточно долгий срок будут оставаться различными в европейских странах? И второй момент, который я хотел бы добавить к вашему описанию кризиса идеологии Европейского Союза. Кроме того, что исчезла антитеза в виде советской империи, мне кажется, не за горами срок, когда могут исчезнуть и другие антитезы в виде чисто экономического противостояния Европы Соединенным Штатам, с одной стороны, и Японии и Юго-Восточной Азии, с другой.

В.Бахмин, глава департамента по международному гуманитарному и культурному сотрудничеству МИДа Российской Федерации. - Поскольку здесь шла речь о министерстве как лоббисте вступления

России в Совет Европы, я готов признать, что это действительно так. Но я не вижу, в чем здесь может быть вопрос и почему в Европе есть сомнения по поводу этой акции России. Действительно, Министерство иностранных дел России - большой сторонник этой идеи, и, по моему, это легко понять. Сейчас только что говорилось, что у нас идет борьба прошлой России с Россией будущей. Эта борьба происходит не только на уровне политики, но и на уровне сознания людей, в каждой голове. И одним из путей в Европу, наиболее реальным, является для нас путь через Совет Европы. Это та организация, в которой мы уже участвуем как приглашенная гостья. Это организация, действующая на основе принципов соблюдения прав человека, построения демократического, гражданского общества. Это именно то, чего сейчас России не хватает, и поэтому естественно, что силы, которые борются за ее будущее, стремятся в Совет Европы, хотят, чтобы Россия стала членом Совета Европы. Поэтому не случайно наша Дума совсем недавно приняла заявление, согласно которому европейская Конвенция по правам человека, а также Конвенция против пыток рассматриваются как важные международные инструменты Европейского Сообщества. И, конечно, их должны стремиться соблюдать все институты и государственные органы России. И последнее. В российском менталитете есть старая привычка: во первых, мы считаем, что надо вступать в те организации, в которые можно вступить - все равно будет полезно. А во-вторых, мы берем на себя обязательства, которые, может быть, сейчас и не сможем выполнить, но нам это необходимо для того, чтобы зацепиться покрепче с тем, чтобы был менее болезненным откат, если он будет происходить. Поэтому такое стремление для нас вполне естественно и объяснимо. Я думаю, что это понятно и государствам-членам Совета Европы.

Б. Папенкорт, штаб-квартира НАТО, группа военного сотрудничества. - Я хотел бы сделать ряд замечаний по поводу западной точки зрения. Я согласен с предложенным анализом, но думаю, что следует все же учитывать, что европейская интеграция существует. Хотя это очень сложный процесс в политической, экономической и военной областях. Однако, Доминик, я не полностью поддерживаю ваши размышления о кризисе идентичности. Да, мы постоянно сталкиваемся с проблемами. Более того, для меня очевидно, что при членстве в ней 53 таких разных стран организация практически неуправляемая. Но, работая в Брюсселе, я не утратил ощущение того, что мы по-прежнему движемся в сторону большей

интеграции. И я хотел бы притушить страхи относительно того, что европейская интеграция замедлится. Проблема же, с которой мы действительно сталкиваемся, следующая: как лучше обращаться с этой интеграцией? Как более умело направлять этот процесс на политическом, экономическом, дипломатическом и военном уровнях? Я мог бы сказать о многих проблемах на Балканах (Доминик об этом говорил) и тоже считаю, что в будущем у нас не будет единого оркестра. Но оркестр будет продолжать играть, если мы будем осторожны в изменении правил игры.

Д.Моиси. - Наша дискуссия символична и отражает весь спектр мнений, существующих у европейцев. Я, кстати, принадлежу к тем, кто был за вмешательство и рассматривал этот кризис как гражданскую войну. Однако в то же время я понимаю, насколько это было сложно. Я и сейчас верю, что если бы европейцы (а потом и американцы) имели единое мнение о происходящем и вмешались раньше, то мы получили бы эффективные результаты. А на практике получилось прямо противоположное, учитывая к тому же, что мы руководствовались неправильным анализом ситуации, который был предложен англичанами, французами и американцами, и неправильных призывов, исходивших от немцев. То есть у нас получилось наложение худших факторов. После ужасного начала очень просто говорить, что вообще не надо было вмешиваться. Однако это оправдание задним числом. Я думаю, что нам нужно пересмотреть масштабы вмешательства. Нельзя вмешиваться повсюду. Мы можем сейчас мечтать, чтобы воссоздать XIX век - век без CNN, без телевидения, без ничего. Но ничего не получится. Например, то, что мы видим своими глазами геноцид в Руанде, факт уже сам по себе немаловажный. Это мой первый ответ, из чего следует ответ на вопрос Ширли Уильямс. Я с ней полностью согласен. Но считаю, что именно индивидуализм, который является одним из источников кризиса идентичности на Западе, одновременно продолжает оставаться и источником надежды в том смысле, что если взглянуть на эволюцию событий на Ближнем Востоке или на юге Африки, то мы увидим, что стремление к нормальной жизни как раз и толкает израильтян и палестинцев к тому, чтобы признать друг друга, отвергая стереотипы прошлого. Чтобы завтра жить нормальной жизнью, они должны вместе поработать над этим. Индивидуализм и тяга к комфорту могут быть, возможно, и прискорбным, но положительным фактором. Господину Блэкману: конечно же, Совет Европы очень важен. Главное, что он может сделать - это поощрять

Россию стремиться к вступлению в Совет Европы. Попридержать ее немножко у дверей, говоря, что "...вы уже многое сделали, но мы еще неполностью убеждены, чтобы интегрировать вас в свой состав сейчас". Для многих стран Центральной и Восточной Европы членство в Совете означает, что они выполнили первую заповедь на пути к Европейскому Союзу. С Россией дело другое. Здесь должен действовать принцип легитимности. Я надеюсь, что вы станете членом Совета Европы. Я в этом уверен. Но проблема в том, чтобы определить: когда? Это зависит в равной степени и от Совета Европы, и от вас. Как вы знаете, сейчас в Совете Европы новый Генеральный Секретарь, и одной из его первых задач будет определить календарь вступления России в Совет Европы.

Теперь по поводу исламского фундаментализма. Разумеется, сегодня это вопрос, очень будоражащий европейцев, особенно моих соотечественников, учитывая проблему Алжира. Я бы сказал, что первоначально тот факт, что боснийцы-мусульмане составляли большинство, не играл сколь-нибудь значимой роли в нашем анализе кризисной ситуации. Но сегодня это стало фактором гораздо более важным, чем вчера. То есть именно потому, что мы оставили боснийцев в беде, они стали более фундаменталистскими в своих подходах. Ислам сыграл свою роль именно потому, что Запад оказался неспособным выполнить свои обязанности. Не думаю, что в начале кризиса в Боснии были фундаменталисты. Однако сейчас они существуют и очень активны. У нас есть данные от руководителя еврейской общины в Боснии, от журналистов, которые туда выезжают, что, например, пища боснийскому населению очень часто раздается по религиозному признаку. То есть мы сами создали этого монстра, хотя раньше его не было.

Е.Бушмин, депутат Государственной Думы. Прошу прощения, что я снова возвращаюсь к уже сказанному. Суть моего вопроса состоит в том, что, услышав, как господин Моиси относится к проблеме Югославии, что надо было раньше ввести туда войска, раньше решать эту проблему, я хотел бы его спросить, может быть чуть-чуть резко: а в связи, допустим, с Молдовой или крымской проблемой? Ведь такие проблемы только встают и, может быть, уже пора Европейскому сообществу высадить десант и в этих точках?

Э.Геллнер, профессор Кембриджского университета. - Я не хочу, чтобы меня приняли за русского империалиста, но после того, что сказал Доминик Моиси, должен заметить, что Западу следовало бы более нюансированно, чем он делал это до сих пор, относиться к

поведению России на территории бывшего СССР. Мне представляется, что к северу и северо-востоку от Черного моря в России возможно появление множества Босний. Или, говоря иначе, там существует много территорий с невероятной этнической сложностью, где не может быть честного или справедливого решения проблем, так как критерии справедливости при этом оказываются весьма неопределенными. Это вытекает, в частности, из того, что любая этническая группа, даже если она не составляет большинства, имеет право на свой национальный дом. Однако в процессе ее самоопределения начинает действовать странный принцип, в соответствии с которым сельские территории противопоставляются индустриальным районам, поскольку в последних существует большая вероятность миграции населения. Между тем, на мой взгляд, промышленные рабочие имеют такие же права, как и все остальные, и их нельзя игнорировать. В противном случае конфликт неизбежен. И существует только одна держава, у которой есть достаточно средств, чтобы способствовать поддержанию мира в этом регионе. Поэтому, рискуя показаться врагом малых наций, каковым я ни в коей мере не являюсь, я хочу еще раз сказать, что Запад должен с большим пониманием относиться к вмешательству России в дела этих территорий.

Д.Моиси. - Я постараюсь ответить на ваш вопрос: да, безусловно, Европа и Запад в целом занимали в этом вопросе противоречивую позицию. Мы не хотели вмешиваться ни в дела Молдавии, ни в то, что происходит в Крыму и в других местах. Хотя одновременно мы как бы подталкивали вас к этому, критикуя и осуждая за возможность возрождения российского империализма. Если угодно, в этом и заключается причина или основа наших противоречий: мы хотим мира и стабильности, но ваше поведение в международных делах служит для нас главным критерием вашей внутренней эволюции. В этом суть нашего, западного послания вам, которое имеет много разных оттенков. Мы говорим вам: ваша внешняя политика не должна противоречить требованиям вашей внутренней политики, то есть стремлению к демократическим преобразованиям. Поэтому выбирайтесь сами из той ситуации, в которой вы оказались. Я понимаю, что это не очень справедливый подход, как понимаю и то, что это несправедливо и по отношению к Грузии или, скажем, к Армении, которые входили в состав СССР и сегодня дефакто отданы России. Однако при этом есть два исключения. Во-первых, страны Прибалтики, которые принадлежат

Европе в силу географических, исторических, культурных и иных причин. И во-вторых, Украина. По ее поводу я бы сказал так: в какой-то степени сегодня существует тенденция рассматривать Украину как то, чем была Югославия в 1991 году. Это потенциально взрывоопасная зона, в отношении которой у нас нет стратегии; наши приоритеты здесь тоже противоречивы. Конечно, в идеале мы хотели бы видеть независимую Украину - безъядерную и демократическую. Что-то вроде буферного государства между Польшей и Россией. Однако в настоящее время мы имеем дело с Украиной не демократической, не безъядерной и не совсем независимой. Это один из приоритетов, но наши приоритеты, повторяю, еще подлежат обсуждению. В то же время я знаю о ваших приоритетах, и знаю, что Запад пока не готов их принять.

25 июля 1994 г.

К.Оффе (Германия)*

ТРАНЗИТОЛОГИЯ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Сейчас появилось много экспертов по России и столько же действующих лиц в процессе трансформации. Поэтому я постараюсь говорить как можно меньше о самой России. Я считаю, что недостаточно хорошо ее знаю. Однако я буду иногда ссылаться на опыт бывшей ГДР. В принципе, моя задача - предложить вам концептуальную схему, высказать некоторые аналитические соображения, которые могут оказаться полезными для завязывания дискуссии. Итак, сравнительный посткоммунизм, или сравнительное исследование переходных периодов специалисты стали называть транзитологией. Транзитология сейчас очень популярная дисциплина во многих североамериканских и западноевропейских университетах. Три года назад я тоже занялся этой дисциплиной, опубликовал книгу и несколько статей. Попытаюсь сейчас изложить своего рода резюме проделанного исследования.

Один из самых поразительных выводов, совершенно неожиданных, лучше всего был сформулирован одним из моих коллег, который сказал: "Не только восточноевропейские общества стали посткоммунистическими. Но и капитализм стал тоже посткоммунистическим". Действительно, события, произошедшие в период с 1989 по 1991 год, были такого масштаба, что они окажут в свое время воздействие на весь мировой политический порядок. Они не ограничиваются бывшими странами СЭВ и прилегающими к ним регионами. Западное общество тоже в определенном смысле стало посткоммунистическим. Это совершенно новое явление в нашей жизни. Западное сообщество исходит из убеждения, что мы в рыночном обществе - "лучше". Лучше как с моральной, так и с экономической точки зрения. Теперь мы понимаем, насколько важную роль в нашей истории играл негативный пример, насколько важно было для нас осознавать, что мы лучше по сравнению с чем-то "худшим", с другим порядком, который существовал рядом с нами. И теперь этот некто худший исчез со сцены. И для стран, объединенных ОЭСР, встала проблема: нужно быть не просто лучше, чем кто-либо,

* **Оффе Клаус**, профессор, Центр социальной политики Бременского университета.

а нужно быть просто хорошими самими по себе. Мы этому никогда раньше не учились - быть просто хорошими. Раньше для нас было достаточно быть лучше других. Это одна из проблем, которая возникла во внутренней организации западных обществ: потеря врага, оппонента, более низкой по своей организации модели общества, стоящего ниже по своему развитию, чем индустриальное общество.

Далее, обращаясь к конкретной сцене, на которой разворачивались политические события, я думаю, что многие историки и политологи согласны с тем, что на протяжении XX века в западном мире, в Западной Европе осуществился демократический капитализм, появилось рыночное сообщество с плюрализмом и правовым государством. При этом имели место четыре исторических перехода. Сначала - после первой мировой войны. Затем после второй мировой войны - переход к рыночному плюралистическому правовому государству. Этот период совершился в Германии и Австрии. Третья волна имела место благодаря уникальному стечению обстоятельств в 1974-75 годах в Южной Европе, а именно, в Португалии, Испании и Греции: в этих странах пали милитаристские авторитарные режимы. И затем, разумеется, крупнейшие события мирового масштаба, которые произошли в 1989 году. Эти четыре переходных периода, если их поставить в общую историческую перспективу, отличаются друг от друга. Будучи поставленными в один ряд, они выявляют три коренных отличия событий 1989 года от предыдущих. Здесь применимы три ключевых понятия: одновременность, ограниченное по масштабу военное насилие и отсутствие революционного проекта.

Позвольте мне порассуждать об этих трех понятиях. Одновременность означает, что, в отличие от всех остальных переходных периодов, начиная с 1989 года одновременно шел процесс становления политической организации общества, когда принимались новые Конституции, устанавливались новый политический порядок, новая партийная система и должен был быть установлен новый экономический порядок. Или, другими словами, устанавливалась новая территориальная вселенная - универсум тех стран, в которых происходили перемены. Чтобы не усложнять дискуссию, я назову это явление "строительством нации", "строительством экономики" и "строительством политики". Повторяю, никогда на Западе эти три процесса не происходили синхронно. Обычно, согласно западно-европейской модели, полагают, что сначала строилась нация, затем происходил более или менее быстрый процесс создания и развития рыночной экономики. И потом уже на основе этих процессов в

начале XX века и после первой мировой войны происходило нечто, что можно назвать строительством политики - демократического конституционного правительства, основанного на народном представительстве и обладающего всеми необходимыми институциональными элементами. Таким образом, между этими тремя переходами лежали достаточно большие промежутки времени. Однако то, что произошло в Восточной Европе после 1989 и 1991 годов - это быстрое, совпадающее друг с другом нарастание трех процессов, которые переплетены между собой беспрецедентным и очень сложным образом. Никто и никогда еще не совершал на практике попытки осуществить эти три перехода одновременно, во взаимовлиянии и взаимодействии. Причем это взаимовлияние далеко не всегда взаимоусиливающее; наоборот, иногда эти процессы противоречат друг другу. Следует также отметить, как отмечалось уже многими, например, бывшим министром финансов Польши Лешеком Бальцеровичем, что эти три перехода имеют свою независимую временную логику. Можно создать основные элементы новой политики, скажем, за год, просто путем отмены в Конституции положения о руководящей роли партии, и затем автоматически создавать новое телевидение и т.д. В результате чего у вас могут появиться частные средства массовой информации. Это можно сделать за год. Однако, в отличие от этого, процесс строительства нации чрезвычайно протяжен во времени. Он может занять и 100 лет, несколько поколений. И где-то посередине занимает свое место экономика. Вы строите новые экономические институты и накапливаете материальные ресурсы, которые необходимы для нового экономического порядка. Это может занять от 10 до 50 лет. Итак, каждый из трех названных процессов имеет свою временную логику. И мне представляется, что с этой точки зрения этот процесс уникален.

Поражает отсутствие вовлеченности в переход вооруженных сил, особенно если сравнить его с предыдущими переходными периодами. Даже в случае Испании, Португалии и Греции в 1974-75 годах события развивались с участием вооруженных сил. Либо переход начинался после военного поражения, как это имело место в Аргентине; в любом случае, что-то происходило с правящей военной элитой. Однако практически ничего подобного не было в 1989-1991 годах. И третье ключевое понятие, которое я упоминал, - отсутствие революционного проекта. Обычно внутри старых режимов наблюдался рост контрэлиты, которая после поражения режима могла

прийти к власти. Именно так происходило во всех классических революциях, начиная с 1789 года. В нашем же случае, как отметил один историк, историческая роль коммунизма состояла в том, что он показал всему миру, чего нельзя делать, но фактически ничего не сказал, что нужно делать после его смерти. Это высказывание имеет глубокий смысл и указывает на определенную беспомощность, дезориентированность обществ, поскольку внутри коммунизма действительно не появились новые элиты, которые могли бы стать у руля, чтобы направить движение общества. Следовательно, вопрос "что делать?" - это не тот вопрос, который нужно задавать после 1989 года. Вопрос, который нужно задавать: "А есть ли кто-то, кто бы мог это что-то сделать?" И вполне вероятно, что на него придется ответить отрицательно. Ибо нигде не было новой политической элиты или контрэлиты, тогда как старая элита просто ушла в небытие.

Остановлюсь на некоторых других положениях, общих для всех посткоммунистических стран. Я осмелился бы утверждать, что посткоммунизм - это не общее для всех стран состояние. То есть не существовало единых для всех стран стартовых условий и поэтому нельзя ожидать общих для них результатов вследствие перехода. Напротив, между странами существуют очень большие различия. Общие же для них моменты весьма ограничены. Перечислю их. Во-первых, все страны, о которых я буду говорить, являлись в прошлом членами СЭВ и Варшавского Договора. Между ними существовала интеграция экономических и военных интересов. Во-вторых, все они были отделены от Запада и затем вовлечены, что очень важно, в неожиданный процесс, который развивался отнюдь не на основе разработанной теории или широкого консенсуса в представлении о том, каким должен быть новый строй. Была широко распространена неудовлетворенность старым режимом, но совершенно не было ясно, что должно прийти на смену этому строю. В-третьих, имела место транснациональная причина, несомненно, связанная с руководящей ролью Советского Союза и именем Горбачева и эффектом домино, который возник во многом благодаря неожиданному бездействию российского центра. Далее, сам переход носил мирный, ненасильственный характер, за исключением Румынии. Демонстрации в Восточной Европе в основном не сопровождались насилием.

Итак, общая для всех стран черта - спонтанность появления идеи о необходимости установления нового строя, связанного со строительством политики, нации и экономики. Эти три перехода пришлось осуществлять в условиях отсутствия какой-либо единой программы и новой элиты. Единственное подобие программы

состояло лишь в попытке имитации западного опыта. В Польше, например, это определили так: мы хотим стать нормальным обществом, где нормальное означает нечто, максимально приближенное к западной модели по всем параметрам - нация, государство, полития, экономика. Наконец, сильное сходство (хотя это относится не ко всем странам) заключается в том, что их социально-географическая организация является многоэтничной по своему характеру. Этнические и религиозные группы живут в странах Центральной и Восточной Европы, как правило, не компактно, а смешанно, и только в двух странах - в Венгрии и Польше - этнические меньшинства составляют менее 10 процентов всего населения. Между тем, 10 процентов - это цифра, которая в Германии, например, считается невероятно высокой. Немцы просто не могут себе представить, как можно жить при 10 процентах "не-немцев" в их государстве. А в Восточной Европе практически каждому приходится жить с гораздо более крупными, чем 10 процентов, меньшинствами.

Далее я хотел бы вернуться к характеристике ситуации, возникшей после 1989 года: отсутствию бесспорного центра или организации государственной власти. Сегодня утром на семинаре говорилось о роли армии и необходимости подчинения армии гражданскому контролю. Именно с этим сейчас приходится сталкиваться восточноевропейским обществам. И именно в этой области западные модели и рецепты могут оказаться, я думаю, наиболее полезными, поскольку тот центр власти, который смог бы претворить их в жизнь, еще не существует. И здесь возникает вопрос, который я и мои коллеги на Западе считаем очень важным: что значит совет политолога? В чем смысл политического консультирования? И как можно надеяться на успех каких-либо образовательных программ, если фактически нет условий для их реализации? Каким может быть итог такого образования? То есть я хочу сказать, что если нет устоявшегося политического порядка, то ничто не может приниматься как данное, бесспорное: ни отношения собственности, ни отношения власти, ни даже отношения гражданства. В такой ситуации правила и принципы трансформации как бы возникают в самом процессе трансформации. Парадоксальность ситуации состоит в том, что сочиняют эти правила и претворяют их в жизнь одни и те же люди. Это беспрецедентно с XVIII века, когда политическими философами, такими, как Монтескье, было установлено, что те, кто устанавливают законы, не

должны их применять на практике. И, наоборот, те люди, которые управляют государством, не должны принимать законы, дабы не использовать их в своих частных интересах. Эта идея высказывается, кстати, и в современной политической теории, например, Джоном Роузом, когда он говорит о благодати незнания, суть которого заключается в том, что если я сочиняю закон, то не должен знать, что действие этого закона принесет мне лично. В этом случае я обязан как бы наложить на себя некое бремя невежества. Так вот, это совершенно отсутствует в Восточной Европе, где правила игры принимаются во время самой игры. Здесь ситуация во многом похожа на футбольный матч, во время которого одна команда, играя против другой команды, имеет право менять правила по ходу матча. И, конечно, в этой ситуации возникает страшный перекося, сводящийся к тому, что тот, кто выигрывает, будет менять правила таким образом, чтобы выигрывать и дальше. В этой ситуации есть только один фиксированный параметр - это история, которая понимается прежде всего как набор неких аргументов, и ее используют лишь для того, чтобы на нее ссылаться. То есть чтобы можно было сказать, что у нас есть такой-то опыт, соответствующий таким-то действиям, что все мы помним, насколько невыносим был прежний режим, и т. д., забывая при этом о главном: а какова вообще траектория происходящей трансформации, в чем ее смысл? И что такое история? Обычно в этой связи задают три вопроса: стоит ли нам знать историю, скажем, предыдущих пяти веков, чтобы выработать собственный рецепт развития? Или же следует учитывать прошедшие пятьдесят лет, а может быть достаточно и последних пяти лет? И как всегда, у каждой из этих точек зрения есть свои сторонники, которые ведут между собой весьма жаркие споры.

Теперь позвольте мне разделить описанную мной вселенную на три группы посткоммунистических обществ, чтобы охарактеризовать соответствующие каждой из этих групп переходные процессы. Ибо чем более пристально вы будете их рассматривать, тем больше различий вы увидите. Разумеется, никто не может научиться на чужом опыте. Нельзя делать универсальных выводов о предсказуемости истории. Предсказуемость истории вещь весьма ограниченная, поэтому я хотел бы порассуждать.

Итак, мы имеем дело с шестью странами. Это Румыния, Болгария, Венгрия, Польша, Чехословакия и ГДР. Далее я буду говорить об этих странах. Именно между ними я хотел бы подчеркнуть существующие различия, разделив их на три группы.

Первая из этих групп (Чехословакия и ГДР) - это так называемая группа успешного развития государственного социализма. Эти страны основывали свою государственную целостность при старом порядке на весьма впечатляющих экономических достижениях, их экономической интегрированности. Вторая группа (Польша и Венгрия) - национальные государства, режим и целостность которых строились на основе этнической гомогенности, связанной с борьбой за независимость. Их национальная история включала в себя память о том, что эти страны были жертвами иностранной агрессии. И третья группа (Болгария и Румыния) - это страны, которые были интегрированы в первую очередь политически, а не национально, не экономически, не культурно, с достаточно жесткими репрессивными режимами.

Коротко остановлюсь на том, как эти разные типы бывших социалистических государств, появившихся в послевоенные годы, определяют траекторию, способ развития и перспективы возникновения новых структур и нового устройства в посткоммунистическое время. Здесь существует очень большая степень преемственности. Например, если вы возьмете фактор длительности самого перехода, то окажется, что в государствах с успешным экономическим развитием переход был довольно быстрым, в отличие от Польши и Венгрии, где он занял не менее 10 лет, а в посттоталитарных режимах он был фактически мгновенным. Не случайно многие отмечают: то, что в Польше и Венгрии заняло 10 лет, в Болгарии и Румынии произошло за 10 минут. При этом переход в первой группе носил характер капитуляции старого режима, во второй группе он был результатом конкурентной борьбы политических партий, а в третьей явился результатом компромисса. Геостратегическое положение: государства первой группы расположены на границе с Западом; Польша и Венгрия занимают промежуточное положение, а Болгария (хотя у нее и есть граница с государством НАТО) и Румыния наибольшим образом географически отдалены от Запада. Болгария - единственная страна, у которой не было конфликтов с советским руководством. Далее, значительно отличается уровень промышленного развития этих групп стран, что также сыграло свою роль в событиях 1989-1991 годов.

Следующий параметр - это степень национальной интеграции. В первой группе стран (Чехословакия и ГДР) такой проблемы фактически не существовало. Один ученый из ГДР как-то заметил: "Остальные государства есть государства нации, а мы - государство

способа производства; нам приходится жить в условиях, когда мы не нация, а только часть нации. Это и есть наша ахиллесова пята". В то время, как ГДР была только частью нации, в Чехословакии, как оказалось, жило две нации, интеграция между которыми была очень слабой. Зато она была весьма высокой в Польше и Венгрии, в отличие от Румынии и Болгарии, где мы имеем дело с неоднородными обществами, в которых проживают разные национальные меньшинства. Этот список отличий можно было бы продолжить, но я хочу повторить, что по характеру режима, по характеру перехода между этими тремя группами стран существуют большие различия.

Разумеется, здесь возникает вопрос, который многим, видимо, хочется задать, но по этому поводу я не собираюсь говорить вообще: а как в эту схему вписывается Россия? Куда отнести отделившиеся части Советского Союза? На основании каких аналогий можно предсказать развитие событий в различных частях России? Позвольте мне обратиться к ГДР как к особому случаю, для меня это самый близкий пример. Я хотел бы остановиться в этой связи только на одном парадоксе, а именно: в Восточной Европе на ГДР принято смотреть как на наиболее удачный случай осуществления исторической трансформации, поскольку эта страна объединилась с Западной Германией. Вместо нее были просто образованы новые федеральные земли. Но действительно ли это преимущество? Ведь в самом деле, когда идут такие процессы, как перенос в восточные земли средств, ресурсов, институционального опыта, то этот перенос может быть не только позитивным, но он может быть и излишним. С чем мы и сталкиваемся, поскольку слишком многое передается, слишком многое навязывается или диктуется. И в результате возникает то же явление, что и в медицине при трансплантации органов. Вступает в действие механизм отторжения, который ясно виден сейчас. На мой взгляд, именно на примере ГДР хорошо видно, как проявляются симптомы политической отчужденности, чувство беспомощности. Возникает чувство, о котором особенно много говорят в Восточной Германии как писатели, так и политологи, - что тебя насильно заставляют быть ребенком. То есть имеет место насильственная инфантилизация общества, когда, собственно говоря, остается лишь подчиняться, так как обо всем уже позаботился Запад. И нас, как говорят многие бывшие противники режима в ГДР, лишают права и возможности переделать себя, осуществить наследственную трансформацию. Ибо мы пали жертвой западных благодетелей. Здесь работает фактор релятивной депривации. Скажем,

то, что в Польше прирост ВВП в 7 процентов в год считается большим экономическим успехом; в бывшей Восточной Германии этот показатель рассматривается с той точки зрения, насколько эта территория еще отстает от уровня доходов на западе Германии. Таким образом, при равных условиях в обществе возникают совершенно противоположные тенденции и перспективы в смысле реальной интеграции. Или я бы сказал так: сегодня можно говорить о процессе вторичной самоидентификации бывших восточных немцев, в связи с чем появляются даже самостоятельные политические партии.

Последний фактор, на котором я остановлюсь: в бывшей ГДР возникают большие трудности. В настоящее время здесь существует самый высокий уровень безработицы, который когда-либо имело индустриальное общество. Реальная оценка безработицы на территории бывшей ГДР, подтверждаемая расчетами самых компетентных специалистов и попадающая на страницы газет, составляет 40 процентов. Но сказав это, я хочу одновременно подчеркнуть следующее: очень многое в опыте ГДР заставляет нас рассматривать эту страну не как исключительный случай, а, наоборот, как модель тех вызовов и проблем, с которыми мы (имею в виду всех нас) сталкиваемся в развивающемся процессе огромного масштаба. ГДР, на мой взгляд, - прототип всех проблем переходного периода. Успешное завершение триединого процесса трансформации, то есть строительства нации; экономики и политики, и сбалансированное достижение экономической, политической и национальной интегрированности - вот проблема, которая стоит сегодня в повестке дня всех западных демократий. То есть это проблема не только для Восточной Европы. Все западные демократии, включая и транснациональные организации, которые их объединяют, должны рассматривать эту проблему в качестве приоритетной, потому что, если переживаемый нами исторический переход потерпит неудачу, то с ее последствиями придется иметь дело прежде всего Западу. Экстремы негативных последствий при этом легко угадываются. Например, одной из таких экстрем может стать массовая миграция с Востока на Запад. Вторая экстрема - это возможные масштабные этнонациональные конфликты. Далее, последствиями неудач интеграции восточноевропейских обществ может стать формирование огромного рынка наркотиков, оружия и других криминальных и полукриминальных рынков. Но все эти возможные угрозы, которые могут возникнуть в случае провала интеграции обществ Восточной Европы, породят четвертую экстремальную ситуацию - моральную. Ибо это будет крах морали западной

политической экономики, которая предложила себя Востоку, и которая рассматривалась Восточной Европой как всеобъемлющая и универсально применимая. Итак, в результате провала рыночной экономики и либеральной демократии, которые не сработали на Востоке, возникла бы моральная экстремальная ситуация глубокого замешательства. То есть эту моральную экстрему можно сформулировать кратко: Запад не сдержал своего обещания, что нанесло бы ему тяжелый моральный урон. Однако экзамен, через который сейчас проходит Запад, пока еще развивается в исключительно благоприятных условиях, я имею в виду экономическую ситуацию на Западе. Но если все окончится неудачей, то практически не останется надежд на какой-либо успех в гигантской перестройке экономики, охватывающей всю Восточную Европу. Следовательно, Запад сегодня находится в положении канатоходца, которому нужно пройти между двумя крайностями. С одной стороны, западным элитам и международным организациям нужно избегать навязывания генерального плана, общего рецепта, самоуверенных рассуждений о единственно правильном экономическом пути строительства нового общества. Запад должен предоставить автономию переходным обществам. А с другой стороны, Запад не может пустить этот процесс на самотек, не может занять позицию стороннего наблюдателя. Он должен оказывать помощь процессу трансформации, хотя никто на Западе не знает, как именно совершить этот уникальный и деликатный процесс.

В.Лукин, депутат Государственной Думы, председатель Комитета по международным делам. - Спасибо, господин Оффе, за интересное выступление, с основными положениями которого лично я склонен согласиться, особенно с вашими выводами. Но прежде чем задавать вопросы или переходить к обсуждению, я думаю, в соответствии со сложившимися традициями, нам следует предоставить слово второму докладчику.

25 июля 1994 г.

Е. Кожокин
(Россия)*

ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

Я думаю, что в самой несформированности Центральной Европы тоже есть своя логика. В частности, обращает на себя внимание уже существующая не один год Вышеградская группа. Она появилась в 1991 году. Тогда это была Вышеградская тройка, в которую входили Польша, Чехословакия и Венгрия. Сейчас это четверка. И воспринималась эта инициатива как, с одной стороны, вполне осознанное действие для того, чтобы покончить с Организацией Варшавского Договора, с социалистическим наследием в международных отношениях. А, с другой стороны, чтобы ускорить процесс вхождения в Европейское Сообщество и в другие европейские структуры. И тем самым несколько снизить уровень наметившейся конкуренции, усилить кооперацию, столь необходимую для новых государств. Надо сказать, что потенциал для определенных внутренних противоречий в этих странах всегда был, как и существовала историческая традиция их решения с помощью наднациональных структур, начиная с Австро-Венгерской монархии (при всех ее минусах), в рамках Организации Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи. Однако периоды нестабильности здесь возникают периодически, достаточно вспомнить хотя бы массовую акцию венгров в Словакии в январе этого года. Это был огромный митинг, на котором было выдвинуто требование о создании автономии. Автономии в рамках маленькой Словакии, появление которой, конечно, привело бы к очень серьезной дестабилизации обстановки, а, возможно, спровоцировало бы и более обширную конфликтную ситуацию. Но тем не менее, этот конфликт удалось урегулировать. То есть мы видим, что Словакия нашла путь для решения этой проблемы, что, на мой взгляд, очень важно.

Вместе с тем, следует сказать, что в странах этого региона есть четко оформившиеся политические силы, которые могут привести к дестабилизации. Например, есть крайне правые группировки, о которых

* Кожокин Евгений Михайлович, кандидат исторических наук, директор Института стратегических исследований.

мало информации, но которые, тем не менее, являются существенным элементом внутренней политики. В частности, можно сослаться в этой связи на одного из самых блестящих ораторов Венгрии - очаровательную Изабеллу Кираи, постоянно выступавшую с осуждением Трианонского договора (1920), который все в общем-то благополучно забыли, но никогда, видимо, не забудет Венгрия, так как ее раздел произошел именно в соответствии с данным договором. Или есть такой лидер Венгерской партии справедливости, как Иштван Чурка, который известен своими воинствующе-антисемитскими выступлениями. Можно привести и весьма любопытные высказывания лидера республиканской партии Чехии с его призывами к воссозданию Чехословакии и ярким популизмом. Причем любопытно, что он пригласил нашего политика господина Жириновского посетить Чехию после того, как тот выступил с заявлением о том, что ее ждет очередной распад, выделится Моравия, и чехам останется только Прага с несколькими пивными заводами. Но на этом фоне удивительно другое: в Венгрии прошли выборы, и крайние националисты получили очень незначительное число голосов. И это при том, что государственная система в этих странах еще не сложилась, но, тем не менее, в каждой из них, оказывается, есть внутренний потенциал для урегулирования конфликтов и снятия напряжения. И более того, можно сказать, что эти страны, во всяком случае Чехия, Польша и, в меньшей степени, Венгрия, поднялись уже на иной уровень в своем экономическом развитии. То есть период глубокого кризиса в Чехии и Польше позади, и они выходят на этап экономического подъема.

Иными словами, в этих условиях видно, что, может быть, впервые в истории этих стран появляется возможность решения собственных проблем без вмешательства извне. Но тогда возникает вопрос: нет ли конфликта между реальностью в этих странах - экономической, политической, даже этнополитической - и идеологическими схемами, которые продолжают существовать в сознании политиков? Мне кажется, что безотносительно характера идеологии, заидеологизированность политических классов в странах Центральной Европы все еще очень высока, и именно присущие их сознанию мифы мешают принимать оптимальные решения. Во всяком случае, ощущение идеологической необходимости в некоей надгосударственной структуре приводит их к тому, что вступление в НАТО представляется им чуть ли не единственным условием нормального развития их стран. Не случайно они постоянно говорят о российской угрозе. Этот миф мне кажется наиболее очевидным. Хотя достаточно проанализировать, что представляет собой военный бюджет России, чтобы убедиться в том, насколько катастрофическим он является как для военно-промышленного

комплекса, так и для самой российской армии. Это тупиковый бюджет в том смысле, что он не позволяет нам ни сохранять армию, которая досталась по наследству, ни ее реформировать. Поэтому ссылки наших восточноевропейских соседей на страшные, с их точки зрения, результаты выборов 12 декабря 1993 года, на мой взгляд, ничего не объясняют. На самом деле, какой бы страшный диктатор ни пришел к власти в России (Упаси нас Бог от этой перспективы!), это будет прежде всего внутрироссийская, а не международная проблема. Потому что для любого политического лидера самый страшный день - это следующий день после прихода к власти, когда он начинает получать реальную информацию о стране. С этой точки зрения анализ существующего положения в России говорит о том, что миф о российской опасности - это действительно не более, чем миф.

Наконец, мне хотелось бы сказать еще два слова об организации политического пространства, о типах партий, которые складываются в странах Восточной и Центральной Европы. Сейчас много говорится о специфике каждой из этих стран. Но если мы посмотрим на страхи, которые вызвал приход левых в Польше, в Венгрии или в Литве, и на то, что сейчас происходит в этих странах, то увидим здесь очень похожую парадигму обманутых ожиданий, умелого прагматизма, увидим, что старый политический класс, который осуществлял реорганизацию, сумел сменить не только этикетки, но и сам стиль и методы мышления, то есть оказался достаточно умелым. В отличие от стран Евразии (я имею в виду Украину и Россию), где старая часть политического класса оказалась не столь умелой, как у их братьев-соседей. Эта типологическая родственность политических систем достаточно очевидно свидетельствует о том, что и их прошлое в рамках Австро-Венгерской империи, и прошлое в рамках социалистического лагеря имели свою органическую логику развития. И как сейчас представляется, эти страны могут найти специфическую роль в Европе, я подчеркиваю, именно в Европе, и сохраняя свою специфику, не только найти эту роль в создании большой Европы, но и способствовать ее стабилизации. То есть на сегодняшний день существует такая альтернатива - или пойти по пути стабилизации Европы и обеспечения лучшего взаимопонимания между Европой и Евразией, или, разыгрывая старые мифы и выпуская на свободу старых демонов, способствовать конфронтации между Европой и Евразией.

ДИСКУССИЯ

А.Генералов, депутат Государственной Думы. - Господин Оффе, по вашему мнению, увеличился ли психологический разрыв между немцами Восточной и Западной Германии с начала объединения?

К.Оффе. - Многие данные позволяют утверждать, что восточные немцы в среднем более отчуждены сегодня от Западной Германии, чем они это себе представляли в 1990 году. В рамках социологического опроса, который проводится в Германии с частотой в 2 месяца, есть вопрос: "Чувствуете вы себя больше немцем вообще или восточным немцем?" И доля тех, кто ощущают себя восточными немцами, постоянно растет, начиная практически с нуля и до 40 процентов в настоящее время.

Д.Блэкман. - Было очень интересно выслушать выступление второго докладчика, потому что нам из Брюсселя не всегда видно, как в России относятся к Восточной Европе. Было очень важно услышать это здесь, приятно увидеть спокойное отношение к своим соседям. Хотя, я думаю, вы чрезмерно оптимистичны в вашем анализе способности держать под контролем все внутрироссийские противоречия. Но я надеюсь, что вы правы. Из Брюсселя мы всячески стараемся поощрять эти страны делать именно то, что они должны были бы делать, будучи предоставленными самим себе. Повторяю, ваш анализ очень важен и интересен. Я долго предвкушал возможность перейти к обсуждению темы выборов, поскольку в недалеком будущем нам предстоит наблюдать за выборами в Словакии, и мы тогда увидим, насколько разногласия по поводу венгерского меньшинства будут смягчены итогами выборов в самой Венгрии. Обратите внимание, на венгерских выборах Чурка выступил очень слабо. Посмотрим, образуется ли и в Словакии прагматическое правительство. В таком случае мы получим подтверждение, что по крайней мере одно из разногласий на межэтнической почве успокаивается. И вы совершенно правы, что именно таким путем эти противоречия и можно разрешать.

С.Багдасарян, депутат Верховного Совета Республики Армения. - Оба докладчика говорили о Центральной и Восточной Европе. Вопрос прямой: что такое Европа сейчас политически? Ведь в СБСЕ были включены все бывшие советские республики вплоть до Киргизстана. В некоторые процессы в Европе включены Армения, Азербайджан, Грузия, Украина, Россия, Белоруссия, Молдавия и три прибалтийских республики. В других процессах трем закавказским республикам сейчас отказано. Например, последняя встреча в Европарламенте: там поставили вопрос о том, входят ли, в частности,

закавказские республики в Европу. Можно ли говорить о них как о потенциальных будущих участниках в Европейском Совете или Европарламенте? Кто определяет политические границы Европы?

К.Оффе. - Это один из самых трудных вопросов. Разумеется, я не буду на него отвечать. Но очень интересно рассмотреть историю семантики понятия "Европа". Об этом писали многие авторы. "Европа" - это концепция, которую легче определить от противоположного. Очень легко обозначить, где начинается "не-Европа" - на юге или на западе, то есть доказать, что американцы - это не-европейцы. А чтобы определить, что такое "Европа", нужно определить, что такое "не-Европа". Эта проблема относится к Западной Европе как таковой. Здесь, скорее всего, уместно употребить не прямое определение Европы, сформулированное одним венгерским автором, который сказал: "Мы никогда всерьез и не выступали против железного занавеса. Мы просто полагали, что железный занавес должен находиться к востоку от нас, а не к западу". То есть вопрос состоит в том, где провести границу между Европой и Востоком. Реактивизация антивосточных настроений есть еще одно проявление семантической борьбы по поводу понятия "Европа", однако никто не скажет, насколько легко конструкция "Европы" будет воспринята на Востоке. Воспринята не только на уровне политических элит (это меньшая проблема), но на уровне бытового понимания того, из чего состоит мир.

В.Лукин. - Европа там, где живут по-европейски. В этом смысле, на мой взгляд, Москва - это значительно более европейский город, чем, скажем, Кишинев, хотя тот значительно западнее. Но и не вполне европейский. Я думаю, Москва находится примерно на уровне Неаполя и Сицилии. Он европейский в такой же мере, как и эти районы. Но это не вполне геополитическая формулировка, я сознаю это.

Е.Кожокин. - Мне представляется очень важным, чтобы в столицах, которые долгое время являлись социалистическими столицами, перестали считать, что принадлежность к Европе - это вроде медали: тебе ее выдали, и это хорошо. Значит, пойдут кредиты, помощь, поэтому надо быть в Европе. Что касается Евразии (а Россия, мне кажется, как и республики Закавказья - все-таки Евразия), то, я думаю, мы можем преодолеть наши комплексы относительно того, в Европе мы или нет, самостоятельно. Например, Япония, которая не является Европой, по-моему, по этому поводу не очень переживает.

В.Лукин. - Япония переживала бы, если ее назвали частью Европы.

Е.Кожокин. - Скорее всего, именно это нас ждет, и тогда мы сможем нормально сотрудничать с Европой. И в этом будем заинтересованы и мы, и Европа. Что же касается метафизического вопроса, где проходят границы, то оставим это метафизикам, а не политикам.

Э.Геллнер. - У меня комментарий к блестящей методологической схеме, предложенной профессором Оффе. По-моему, вы подспудно впали в чрезмерный оптимизм. Во-первых, я не согласен с вашим включением 1918 года в общую схему распространения либеральных плюралистических обществ. После этого не образовывались либеральные демократические общества. Еще хуже: тогда возникли очень хрупкие системы, которые пали под натиском Гитлера и Сталина с постыдной легкостью именно потому, что они были слишком слабы. С этим связан и другой дефект вашей схемы - употребление понятия "строительство нации", которое подразумевает (поскольку термин идеологически заряжен и заряжен весьма сомнительным теоретическим постулатом), что такое развитие событий возможно и желательно. Однако это не так. Европа разъединена (я упрощаю) линией, которая протянулась от Триеста до Мемо. К западу от этой линии имеет место строительство наций, а к востоку наблюдаются этнические чистки. На Западе термин "строительство наций" совершенно уместен; по сути своей он означает не более, чем обучение крестьян говорить культурно, поскольку там имеет место достаточно компактное расселение людей, говорящих на близких диалектах и обладающих общепризнанной высокой культурой. К востоку же от этой линии таких условий нет. Там "лоскутное одеяло" с исторически сложившимся разделением труда, где лингвистические факторы тесно связаны с социальными, и на все это, в свою очередь, накладывается территориальный фактор, что еще хуже. И миграция рабочей силы обусловлена либо рыночными, либо бюрократическими стимулами. К востоку от этой линии необходимость строительства нации нельзя принимать как данное. Почему 1918 год принес такую катастрофу? Потому что Вудро Вильсон и его сподвижники, в том числе французы, пытались создать национальные образования в регионе, в котором это сделать просто невозможно. Существует большая опасность повторить эту ошибку, поскольку ей трудно найти альтернативу. Гомогенные образования можно создать там только путем этнической чистки. Чешская

республика и Польша, благодаря Гитлеру и Сталину, представляют собой гомогенные общества. Национальные меньшинства в них ближе к двум процентам, а не к десяти, о которых вы говорили. Но такая гомогенность была достигнута путем массовых убийств и искусственных трансплантаций, которые, не дай Бог нам увидеть вновь. Итак, вывод. Не надо заставлять людей верить, что гомогенное национальное образование - это норма, к которой необходимо стремиться. И с этим связан еще один большой вопрос. Я не буду вас критиковать за недостаточный марксизм вашей теории. Вы, конечно, правы, когда отмечаете, что три процесса там идут одновременно и этого никогда раньше не было. Но вопрос в том: а может ли это вообще быть? Здесь нужно иметь в виду марксистский постулат, с которым трудно не согласиться, что либеральное гражданское общество является только надстройкой над определенным уровнем экономического развития, который должен был возникнуть как предварительное условие. Маркс на этом построил всю свою теорию. Я убираю из этого тезиса все негативное содержание, но в остальном с ним соглашаюсь. Второй докладчик, по-моему, тоже был излишне оптимистичен, говоря о российской опасности, хотя нельзя не согласиться, что нынешний бюджет вооруженных сил в России таков, что при нем невозможны ни реформы, ни поддержание боеспособности армии в должном состоянии. Однако при этом, как мне кажется, не исключен ядерный шантаж. Чего я всегда боялся в дни коммунизма, так это того, что если аппаратчики потерпят поражение в "холодной войне" (как оно в конце концов и случилось), то они обратятся к всяческим прокладкам, страховкам и шантажу. К чести прежнего советского истеблишмента, они такого поведения не продемонстрировали, за что я им очень благодарен. Однако их преемники при неблагоприятном развитии событий могут быть менее сдержанными, чем посткоммунистические элиты на сегодняшний день. Надеюсь, что этого не случится, но, по-моему, эту опасность надо иметь в виду. Она не мифическая.

К.Оффе. - Меня редко обвиняют в чрезмерном оптимизме. Однако, если это обвинение исходит от такого заслуженного человека, как профессор Геллнер, то мне стоит задуматься о своих взглядах. А теперь по существу. Допущение оптимистических сценариев развития как возможности, а не как предопределенности, основывается на примере того сближения, которого достигли Франция и Англия на базе употребления общего языка. Предположение, что такое вообще возможно, уже поучительно. Поэтому, несмотря на отсутствие гомогенности этнического

происхождения, ключевым понятием здесь является понятие гражданства. Оно не только может быть создано в юридическом смысле, но и стать общепризнанным в социальном и культурном смысле. И тогда становится неважным или, по крайней мере, менее важным этническое происхождение человека. Категория "права крови" (*jus sanguinis*) будет постепенно заменяться категорией "права земли" (*jus soli*). То есть станет все более общепринятым представлением, что люди различного этнического происхождения имеют равное право жить на одной территории и считать друг друга согражданами. Такое построение почти утопично, и не без причины я сказал, что этот процесс может занять столетие, потому что для этого нужно не только что-то создать, но и что-то забыть. Ибо прошлое помнится в таких случаях как критически важный фактор. Если я буду знать, что вы уделяете особое внимание памяти о прошлом, то мне стоит предпринять шаги, чтобы помочь вам справиться с этим, потому что наша психика постоянно возрождает прошлое вновь и вновь. Я согласен с тем, что этот процесс необычайно сложен для человеческого мозга. Поэтому я и говорил, что нужна не гомогенность общества (Таковой можно достичь только путем самых жестоких действий, о которых вы упомянули). Нужна сдержанность по отношению к этническим различиям, а это самое трудное. Но для того, чтобы появилась терпимость, требуется нечто, на что человеческий мозг почти не способен - способность забыть. Приходится забывать, для того чтобы жить на одной территории и сознавать друг друга согражданами. Не выдвигая при этом постулатов, что существует некая общность с людьми, живущими по другую сторону границы. И все же в некоторых случаях этого удалось добиться. И я не вижу причин, почему это не может получиться и в других случаях, хотя и признаю невероятную сложность такого процесса.

Д.Моиси. - У меня вопрос одновременно к профессору Оффе и к Евгению Кожокину. Мне кажется, что одна из специфических черт нынешнего революционного процесса состоит в том, что он воспринимается участниками как процесс революции-реставрации. Это сам по себе уникальный случай. Он сравним лишь с 1815 годом (процессом Реставрации), когда вернувшиеся к власти хотели стереть из памяти долгий период революции, восстановить ситуацию, существовавшую до нее. Это мне кажется совершенно очевидным в случаях Польши и Чехословакии. Но проблема в том, что именно вы восстанавливаете. Это, как отметил профессор Геллнер, совершенно неясно. Итак, эта концепция революции-реставрации, по-моему, очень важна для понимания событий начала девяностых годов. Как западноевропейец, я был очень рад услышать выступление русского, касающееся Центральной и Восточной Европы. Но именно поэтому я

хотел бы задать вопрос. В глобальном плане весь этот регион может служить моделью (в определенном смысле - успешной), которая способна вдохновить на строительство потенциальных мостов, позволяющих России стать ближе к Европе, участвуя в процессе эволюции Восточной Европы. Однако вы можете сказать: "Этот опыт не для нас. У нас другой масштаб". И скорее признать опыт Балкан, как предупреждение самим себе, сказав: "Посмотрите, что творится на Балканах. Извлечем из этого уроки". Мне кажется очень важным, чтобы политики в России проявляли внимание к опыту Восточной Европы. Для восточноевропейцев это было бы знаком доверия. Если бы в Праге, Варшаве, Будапеште знали, что вы в Москве действительно интересуетесь их опытом, то в определенном смысле это сгладило бы многие страхи, которые существуют в этих странах по поводу России. Итак, мой вопрос. Кто, кроме вас, Евгений, готов в России использовать опыт развития Центральной и Восточной Европы как модель или, в крайнем случае, как предупреждение?

В.Лукин. - Я знаю (по большому счету) только три типа идеологии. Одна идеология считает необходимым обрести золотой век в будущем; другая - в прошлом; и третья - их комбинация. Остальное - это разговоры о средствах и других идеологических завитушках.

Е.Кожокин. - Мы, в общем-то, медленная нация, то есть медленно запрягаем. И тут надобно, чтобы сработали некоторые императивы, которые только-только начинают работать. Это относится и к странам Восточной и Центральной Европы, где, наверное, самый существенный императив - это наши экономические связи. По этому поводу сейчас существует некий разрыв между реальным положением дел и тем, о чем без конца кричат наши идеологи из оппозиции: разрушены связи с Восточной Европой, мы потеряли союзников и пр. На самом же деле, скажем с Венгрией, наш товарооборот неуклонно увеличивается и экономические связи развиваются очень успешно. При этом мы продаем туда отнюдь не только нефть и газ. Это одна из немногих стран Европы, куда мы имеем возможность экспортировать даже легковые автомашины. Тем самым экономика подталкивает и к расширению политических контактов. Некоторые изменения в настоящее время наметились в отношениях с Чехией. Хотя, к сожалению, они более скромны. Было много довольно неловких шагов с нашей стороны. Я не буду их перечислять, чтобы не быть похожим на унтер-офицерскую вдову, которая, как известно, сама себя высекла. Что касается Польши, то с ней у нас наиболее сложные отношения. В чем-то мы их заслужили, потому что поляки первыми

проявили и в 1990, и в 1991 году большой интерес к сотрудничеству с Россией. И заработали на этом большие разочарования. Но я думаю, что так как наша экономика тоже постепенно раскручивается и совершенно очевидно, что с готовой продукцией мы в обозримом будущем ни в Западную Европу, ни в Америку не придем, то вот в Восточную Европу мы можем прийти. И в этом смысле мое, может быть, забегание вперед будет подтверждено и на самом высшем уровне. А так ваш вопрос и ваши слова можно интерпретировать и как определенный message.

К.Оффе. - Здесь был затронут очень интересный вопрос о революции и реставрации. Мне кажется, и это весьма характерно, что у политиков, равно как среди правоведов и философов в Восточной Европе нет единой точки зрения по этому вопросу. Кто-то хочет внушить всем мысль о необходимости трактовки этого процесса как "реставрации". Это в известном смысле напоминает концепцию "золотого прошлого". Давайте, мол, начнем все сначала. Произошла историческая ошибка. И точно также многие на Западе готовы легко поддаться искушению вернуться к концепции политики с позиции силы. В соответствии с так называемой институциональной латынью, которая подразумевает, что все неповинующиеся глобальному мировому порядку должны быть наказаны. Но вряд ли это сработает или что-то улучшит. Наконец, можно оперировать моделью экспертных советов: многих присутствующих в этом зале называют сегодня экспертами, то есть людьми, которые призваны давать советы. Это весьма любезно со стороны организаторов мероприятия, но это порождает опасную иллюзию, что есть люди, которые имеют опыт и экспертные знания по столь сложной проблеме, и они могут подсказать выход. Подобно тому, как эксперты в области государственной политики по здравоохранению способны давать советы государству в сфере медицины. К сожалению, такие советы, как правило, не работают. И мне кажется, что в первую очередь здесь нужен совет от таких людей, как вы, о том, какие вообще советы могут быть предложены в такой ситуации.

В.Лукин. - Я хотел бы добавить к этому одну фразу. Чем менее органически европейской является та или иная восточноевропейская страна, как, впрочем, и Россия, тем более отчетливо, на мой взгляд, выражено двойное ощущение в отношении Запада. Ощущение номер один - немедленно нас европеизируйте. Ощущение номер два - зачем вы вмешиваетесь в наши внутренние дела, мы лучше вас все знаем, и вообще мы лучше вас. Вот эти чувства и выражаются в антизападных

настроениях, состоящих в обиде на Запад за то, что он перепропагандировал свое участие в вестернизации и сильно нам недоплатил. Кстати говоря, эта проблема в сочетании с той, о которой упомянул Евгений Михайлович: то, что у нас много практических резонансов для экономических и других связей, может привести к довольно неожиданным результатам в близком будущем, потому что потенциал российско-восточноевропейских связей (конечно, на новой основе, не на основе вертикальной иерархии), довольно высок. В том числе и по этой вот мотивации: сильно перепропагандировали и сильно недоплатили.

Ш. Уильямс. - Я постараюсь свои замечания высказать очень кратко. Мой комментарий касается выступления профессора Оффе. Оно было очень интересным, но в нем недоставало одной мысли. Вы недооценили уникальный характер постимпериалистического перехода в 50-60-е годы. Речь идет в первую очередь о масштабе трансформации. Она была вряд ли меньше, чем нынешняя трансформация в Европе, если вы обратите внимание на особые случаи, как, например, в ЮАР, где удалось построить государство из очень разных этнических групп, которые экономически имеют мало общего. Это одна из самых смелых попыток, совершавшихся когда-либо и где-либо в мире. И поэтому мое замечание по поводу вашей превосходной работы: она чересчур европоцентрична. Вопрос же, который я хотела задать господину Кожокину, несколько другой. Предположим, что в 2000-м году страны Вышеградской группы, а, может быть, также Румыния и Болгария, станут частью Европейского Союза (а страны Вышеградской группы станут также и членами НАТО), можете ли вы сказать, как можно будет смягчить границы, которые появятся в результате новых организационных структур, которые, по вашему мнению, вряд ли будут распространяться на Евразию? То есть я имею в виду новую границу Европейского Союза, когда члены Вышеградской группы станут его пределом. Может ли быть предусмотрен в этом случае некий статус, скажем, ассоциированного членства, для России? Ведь Россия может проявить озабоченность необходимостью смягчить эти вновь возникшие границы, потому что в противном случае они могут превратиться в новое подобие железного занавеса.

Е. Кожокин. - Что касается интеграции в Европейский Союз и в НАТО - то это разные вопросы. Совершенно однозначно можно сказать, что интеграция Польши, Венгрии, Чехии, Словакии в НАТО будет отрицательно воспринята значительной частью политического

класса России. Так как никаких рациональных объяснений для этого нет. Тем более, что была найдена формула "партнерство ради мира", которая рассматривается нередко просто как ступенька на пути в НАТО. Мне же представляется, что должна существовать система долговременных отношений, в которой могут участвовать все желающие: и европейцы, и евроазиаты, включая Россию, так как совершенно очевидно, что в обозримом будущем для России дверь в НАТО закрыта. А если закрыта, то тем самым многочисленные декларации о том, что НАТО будет существеннейшим образом трансформироваться, оказываются просто не соответствующими действительности. И поэтому я не побоюсь сказать, что такое расширение НАТО не будет способствовать укреплению безопасности в Европе. Более сложный вопрос о расширении Европейского Союза, поскольку это достаточно закрытая организация. Это на себе испытывают сегодня Польша, Чехия и мы тоже, потому что статус ассоциированного членства все равно связан с целым рядом ограничений, прежде всего в области торговли товарами, которые являются конкурентноспособными на европейских рынках. Протекционистская политика Европейского Союза в отношении "не членов" хорошо известна. То есть тут нужно какое-то достаточно сложное движение не только в отношении восточноевропейских стран, но и в отношении России. Например, предстоит рассмотреть вопрос о том, как действовать дальше, уже после соглашения с Европейским Союзом, которое как раз недавно рассматривалось в Комитете по международным делам и которое, как мне кажется, в Москве достаточно высоко оценивается. Здесь не должно быть чисто географического подхода. Что, мол, Чехия ближе к нам, поэтому давайте поработаем с Чехией. Далее - с Венгрией. А Россия - она далеко. Такой подход будет иметь и политические последствия, на мой взгляд, негативные для всех.

С. Григорян, депутат Верховного Совета Республики Армения. - У меня вопрос к Евгению Михайловичу. Мне интересно ваше мнение о Белоруссии. Какое место вы отводите Белоруссии, и что ее ждет в ближайшее время, после выборов?

Е. Кожокин. - Я не очень большой оптимист по поводу наших экономических соглашений с Белоруссией. Потому что для реальной координации экономических систем потребуется координация на политическом уровне, а это сейчас едва ли возможно. Я придерживаюсь точки зрения Бориса Федорова: или из этого мало что получится, так как будут необходимы дополнительные расходы, которые в конечном счете не при-

несут России никаких экономических выгод, или надо идти дальше - по пути интеграции. Мне кажется, что в этом есть свои резоны, хотя из разговоров со специалистами Центрального банка и Министерства внешне-экономических связей, я понял, что они довольно скептически относятся к той формуле, которая была найдена, о взаимодействии наших финансовых и экономических систем.

Б.Рубал, директор Института русских исследований им. Дж.Кеннана. - Профессор Оффе сделал наблюдение, которое, на мой взгляд, следовало бы выделить. Он говорил о том, что западные правительства и ученые приезжают в Россию со своими представлениями о политике, развитии экономики и т.д., которые не соответствуют российской действительности. То есть у нас нет реального инструментария для понимания перехода. Поскольку я ограничен временем, буду краток. Проблема здесь в том, насколько правительства или транзитологи способны понять тот факт, что прошло 40, а то и 70 лет истории, имевшей свою логику. И поскольку это логика системы, от которой и совершается переход, ее важно учитывать. Недостаточно сказать, что мы имеем дело с переходом от империи или с переходом к демократии, как, например, в Аргентине. Дело не в том, что переходные проблемы Бразилии или России в чем-то похожи. Повторяю, есть особенности социалистической системы, от которой и совершается переход. И можно спорить, в чем состоят эти особенности. Однако прежде нужно признать, что они есть, хотя многие транзитологи их не замечают. И это может завести нас в такое положение, в котором вряд ли кто хочет оказаться.

К.Оффе. - Это еще одно белое пятно, не закрытое моим выступлением. Действительно, механизм советников обычно не работает хотя бы потому, что некому воплощать в жизнь их советы. Наивно пытаться диктовать правила, которым все равно никто следовать не будет. И второе замечание, которое, я думаю, вы сделали очень кстати. Многие экономические и политические шаги в посткоммунистических странах вытекают из культурной традиции, и их невозможно импортировать. Эта культурная обусловленность экономической и политической практики настолько очевидна, что она не может не влиять, например, на временные рамки экономической деятельности. Я очень рад, что со мной, кажется, согласен в этом господин Патнем - международно признанный специалист по данным проблемам. Невозможно импортировать и насадить экономическую политику, не учитывая культурные традиции, предшествующий исторический и культурный опыт. И когнитивные рамки результата

будут в этом случае непредсказуемыми, а в худшем - разочаровывающими и приводящими в отчаяние.

К.Лучиани, сотрудник политического отдела Совета Европы. - Краткое замечание о Восточной Европе. Часто бывая в этих странах, я все больше вижу различия, а не сходство между ними, особенно в тех странах, которые восстанавливают свою конституционную традицию и партийные структуры. Это относится, например, к Польше, в которой конституционная традиция уходит корнями в XVIII век. Но мое замечание относится скорее к выступлению профессора Оффе. Сходство внутри тех двух групп стран, которые вы выделили - Польша и Венгрия, с одной стороны, Румыния и Болгария, с другой, - мне кажется, состоит в чисто статистической близости малой доли этнических меньшинств в первом случае и значительно большей их доли -- во втором. Однако эта близость обманчива, потому что если взглянуть на реальную политику в отношении этнических меньшинств, то она совершенно различна. Скажем, у Венгрии особая политика, ориентированная на экспорт. А в Болгарии она отличается от румынской. Как вы знаете, в этой стране движение за права человека, которое является, по существу, партией этнического меньшинства болгарских турок, играет важную роль в поисках решения этой проблемы. Этим я хотела сказать, что не вижу особого сходства в политических системах этих двух стран, связанных с их этнической неоднородностью. И еще - по поводу того, что называть "Европой". Кто-то сказал, что Европа - это место, где живут европейцы. Но кто такие европейцы? В Европе привыкли к тому, что мы - общность многокультурная, многоязыковая, многоэтническая.

В.Лукин. - Что бы не говорилось о различиях культуры, ясно, что эти различия существуют. Но для меня неоспоримым фактом является одновременно и то, что посткоммунистические демократические революции произошли более или менее синхронно во всех странах. Это одно из самых очевидных доказательств их большой и тесной связи, хотя, естественно, и не главное. Но само существование имперско-коммунистического режима, который был - это большое доказательство. И я бы даже пошел дальше: граница по Эльбе - это не случайная граница, потому что исторически демократия останавливалась примерно там. Восточная Германия, особенно Пруссия, которую часто называли европейским Китаем, была территорией довольно специфической. А если так, то сейчас постфактум, разделять Восточную Европу и Россию на зоны, в одной из которых вроде бы европеизация идет нормально, а в другой - не

очень, и поэтому одну зону надо спасти для демократии и присоединить к Европе, а на другую можно как бы посмотреть, что там делается, холодным взором издалека, - это ошибочная политика. Ошибочная, потому что речь идет об очень сложной зоне, в том числе и ядерной, политический вакуум в которой, кстати говоря, очень опасен. Как раз в связи с нарастанием тех чувств, о которых я вскользь говорил: что Запад предал российское демократическое движение, не Россию, а демократическое движение. Для этого чувства есть два основания. Первое: если за идеей "партнерства ради мира" скрыто все-таки постепенное, поэтапное присоединение Восточной Европы (без России) к НАТО, то это будет рассматриваться всеми без исключения политическими силами в России как предательство. И второе. Если Запад заинтересован в независимости Прибалтики, но в ее демократической и не милитаризированной форме правления, без включения военных структур, то тогда он должен это продемонстрировать. Нельзя ностальгией заменять реальную ситуацию. Ностальгия - это стремление к независимости Прибалтики, и Россия согласилась с этим и сделала ее возможной. Но если после обретения независимости нам говорят, что в общем-то им наплевать на русскоязычное население, что главное - независимость и близость этих стран к НАТО, то это ничто иное, как окружение России. Причем военно-политическое окружение, и оно будет неизбежно рассматриваться как предательство. Могу сказать, что, присутствуя на заседаниях Совета Европы, вижу абсолютно спонтанную, я бы сказал, стихийно-традиционалистскую реакцию на выступления прибалтов в отношении России. Здесь упоминалась Южная Африка, а в чем разница? В том, что в Южной Африке ходили с пиками, а здесь ходят с законами и псевдозаконами, не с ружьями, а с плотно сжатыми губами? Поэтому я призываю Запад внимательно подумать об этом и продемонстрировать, что он помнит о демократии, правах человека, правах национальных меньшинств не только тогда, когда это ему стратегически выгодно, но и по принципиальным соображениям.

25 июля 1994 г.

Ш.Уильямс
(Великобритания)*

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА: НАДЕЖДЫ И РАЗОЧАРОВАНИЯ РЕФОРМАТОРОВ

Я постараюсь пойти на маленький подлог. Мое выступление будет посвящено трем темам, и я надеюсь, что последняя из них перекинет мостик к тому семинару, который состоится сегодня вечером. Первая тема - о разочаровании в опыте Центральной и Восточной Европы. Я хотела бы поговорить о некоторых причинах этого разочарования как в экономической, так и в политической области. Во-вторых, я хотела бы поговорить о роли западного мира, то есть Западной Европы и Северной Америки, в тех событиях, которые произошли в Центральной и Восточной Европе, точнее, о целом ряде ошибок, которые совершил Запад (по моему мнению). И, наконец, я хотела бы остановиться на теме, которой мы закончили наше утреннее заседание. Это тема будущих отношений между Россией, Центральной Европой, Западной Европой и Северной Америкой. Как эти отношения должны выглядеть? К сожалению, часть из того, что я хотела сказать, уже было четко и ясно сказано господином Оффе. Поэтому я постараюсь, чтобы мое выступление носило гораздо более политический характер. Я буду говорить как политик и парламентарий, то есть как ваш коллега, а не как ученый-теоретик, потому что, как мне представляется, господин Оффе предложил очень интересную аналитическую схему и мне не стоит повторять ее.

Позвольте начать с того, что по моему мнению в Центральной Европе наследие коммунизма, конечно, было общим с Россией. После 40 лет коммунизма там остались только воспоминания о докоммунистическом прошлом. Однако эти воспоминания живы. И одна из характерных черт движения реституции (то есть восстановления в этих странах прав собственности, в данном случае собственности на землю) заключается в том, что очень часто идет отсылка к периоду до второй мировой войны, к временам, когда социальные структуры носили фактически феодальный характер.

* Уильямс Ширли, профессор Гарвардского университета.

Таким образом, в обществе появляется напряженность между традиционалистской социальной структурой и структурой, свойственной современному миру. В России эти воспоминания будут носить, конечно, еще более сложный характер, то есть уходить почти полностью в мир абстрактного, в мир, который предстоит строить заново. В Центральной же Европе - это более конкретная задача, хотя и уходящая корнями в прошлое. В Восточной и Центральной Европе переход продвинулся немножко дальше, чем в России. Он шел не быстрее, но, во всяком случае, более последовательно. И поэтому мы можем в **каком-то** смысле рассматривать Восточную Европу как зеркало, чтобы оценивать события, происходящие в СНГ. Наконец, контекст, в котором Центральная Европа вступила на путь перехода, был во многом более благоприятным, чем в странах СНГ и в России. Когда я говорю "более благоприятным", то имею в виду три вещи. во-первых, это бросающаяся в глаза готовность Европейского Сообщества иметь дело со странами Центральной Европы и вести с ними торговлю. Первые соглашения об их ассоциированном членстве были заключены еще в 1991 году. Во-вторых, это пропорционально значительно более крупные объемы помощи, доходившей в период с 1990 по 1993 год до 30 миллиардов долларов, что, учитывая размеры восточноевропейских экономик, значительно более весомо, чем помощь России. В-третьих (возможно, самое главное), это наличие прямой и четко выраженной цели, связанной с вступлением в Европейское Сообщество, воспринятой всеми демократическими силами Центральной и Восточной Европы еще в 1990 году (я еще вернусь к этому сложному вопросу: что значит - присоединиться к Европе? Далее, когда я буду говорить "Европа", то буду иметь в виду то, что именуется ныне Европейским Союзом). И тем не менее, переход в странах Восточной Европы оказался более сложным и ухабистым, чем ожидалось. Он сопровождается явными разочарованиями.

Кто-то из присутствующих на этом семинаре сказал мне, что великим достижением для России была бы мирная передача власти от одного правительства другому. Стоит отметить, что такая передача уже имела место в Польше, Венгрии, Болгарии, Литве в условиях, которые могут расцениваться как наименее благоприятные для правительств, избранных в 1990-1991 годах. Утрата общественной поддержки в этой связи объяснима, если мы посмотрим на экономические факторы. Именно с ними в первую очередь связано начавшееся разочарование. Это чувство возникло, на мой взгляд, по

двум причинам. Первая состоит в том, что западные финансовые организации настаивали на необходимости выплаты процентов по долгам, сделанным при прежнем, коммунистическом режиме. Выплачивать проценты по этим долгам должны были новые правительства. Это бремя - весьма тяжелое в случае Польши и в меньшей степени для Чешской и Словацкой республик - явилось неожиданностью для новых правительств. Они не предполагали, что к ним будут подходить с теми же финансовыми критериями, которые применяются к странам Латинской Америки и Азии. Однако на протяжении года или полутора лет у Запада не было даже мысли о том, чтобы простить им хотя бы часть долга или отсрочить его выплату, хотя в случае с Польшей в конечном итоге часть долга была прощена, поскольку ее долги были слишком велики.

Итак, новые правительства оказались перед необходимостью выплачивать долги в твердой валюте практически с первого дня, что совпало с еще одним “подарком на крестины” - с утратой прежнего рынка. СЭВ в эти годы стал столь же закрытым, как Европейское Сообщество - сегодня. Если прежде примерно 2/3 объема внешней торговли стран-членов СЭВ приходилось на их торговлю между собой, а в некоторых странах эта доля была еще выше, то в последние годы существовавшее искусственное усиление взаимозависимости, созданное структурами типа Госплана, фактически разрушило эти связи. К тому же проблема утраты рынков стала еще более серьезной в свете совершенно разумного и понятного решения России перейти на мировые цены на энергоносители. То есть в результате отказа от субсидируемых цен, которые помогали Советскому Союзу и его клиентам держаться в едином блоке. Такие страны, как Украина, Польша, Румыния, понесли из-за этого очень тяжелый удар в связи с необходимостью перехода на мировые цены, который уже в общем и целом свершился. Для них это было тем более тяжело, что значительная часть их перерабатывающей промышленности была чрезвычайно энергоемкой и неэффективной, равно как и большая часть российской промышленности. Эти “подарки на крестины” - утрата рынка СЭВа и тяжелое бремя долгов - и привели к тяжелому разочарованию в странах Восточной и Центральной Европы.

Еще два экономических фактора. Первый из них - падение ВВП (т.е. валового национального продукта). В целом по Восточной и Центральной Европе его падение составило от 15 до 20 процентов (я на этом остановлюсь несколько позже, но официальные цифры о снижении ВВП именно такие). В России это падение еще сильнее.

Соответственно, начала уменьшаться и налоговая база, которая обычно служит основой для предоставления социальных услуг. В теневой экономике, которая восполняет по меньшей мере половину цифры сокращения ВВП, в большинстве случаев налоги вообще не платятся. Поэтому переход от официальной экономики, когда налоги платились, к существующей имел разрушительные социальные последствия для обществ Центральной и Восточной Европы. В результате этого произошло значительное сужение социальной сферы. Сегодня очень трудно получить нормальную бесплатную медицинскую помощь, например, в Польше и Венгрии. В большинстве случаев такие учреждения, как детские сады, ясли и лагеря, или закрылись, или вместо них появились частные учреждения. Наконец, сужение, а иногда и полное свертывание сферы социальных услуг имело негативные последствия для поддержания нормальных жизненных условий пожилых людей, хотя большинство центрально-европейских стран и повышало пенсии в соответствии с инфляцией, что в свою очередь имело тяжелые последствия для бюджетов этих стран. Приведу только одну цифру: в прошлом году не менее 12 процентов ВВП Польши пошло на пенсии. Это примерно треть всех государственных расходов. Трудно поверить, что такой уровень расходов можно поддерживать и в будущем.

И второй фактор: начали сказываться последствия приватизации. Конечно, приватизация неизбежна при создании экономики свободного рынка. Во многих случаях это ключевой элемент рынка. Но приватизация в Центральной Европе проходила так же, как большой скачок в США: сам процесс начинался раньше, чем принимались законы, его регулирующие. Другими словами, приватизация совершалась быстро, в ситуации, когда не было эффективного контрактного законодательства, эффективных законов о банкротстве, при несовершенном законодательстве о правах собственности и на фоне продолжающихся споров о реституции - собственности довоенного времени. Насколько я знаю, то же происходит и в России. Я также знаю, как трудно сейчас заниматься земледелием в Венгрии, потому что остаются неурегулированными многие споры о собственности на землю, что означает, что во многих случаях земля попросту не возделывается до тех пор, пока не удастся юридически урегулировать все споры и претензии. Это относится как к сельскохозяйственным угодьям, так и к недвижимости в городах. В результате последствия приватизации, совершаемой при отсутствии понятных и четких законов, приводят к становлению капитализма

XIX века, а не конца XX века. Капитализм XIX века - это капитализм джунглей, когда слабые погибают от рук сильных. И поскольку этот капитализм не освящен деятельностью правового государства и конституционных структур, он в большинстве стран пользуется дурной славой.

Усугубляют положение еще две вещи. Во-первых, лучше всего к приватизации и торговле оказались подготовленными люди, принадлежавшие к бывшей номенклатуре. Я помню, как год назад я встречалась с руководителем очень известной шведской компании (которую не буду называть) и он мне сказал, что единственный способ заниматься бизнесом в Чешской республике - это нанять на работу человека, который много знает о людях, которые принадлежали к старому режиму. Поэтому, сказал он, я нанял одного из офицеров бывшей секретной службы. Можно понять, какое разочарование в этой связи испытывают те чехи, которые приветствовали демократию и которые видят, как эти люди зарабатывают в 10-20 раз больше, чем они сами, продавая свои знания известной западной компании. Таких историй великое множество, и они хорошо известны. Наряду с потрясающей способностью старой номенклатуры находить для себя ниши, законы, которые должны это предотвращать, оказываются чаще всего неэффективными. Самый знаменитый из таких законов - это закон о люстрациях в Чешской республике. Некоторые из вас о нем, может быть, знают. Это была попытка отдать всех людей, игравших сколько-нибудь заметную роль при старом режиме, под суд на предмет оценки того, следует ли им занимать общественные должности в госаппарате. Этот закон вызвал глубокий раскол в Чехословакии. На мой взгляд, он был слишком широким по своему охвату, поскольку под него попадали все работники чешской милиции, которые, как правило, набирались по призыву и служили не по своей воле.

Наконец, в этом ряду вызывающих озабоченность факторов есть еще один, хорошо знакомый России. Это то, что капитализм, не имеющий четкого правового каркаса, немедленно становится капитализмом криминальным. Криминальные элементы особенно сильны сегодня в Польше и Чешской республике, а также в России, в сравнении, скажем, с Венгрией. Сейчас рождается очень много бизнесов, деловых начинаний в таких сферах, как проституция, порнография, отмывка грязных денег и торговля наркотиками. Большие деньги на этом делаются людьми, которые имеют, мягко говоря, превратное представление о том, каким должен быть новый

бизнес. В результате экономических перемен в выигрыше оказываются, естественно, новые предприниматели, часть из которых на самом деле - весьма новаторски и творчески мыслящие люди, а также представители старой номенклатуры, которые оказались достаточно умными, чтобы быстро приспособиться, и образованная молодежь, которая может получить хорошую работу в иностранных компаниях и которая знает, где ее искать. Особенно молодые люди, хорошо знающие западные языки. Проигрывают же люди старшего поколения, женщины с детьми, почти везде - сами дети, особенно из многодетных семей (у них катастрофически упал уровень жизни) и, разумеется, сироты. Самое серьезное: среди проигравших оказываются квалифицированные рабочие бывших государственных предприятий, то есть основная часть избирателей.

Теперь политические вопросы. Сегодня утром профессор Оффе говорил, что центра политической власти "не оказалось на месте". Я хотела бы остановиться на этом несколько подробнее. Во-первых, в политическую элиту пришли люди из научного мира. Но уважаемые академики редко находят общий язык с другими людьми и не всегда легко принимают решение. Встречаясь с ними, я не могу забыть, как в 1992 году в Польше пыталась убедить членов демократического коалиционного правительства выйти на улицы во время избирательной кампании. Я до сих пор помню, какой ужас появился на их лицах при этом. При одной мысли, что им придется высунуть хоть нос на улицу. Я, как парламентарий с немалым опытом, пыталась им разъяснить, что я всегда в период избирательной кампании шла на улицу и так же делали все мои коллеги. Но им эта идея, видимо, казалась просто ужасной, так как большинство из них вообще не встречалось в жизни с обычными людьми.

Вторая характерная черта прежней политической элиты (я не хочу ни на секунду подвергать сомнению моральные качества людей): у них было сверхидеализированное представление о политике, которое с трудом выдерживало испытание жизнью. Они очень абстрактно подходили к принятию решений. Одно из последствий этого, с которым я сталкивалась множество раз повсюду, это то, что заседания их правительств (а правительство - это центр парламентской демократической системы) скорее напоминали дискуссии в гостиных. Я говорила с министрами из Польши и Венгрии и обнаружила, к своему удивлению, что идея заранее согласованного плана работы правительства, который потом рассылался бы всем министрам и становился обязательным к исполнению вплоть до угрозы отставки,

была столь чужда им, что казалось, будто эта идея совершенно утопична. Но я сама была членом правительства на протяжении пяти лет и знаю, как работает демократия, система принятия решений в правительстве; она зависит от дисциплины министров, которые независимо от свободы мнений на заседании, после того, как решения по всем обсуждавшимся вопросам приняты, уже не могут подвергать их сомнению. Это нельзя недооценивать. Россия не состоится как демократия, с ней произойдет то же самое, что произошло с центральноевропейскими правительствами, потонувшими в собственной нерешительности, если она не поймет, что такое “демократический кабинет министров”. Учитывая, что он состоит сегодня из выбранных представителей, которых можно и завалить на выборах. Во-вторых, правительство ответственно перед избранным парламентом, который имеет возможность отправить его в отставку. И, в-третьих, отдельные члены правительства могут уйти в отставку в знак несогласия с решением правительства, не нанеся при этом ущерба своей политической карьере, хотя, конечно, определенные потери могут быть.

Еще пара замечаний о политических проблемах. Во-первых, сохраняющееся непонимание роли исполнительной и законодательной властей. Мне кажется, я сталкиваюсь с этим непониманием и здесь. Совершенно необходимо, чтобы исполнительная власть имела возможность разрабатывать и проводить политику, а парламент, в свою очередь, имел возможность рассматривать эту политику при принятии законов. И не менее важно, чтобы исполнительная власть не пыталась при этом переломить волю парламента, а парламент - подвергать сомнению волю правительства. Здесь необходимо установить разумное взаимное ограничение. Я замечала в странах Центральной Европы, что парламенты пытаются управлять государством, а правительства пытаются устанавливать законы. В результате возникают только хаос и большая опасность для демократии.

И последнее замечание. Я очень бы вас просила, как умоляла восточноевропейцев, быть внимательнее при рассмотрении вопроса о введении чрезвычайного положения. Лучше ввести его на определенный срок, скажем, на месяц (я бы считала, что не более, чем на три месяца), чем вместо этого вносить поправки в Конституцию, чтобы справиться с чрезвычайной ситуацией.

А теперь об ошибках Запада. Я думаю, что главный порок помощи Запада Восточной и Центральной Европе состоял в полном непонимании взаимозависимости реформ политических и экономи-

ческих структур, что переход к плюралистической экономической структуре должен идти “нога в ногу” с переходом к плюралистической политике. Как я уже отмечала, приватизация во многих случаях опережала внесение соответствующих корректив в законодательство, и это произошло в том числе и потому, что Запад направил легионы экономических консультантов в страны Восточной Европы и почти ничего не сделал для политического образования. Запад относился к политике (пусть экономисты извинят меня за такой термин) как “внешнему фактору”. Мы уже говорили о необходимости вписать реформы в культуру и историю общества. Однако большинство экономических консультантов даже не подозревало, что у Центральной Европы есть своя история, обусловленная различием культур, с их традициями, существующими привычками, обычаями и т.д. И, что еще хуже, они в силу узкой специализации их экономической подготовки, не знали, что им это нужно знать. В большинстве западных университетов термин “политическая экономия” считается безнадежно устаревшим. Мы учим наших экономистов “щелкать” математические уравнения, подталкиваем их к употреблению одних и тех же математических моделей для всех стран, независимо от их культуры, и при этом ждем, что эти модели будут работать. Я полагаю, что Запад должен и вынужден будет заплатить за это высокую цену.

И последнее. Несколько слов о вызывающем озабоченность факторе, уже обсуждавшемся сегодня. Я не могу завершить свое выступление, не вернувшись к нему. Я сказала, что Центральная Европа имела преимущество в виде наличия четко поставленной цели. Эта цель - вступление в Европейское Сообщество. Несмотря на все разочарования, для Польши, Венгрии, Чешской республики, Словакии и, в определенной степени, для Болгарии и Румынии, она остается в силе. Это единственная цель, которую они продолжают ставить перед собой. Именно она дает им чувство ответственности и направление движения. Но дело в том, что эти страны вступят в Союз, который проводит действительно протекционистскую политику. На мой взгляд, это трагично. Но это так. Хотя в этом Союзе постепенно начинают развиваться институты, более широкие и более действенные, чем институты СБСЕ, ГАТТ или ООН. Поэтому нам следует подумать о трех вещах. Во-первых, как можно скорее создать такие рамки для торговли, при которых страны, надеющиеся вступить в Европейский Союз, например, члены Вышеградской группы, могли бы продолжать торговые отношения с Востоком

(традиционные для них) наряду с Западом, поскольку сегодня они искусственно расширили свою торговлю с Западом. Как вы, наверное, знаете, в прошлом году был пятимиллиардный дефицит торговли стран Центральной и Восточной Европы с Западом Европы, и они могли бы его избежать, если бы продолжали торговлю с Востоком. Должна возникнуть новая структура торговли между Центральной и Восточной Европой и странами СНГ. Должен возникнуть новый восточноевропейский, или восточноевразийский торговый регион. Во-вторых, соответствующие институциональные структуры (чтобы принять Вышеградскую группу) в рамках Европейского Союза могут появиться только к концу века. Следовательно, и в этом случае нам нужно думать, как сделать эти институты более подходящими для того, чтобы Россия и другие страны СНГ могли уже сегодня принимать эффективное участие в политических и других дискуссиях в Европейском Союзе, даже если они не будут являться полноправными членами этого Союза. И, наконец, третье и самое сложное. Какой должна быть структура безопасности, чтобы она не вызвала опасений у России? Я думаю, что этот вопрос стоило бы вынести на специальное обсуждение в академической и политической среде, подобной нашей, поскольку никто из нас не обязан выступать с официальной точкой зрения. Я закончу следующим. Я считаю, что возможность создания структуры, которая была бы демократической, достаточно стабильной и выражала общие интересы, - есть. Несмотря на опасность сохраняющихся пережитков "холодной войны", что приводит к возрождению стереотипов, пусть и непреднамеренно.

Извините меня за то, что я вынесла на ваше рассмотрение столь много вопросов. Но я хотела поделиться с вами мыслями о том, почему центральноевропейский опыт оказался во многих отношениях разочаровывающим и что "не так" в структуре западной помощи. Профессор Оффе уже рассматривал это на примере Восточной Германии, хотя, на мой взгляд, это не совсем типичный пример. И, наконец, самое важное. Какие более широкие структуры мы можем надеяться увидеть возникающими в ближайшие годы? Как можно избежать антипатии между Россией и СНГ, с одной стороны, и большой Европой, - с другой. Такой итог был бы трагедией для нашей работы. Я считаю, что такого исхода можно было бы избежать.

ДИСКУССИЯ

Б.Замай, депутат Государственной Думы. - Возможно, из-за неточности перевода я неправильно понял, что, когда вы разговаривали с парламентариями из Восточной Европы, то рекомендовали им как можно быстрее принять закон о чрезвычайном положении, и то же самое предлагаете сделать нам. Однако у нас очень много делалось чрезвычайного. Есть русская пословица: нет ничего более постоянного, чем что-либо временное. Чрезвычайная комиссия создавалась Лениным временно - для борьбы с преступностью, и в результате мы реформируем КГБ до сих пор. Если ситуация в экономике чрезвычайна, то это ничем не отличается от Государственного комитета по чрезвычайному положению, который был создан в августе 1991 года, а позднее то же самое предлагал и бывший вице-президент Руцкой. Не могли бы вы пояснить, что имели в виду под чрезвычайным положением?

Ш.Уильямс. - Вопрос очень интересный. Но я действительно не об этом говорила с парламентариями из Восточной Европы. Постараюсь ответить на ваше замечание. Я понимаю, что во многих случаях выбор здесь чрезвычайно сложный. Я согласна с этим. Однако, если вы сможете увязать введение чрезвычайного положения с четко ограниченным периодом, на протяжении которого оно будет действовать, тогда вы окажетесь в лучшем положении, чем если начнете беспрерывно латать Конституцию. Все страны попадают иногда в чрезвычайные ситуации. Самая чрезвычайная ситуация на моей памяти - это вторая мировая война, когда все западные демократии отбросили многие юридические правила, которые охраняли права граждан в мирное время. Законы о чрезвычайном положении в прошлом подчеркивали, что оно автоматически отменяется с окончанием войны. И они действительно были отменены практически сразу после второй мировой войны. Мы знаем, что так трудно поступать в молодых демократиях. Однако, даже возвращаясь к тем законам, нельзя не отметить, что при всей чрезвычайности они не разрушали конституционную структуру прав человека, а лишь несколько ограничивали эти права с конкретной целью - содействовать военным усилиям. Примером таких ограничений могут служить реквизиции помещений для размещения в них

войск или поездов для эвакуации детей. Такие ограничения не нужны в мирное время и поэтому на Западе они невозможны по закону. Но, если для преодоления чрезвычайных ситуаций вы будете менять Конституцию, так, как вы это делали недавно, например, в целях борьбы с организованной преступностью, то вы столкнетесь с тем, что Конституция как таковая перестанет действовать. А это значит, что утратит действенность и ваше собственное понятие о демократии. Я согласна с тем, что такой выбор сделать очень трудно. Может быть, я не права, что предлагаю вам это, но я хотела бы заронить в ваше сознание представление, насколько велики ставки при таком выборе. И я лично предпочла бы первый способ, а не второй.

И еще один момент: ситуация в Северной Ирландии. Как известно, там ограничены некоторые демократические свободы на время чрезвычайного положения. Однако ограничения только для одного географического региона и к тому же по закону нуждаются в ежегодном подтверждении. Скажем, так называемый закон о предотвращении терроризма позволяет властям обыскивать граждан и задерживать их на срок до трех суток, если власти подозревают, что те имеют оружие или взрывчатку. В остальном же передвижение между двумя частями Объединенного Королевства свободно. Поэтому можно сказать, что это специальное правило, действующее в условиях чрезвычайного положения только в одной части страны. Еще раз хочу сказать, что я считаю такое положение предпочтительным по сравнению с ущемлением всех гражданских прав. И говорю это, основываясь на собственном опыте. Я сама занимала на протяжении пары лет пост министра по делам Северной Ирландии и знаю, каково на таком посту принимать решения, когда приходится защищать безопасность всего политического курса.

Д.Моиси. - Разочарование центрально- и восточноевропейцев во многом объясняется противоречивой позицией Запада. При этом особенно часто повторяется аргумент, что Западная Европа всегда проповедовала Восточной необходимость свободы торговли, не пуская на свои рынки восточноевропейские товары. Французский министр по европейским делам в этом году заметил, что баланс торговли Франции с Центральной Европой имеет пятидесятипроцентное положительное сальдо; в результате мы получаем реальное преимущество от наших отношений с Центральной Европой. На мой взгляд, это главное противоречие. Поэтому естественна реакция восточноевропейцев, когда они говорят нам: "Лучшее, что вы можете для нас сделать, - это, открыть ваши рынки для наших товаров". Однако я

хотел бы подчеркнуть, что несмотря на сказанное вами, в этих странах явно ощущается чувство уверенности, того, что они чего-то достигли. Да, там есть разочарования. Но одновременно там часто говорят: “Ничего, мы справимся и без вас, может быть, даже вопреки вам”. Это и создает противоречие. Сегодня Центральная Европа менее едина, чем 4 года назад. И мы даже стараемся подталкивать их к тому, чтобы они мыслили о себе как о европейцах. Однако они противятся этому, и каждая из стран идет своим путем. По-моему, это началось в Чешской республике. Сейчас Польша говорит о веймарском треугольнике: трехсторонних отношениях между Бонном, Парижем и Варшавой. И мы вяло сопротивляемся искушению, когда каждая страна заявляет о своей уникальности. Чехи говорят: “Мы уникальны, потому что у нас самый лучший премьер-министр в Восточной Европе - Вацлав Клаус”. Поляки говорят: “Мы уникальны, потому что мы большой 40-миллионный народ, не сравнимый с мелкими странами вокруг нас”. Это реальность, бросающаяся в глаза. Мы на Западе говорим о Центральной Европе, но они не употребляют это понятие, считая, что оно все больше уходит в небытие. И третий момент, который необходимо отметить, состоит в том, что они начинают все больше расходиться между собой в дискуссиях о Европе. Даже в Чешской республике вы можете найти две разные Европы: Европу Тэтчер (это Европа премьер-министра Клауса) и Европу Делора (это Европа президента Гавела). Они открыто спорят по этому поводу. Конечно, это происходит на фоне открытого разочарования Европой. И это разочарование не только по поводу того, что Европа сделала для них, но и относительно того, что такое Европа для самих западноевропейцев. То есть, я хочу подчеркнуть, что чем больше мы стараемся интегрировать их в наш мир и в наши реалии, тем больше они распадаются как целое и вступают индивидуально в глобальные дискуссии о единой Европе и Европейском Сообществе. И, мне кажется, этот элемент особенно важен, потому что хотя товары их и не попадают на наши рынки, однако весь набор существующих у них идей и представлений о единой Европе к нам уже проник.

Ш.Уильямс. - К этому замечанию я добавила бы только две вещи, подтверждая ваши рассуждения об отсутствии единства. Участвуя в совместных семинарах с ведущими политиками стран Центральной и Восточной Европы, я заметила, что они практически никогда не встречаются друг с другом на семинарах. На этом фоне бросается в глаза чувство корпоративности, которое отличает государственных чиновников

Западной Европы. Восточной же Европе нужны деньги, и каждая страна является почти полностью автономной, независимой от соседей. Вторых, вы совершенно правы, указав на появившееся в этих странах чувство уверенности. Мне нужно было бы об этом сказать. Действительно, в странах Восточной и Центральной Европы уже заметны признаки того, что упадок экономики подходит к концу и может начаться подъем. Единственное исключение из этого - к сожалению, безработица, рост которой продолжается. Однако по части валового национального продукта и, несомненно, государственных бюджетов, я согласна: положение выравнивается (если принимать в расчет и теневую экономику). И последнее - то, что вы сказали об идеях. Торговля и обмен идеями - это процесс двухсторонний. Я думаю, Западная Европа начинает все больше ощущать у себя результаты этого процесса. Например, мы замечаем, что во Франции и Западной Германии начинают прислушиваться к некоторым специалистам из Восточной Германии. Не говоря уже о художественном и литературном воздействии этих стран, которое также начинает все больше сказываться у нас.

Ю.Согомонов, старший научный сотрудник Института социологии. - У меня ремарка, рассуждение, возможно, несколько парадоксальное. При том, что я разделяю демократические ценности и внутренне считаю себя демократом, я не хочу жить при демократии. По крайней мере, сейчас. Я уцеплюсь за маргинальную часть вашего выступления. Когда вы рассказывали о том, как вам приходилось убеждать польских политиков быть более активными, вы удивлялись, что они ведут себя по-другому. Я тоже достаточно часто сталкивался с ситуацией, когда западный политик не может понять психологии нашего политического лидера. Я не случайно сказал "психологии", поскольку установка, которая существует в переходном обществе, - это установка на обретение нормальности: обретение нормальной демократической жизни, нормальной рыночной экономики и т.п. Эта установка предполагает, что сейчас что-то ненормально. Если есть ненормальность в обществе, культуре, экономике, то, естественно, должна быть и ненормальность в психологии. Но эта ненормальность неслучайна, и я бы даже сказал - полезна. Поэтому, мне кажется, посткоммунистическое общество является обществом не demoscasy, а meritoscasy. По крайней мере, в некоторых механизмах политического регулирования. Когда важнее, чтобы интеллектуалы, а не политики были облечены определенной свободой принятия тех или иных политических решений. Им не хватает воли, но зато они обладают

этическим потенциалом, которого нет, скажем, у махровых политиков.

Ш.Уильямс. - Мы были слишком заумны и не уделяли должного внимания системе криминального судопроизводства. Вместо того, чтобы принимать все более суровые законы для борьбы с преступностью, лучше заняться проблемой управляемости полиции: тем, как оплачивается ее работа, как создать такую полицию, которая пользовалась бы уважением общества и, таким образом, получила бы реальную возможность оградить себя от криминальных сил. Коррупция разъедает систему уголовного правосудия в Центральной Европе, несмотря на отчаянные усилия, которые предпринимаются по этому поводу. Она разъедает и систему судопроизводства. Совет Европы ведет в данной области огромную работу, но этой работой не решить проблему, как оплачивать и защитить людей, работающих в судебной системе. Что же касается меритократии, то здесь я, пожалуй, согласна с довольно пессимистическим выводом Роберта Патнема, а именно: нет никакой альтернативы органическому развитию гражданского общества, его нельзя искусственно привнести извне. Мы должны понимать очень простую вещь: демократические институты сами по себе не порождают гражданское общество. Это другое явление. Это, скорее, эманация гражданского общества. Суть его в поощрении независимой и добровольной гражданской активности, чтобы общество само снизу строило свои структуры. Мы, к сожалению, этому уделяли слишком мало внимания, хотя именно таким путем образуются мышцы, позволяющие работать организму. И мы должны научиться это делать. Роберт Патнем - эксперт в этой области, и он еще будет об этом говорить.

А.Сергеенков, депутат Государственной Думы. - Относительно чрезвычайного положения, которое можно вводить в странах переходного периода. Вы совершенно справедливо отметили, что наша страна переживает этап, который можно сравнить с диким капитализмом начала XIX века. Я думаю, здесь нет ничего необычного и можно было предвидеть, что будет именно так. Мы, скорее всего, и не могли оказаться где-то на другом этапе: видимо, каждая страна, совершающая такой переход, должна пройти этап первоначального накопления капитала, о котором писал Маркс. Этот этап мы проходим. И, думаю, мы пройдем его, если будем двигаться последовательно и достаточно быстро. Хотя делается много ошибок, и нам, депутатам, надо, безусловно, принимать какие-то меры, возможно даже чрезвычайные, чтобы исправить их, но, на мой взгляд, это ни

в коем случае не означает, что нужно вводить чрезвычайное положение в стране. Речь ведь идет не о том, чтобы бороться со стихийными бедствиями, для этого у нас есть министерство - Государственный комитет по чрезвычайным ситуациям. Но если речь идет о вмешательстве в экономику, то введение чрезвычайного положения в этой области не продвинет нас вперед, а скорее всего отбросит назад.

Теперь по поводу выступления Александра Согомонова. Мне кажется, что его заявление о том, что власть должна принадлежать интеллектуалам, а не политикам, по меньшей мере, несерьезно. Я думаю, интеллектуалы должны заниматься своим делом: они должны советовать политикам, а политики должны прислушиваться. А если интеллектуал к тому же является политиком, тогда он действительно может олицетворять власть. В противном случае, нет ничего опаснее для страны, которой будут руководить лишь интеллектуалы. Что же касается того, что он не хочет жить в условиях демократии, то я думаю, здесь всегда возникает опасность, что если мы от демократии начнем чуть-чуть отступать, небольшим отступлением это не ограничится, и мы не успеем оглянуться, как все интеллектуалы окажутся за решеткой, и о демократии мы опять будем только мечтать.

Ш.Уильямс. - Не знаю, что и сказать. Я, пожалуй, с большим уважением отношусь к высказанной вами точке зрения. Интеллектуалы должны советовать политикам, а не подменять их. Потому что интеллектуалы заведомо не то, что политики. Есть принцип, который я люблю и которому следовала сама, занимаясь политической деятельностью: "Когда сидишь в окопе, то Боже упаси, чтобы рядом находился интеллектуал! Лучше уж пусть будет другой брат-политик".

Д.Блэкман. - Три кратких замечания. Первое - о Гавеле и Клаусе. Очень просто отмахнуться от Клауса как неэффективного модернизатора. Однако о том, в каких условиях он добился своего, мало кто знает. Поэтому напомним, приведу характерный пример. Когда правительство Чешской республики вело переговоры по поводу договора с Европейским Союзом (необходимость его перезаключения возникла оттого, что прежнее соглашение было подписано с Чехословакией), то Европейский Союз решил внести в него пункт о правах человека, распространяющийся на все договоры с ассоциированными членами. Чешское правительство выступало против, и во время уикенда, предшествовавшего заключению соглашения, была

предпринята попытка найти компромисс. Однако в это же время Гавел выступил с речью, в которой были слова: “А чего мы, собственно, боимся?” И это полностью подорвало позиции чешской делегации, она была вынуждена согласиться на включение этого пункта в предложенный договор. Второе замечание - об отсутствии двухсторонних контактов между центральноевропейскими политиками. Недавно мой друг, генеральный секретарь польского Сената, сказал мне, что он только что встретился со своим коллегой - руководителем парламента Чешской республики. Эта встреча произошла в Вашингтоне. И третье замечание. Оно связано с выступлением Эрнста Геллнера. Задавался ли кто-нибудь вопросом, сколько парламентариев, избранных в парламент после 1990 года в Центральной Европе, были членами демократических парламентов до того, как коммунисты пришли к власти? В этой связи у меня есть конкретный пример. В Болгарии два лидера Союза демократических сил: Дадлиев - от социал-демократов - и, кажется, Панчев - лидер аграрной партии, стали членами Парламента, избранного демократическим путем в 1947 или 1948 году. И они же были избраны в посткоммунистический парламент. Спрашивается, почему демократы утратили контроль над парламентом? На мой взгляд, одна из причин этого состоит в том, что новые лидеры, особенно крайне правые в Союзе демократических сил, заняли жесткую позицию и, как я думаю, намеренно стали обвинять бедных стариков в том, что, отсидев в лагере, они вряд ли способны стать политическими лидерами в демократическом обществе. Это лишь один случай, но мне интересно, кто занимался этой проблемой преемственности на уровне элит? Это очень важно. Господин Геллнер совершенно прав, когда он указывает на эту проблему.

С.Митрохин, депутат Государственной Думы. - Я хотел бы тоже высказаться по поводу нарушения Конституции. Когда российское руководство нарушает Конституцию, то меня охватывает горечь не потому, что на наших глазах происходит попрание Основного закона общества, а потому, что руководство нарушает свою собственную Конституцию, то есть ту самую, которая была написана по его же поручению. В этом случае возникает совершенно естественный вопрос, зачем тогда вообще нужно было ее писать? Вот написали, что предварительное заключение под стражу не должно превышать 30 часов. И после этого через несколько месяцев издается указ, что можно задерживать и на 30 дней. Таких примеров можно привести огромное количество. Сейчас мы видим титанический процесс

реформирования общества путем указов. Между тем в Конституции, например, написано, что указы президента принимаются на основе законов. Но 90 процентов тех указов, которые восхваляются как какой-то мощный прорыв в нашей жизни, приняты на основе не законов, а просто каких-то мыслей людей, окружающих президента. Мне кажется, что причина, по которой все это происходит, роднит всех наших политиков - и махровых, и не махровых, - и интеллектуалов, и все наше население. Это особенность российского менталитета, которая заключается в каком-то безграничном презрении к процедуре как таковой, к заранее установленной процедуре, некоему набору правил. Очевидно, она проистекает из ситуативности российского мышления, ведь русский человек всегда исходит из ситуации, в которой он руководствуется той правдой жизни, которую ему диктует сиюминутное настроение. Может быть, причина именно в этом, а может быть, в чем-то другом. Во всяком случае, примеры этого мы видим на каждом шагу. Нам уже приводилось здесь высказывание одного из чиновников, что права преступника ему менее дороги, чем права простого человека. И в этом случае мы видим опять-таки элементарное презрение к законной процедуре, согласно которой запрещено отличать в целом ряде случаев простого человека от бандита. Но такова правда жизни, которую должностное лицо чувствует интуитивно своим русским нутром. И очень трудно объяснить ему, что после того, как эта логика начнет работать, никто уже ни от чего не гарантирован, ибо государство станет само определять, кто из нас бандит, а кто нет; при этом у нас нет и гарантий, что этим не будет заниматься бандит. Очень характерно, что после того, как были приняты ситуационные указы президента по борьбе с преступностью, общественное мнение разделилось. На мой взгляд, в этом и проявляется наше отличие от западного общества. В России всегда найдутся политики и интеллектуалы, которые будут оправдывать незаконные действия президента, апеллировать к идее меритократии или к каким-нибудь другим идеям. На самом же деле следствие, которое вытекает из такого состояния общества, заключается в том, что последнее никогда не умело и до сих пор не умеет ограничивать власть. Власть можно ограничивать только с помощью соблюдения определенной процедуры. Иначе власть проникает во все поры, и надеяться, что таким путем мы придем к демократии, я думаю, наивно.

Ш.Уильямс. - Как вы знаете, я из страны, в которой нет писаной Конституции вообще и где права людей основываются на

обычаях и традициях гражданского общества. Как человек, занимавший министерский пост, могу сказать, что на практике министры должны сами сдерживать свою власть, которой они обладают. Поэтому проблему я вижу скорее в том (не знаю, могу ли я так сказать), насколько разумно было принимать вашу Конституцию в столь смутное время? Целый ряд стран принимал в такие времена переходные Конституции или вообще их не принимал, ожидая, пока воцарится достаточная стабильность. Кстати, даже США ждали 7 лет после войны за независимость. Но говоря это, я прекрасно понимаю, что Конституция самоценна, поскольку это Основной Закон, и этим он отличается от любого другого закона. И просто страшно становится, если Конституция, как вы утверждаете, нарушается повседневно. Это очень опасный процесс. То есть я хочу не столько обвинять президента, сколько выразить запоздалое пожелание, что, может быть, нужно было принять переходную Конституцию?

Е.Немировская. - Мы часто говорим о наших стереотипах. И это нормально. Но я бы предпочла, между прочим, чтобы депутаты Думы не только критиковали президента, но и оценивали собственную свою работу в контексте тех событий, которые произошли в России в последние годы, с точки зрения содействия развитию демократии, когда сидящие в этом зале что-то могут сделать для страны. Конечно, вопиюще, что президент подписывает противоречивые указы или, стремясь повысить свой престиж, идет на выставку Глазунова. И он делает еще много неуклюжих шагов, но все-таки президент - это президент; он гарант того, что мы здесь сидим и обсуждаем наши (я подчеркиваю это) общие проблемы. Оценивать негативно можно, это русская традиция - критиковать, но лично я никогда не хотела бы жить в стране нигилистов, поскольку считаю русскую интеллигенцию в тысячу раз более безответственной, чем все слои русского общества, включая весь XIX век. И второй момент, на котором я хотела бы остановиться. Россия все-таки повернулась своим большим малоуклюжим телом в мировое пространство. Она обречена жить в этом пространстве, хочет она этого или не хочет, потому что сегодня так устроен мир. Невозможно жить изолированно, когда продолжается научно-техническая революция. Но мне интересно другое: насколько Запад разворачивается к России? Ведь он так долго хотел и ждал, чтобы что-то здесь произошло. Да, все еще продолжает существовать "образ врага". Этот стереотип работает. Но сегодня другая ситуация, более сложная для обеих сторон. Все мы вышли из своего прошлого: вы из своего, мы из своего. Так где же все-таки точки сопри-

косновения? Я недавно была приглашена на конференцию во Францию, которая была посвящена Алексису де Токвиллю - уникальному аристократу, который не очень любил демократию, но вынужден был принять ее, поскольку был умным человеком. Так вот, мы побывали в его поместье как раз через несколько дней после празднования годовщины высадки войск союзников и открытия второго фронта. Я видела только следы этого огромного торжества, и следы указывали (как и телевидение, которое я смотрела неделю спустя у себя дома в Москве), что Россия не была приглашена на него даже в качестве гостя. Или еще пример: к нам приезжают представители Мирового Банка (это известная история, которую все рассказывают как анекдот) и дает массу советов, но самое главное, что за каждый совет выставляется оценка. Я уже не говорю о поведении иностранных консульств в Москве по отношению к российским гражданам. Стоило ли тогда говорить о правах человека, обвиняя советские власти за то, что они не выпускали граждан за границу? Я понимаю Запад, который боится тотальной иммиграции. Но я вас уверяю: никакая страна не переезжает в другую страну, - и если кто-то хочет эмигрировать, он все равно эмигрирует. Это закон давно известный. Эмигрировали даже в страшные брежневские времена. Но формальное поведение гражданских институций, представляющих ваши страны, безобразно. Я не хочу больше приводить примеры. Хочу повторить свой вопрос. Есть ли какие-то точки, проблемы, которые мы можем посчитать общими, и стремясь понять друг друга, вступить в новый, открытый мир? Я, например, когда организую эти семинары, подспудно имею в виду одну только эту задачу: чтобы все мы были прозрачны и узнаваемы и могли понимать друг друга, потому что проблема, конечно, не в иностранном языке, не в культурных кодах, не в исторической традиции, а в том, насколько обе стороны открыты к сложному сегодняшнему дню.

Э.Геллнер. - У меня два замечания относительно того, как оценивать Восточную Европу. Первое - по поводу вопроса о Гавеле. Я не хотел бы его недооценивать. Просто я считаю, что он действительно моралист, и это важно для понимания его личности. Но, кроме того, он восхитительный драматург, и его пьесы - лучшие из известных мне источников для анализа моральной дилеммы, с которой мы сталкивались во времена коммунизма. В его пьесах описан механизм социального манипулирования людьми. Когда я говорю, что он моралист, то не имею в виду, что это делает его неэффективным. Но в то же время он плохой моралист, потому что в

реальной политике он вступает в очевидное противоречие с содержанием своих же собственных пьес. Он утверждает, что чувства человеческого достоинства достаточно, чтобы покончить с коммунизмом, совершенно игнорируя тот факт, что на самом деле коммунизм был разрушен “сверху”, под влиянием поражения в битве за потребителя, под бременем гонки вооружений. Он был разрушен элитой, которая не могла смириться с этим поражением. А Гавел, как мне кажется, только поддерживает несбыточные иллюзии. Это моя оценка Гавела, и я считаю важным повторить ее. Второе замечание - по терминологии, но здесь термины могут быть очень полезны для понимания истинного положения в Восточной Европе. Капитализм нынешний плох не потому, что он напоминает капитализм начала XIX века. Если мы вспомним, это был капитализм протестантский, и капиталисты того времени были упорными работниками и очень бережливыми людьми, которые все свои прибыли пускали в дело. А здесь что-то не видно Бенджамина Ивановича Франклина или Самуэля Абрамовича Смайльза, которые своим поведением утверждали бы ценности накопления с целью роста производства, то есть подтверждали бы необходимость аскетизма буржуазии. А ваш капитализм справедливо описывают как “экс-номенклатура плюс экс-черный рынок”. В каком соотношении они смешаны друг с другом, мы не знаем. Нет, здесь нет ничего общего с капитализмом начала XIX века. И на этой основе нельзя построить гражданское общество или обеспечить экономический успех. Здесь вопрос поставлен неправильно. Я не знаю подлинного ответа на эти вопросы, но суть в том, что нынешний капитализм ничего общего не имеет с достоинствами ранней буржуазии. Напротив, есть большая опасность, что все пойдет не так.

П. Мамрадзе, депутат Парламента Республики Грузия. - Многие, очевидно, еще помнят Маяковского. Он писал, что в Москве решается судьба Киевов и Тифлисов. Это было действительно так. А сейчас, я смею утверждать, этот список существенно расширился. И в этой ситуации было бы, видимо, самое правильное, если бы Запад разработал некое подобие плана Маршалла, ориентированного в первую очередь на Россию. Потому что год идет за годом, и пока, слава Богу, ничего не происходит, но судьба, между тем, решается. Поэтому у меня вопрос: готов ли Запад к этому? Могут ли западные правительства объяснить народу, что это необходимо?

Ш. Уильямс. - Моя задача близка к невозможной, так что давайте попробуем. Вопрос о новом плане Маршалла. Такая тема

возникла примерно года два назад. И поднял ее один из моих коллег, а именно Грехем Аллисон, и еще один мой коллега, Роберт Блекуэлл. Они предложили и очень активно отстаивали на заседании “большой семерки” идею плана Маршалла для России. Им удалось добиться того, что эта идея широко обсуждалась и изучалась. Однако тогда она была отвергнута. Это было еще во времена старых администраций Буша и Тэтчер. Причина, почему эта идея была отвергнута, в следующем: в то время предполагалось, что слишком много денег попадет на преступные или околопреступные цели. Слишком много будет растрчено зря, и западные правительства не смогут оправдаться перед своими налогоплательщиками. Были они правы или нет, я не знаю, но я сомневаюсь, что будет предпринята аналогичная попытка. Однако могут быть предложены конкретные программы на конкретные цели. Например, программа усовершенствования ядерных электростанций, которая была навеяна страхами повторения чернобыльского взрыва. Это пример программы, которую Запад может охотно профинансировать. Хотя я по собственному опыту знаю, что многие затруднения с оказанием помощи Украине по ликвидации последствий чернобыльской аварии были связаны с тем, что никак не удавалось наладить координацию между различными ведомствами, которые должны были участвовать в такой программе. Ни один из западных министров так и не решился пока подписать документы по программе массовой помощи, опасаясь, что его коллеги (например, министр обороны или министр иностранных дел) обвинят его в больших расходах, при том, что чертов реактор продолжает работать и за последние месяцы там произошло еще несколько возгораний. Второе замечание - по поводу вопроса, поднятого Леной и Эрнстом Геллнером. Я отвечу сначала Геллнеру. Очевидно, вы основывались на опыте английского капитализма начала XIX века. Я же скорее думала о великом переселении на Запад в США, когда первые переселенцы попадали на земли раньше, чем туда доходила полиция. В Канаде же, напротив, движение на Запад шло по пятам конной полиции, а не перед ней. И, таким образом, в Канаде капитализм развивался в рамках закона. В моем мозгу работал именно этот контраст, и этим, наверное, объясняется разница в наших взглядах. Но я принимаю законность вашей логики. Третье замечание. Я попытаюсь сделать его в виде двух коротких историй. Одна из них перекликается с вашим, Эрнст, рассказом о Гавеле. Я, пожалуй, выступлю в его защиту, хотя вы, видимо, правы, когда утверждаете, что разрушение коммунистических империй началось

“сверху”. Но я хорошо помню мои поездки в Чехословакию в 1989 и 1990 годах. В то время нельзя было не почувствовать (Гавел как драматург это, несомненно, чувствовал), какая мощная сила возникла на низовом уровне. По-моему, вы слишком легко отбрасываете то мужество, которое понадобилось этим людям, чтобы выйти на улицы, когда еще не было ясно, прилетит или нет Горбачев танки. И несмотря на эту неизвестность, они вышли на улицу. Конечно, эти люди достойны всяческого уважения, хотя, может быть, Гавел в чем-то и перебарщивает. Они заслуживают уважения за то мужество, которое вывело их на улицы. И, наконец, еще две истории. Одна из них о человеке, который не получил достаточного признания, хотя, на мой взгляд, заслуживает его. Я не знаю, сколько людей в этой аудитории знают о мужестве, которое проявил президент Гонц, сопротивляясь увольнению руководителей телерадиокомпании в Венгрии, на чем настаивало правительство, поскольку эти компании настойчиво пытались рассказывать о проводимых накануне выборов митингах оппозиции. Это была демократическая лояльная оппозиция, в том числе и молодых демократов. Тележурналисты приходили на их мероприятия, снимали выступления лидеров. Это приводило в бешенство правительство, возглавлявшееся Йозефом Анталом, который хотел уволить руководителей компаний. Но этому противился президент, который просто отказывался визировать приказы об увольнении. Так что в этих странах есть герои, которые заслуживают уважения, и я думаю, что Гонц один из них. И, наконец, к вопросу Лены. Я очень быстро на него отвечаю, потому что иначе придется отвечать целой речью, а на это нет времени. Разрешите мне опять начать с истории. После войны на Фолклендских островах по случаю победы проводилось богослужение в Вестминстерском аббатстве. Богослужение проводилось через несколько месяцев после окончания войны и тогдашний архиепископ Кентерберийский Роберт Манчи настаивал на том, чтобы были упомянуты погибшие аргентинцы и их семьи. Это привело в бешенство тогдашнее правительство, возглавлявшееся премьер-министром Тэтчер, которая считала, что совершенно недопустимо в праздничных мероприятиях упоминать о погибших в армии противника. Я говорю об этом в связи с вашим замечанием о высадке в Нормандии. Если бы в сегодняшней Британии (я не знаю, какова ситуация в других странах) провели опрос общественного мнения и задали вопрос: “Нужно ли приглашать Россию на праздничные мероприятия?” - то, несомненно, 85 процентов опрошенных сказали бы: “Да. Россию нужно пригласить”. Однако на

уровне правительства было принято другое решение, и скорее всего из соображений выгодного телевизионного освещения лидеров - премьер-министра Мэйджора, президента Клинтона и президента Миттерана, чтобы на них пал максимальный отблеск славы, заработанной 50 лет назад. Если бы там был господин Ельцин, он отвлек бы на себя большую часть внимания. Я говорю правду. Подавляющее большинство англичан и французов (я не упоминаю здесь США, так как там гораздо меньше знают о том огромном вкладе, который Россия внесла в победу), безусловно, высказались бы за Россию. Я знаю, что правительства были завалены письмами с выражением возмущения по поводу того, что Россию не пригласили. Вторая часть того, что я хочу сказать. Мое суждение об настроениях в отношении России таково: люди на Западе (именно люди, а не правительства) в восторге, заинтригованы и в то же время несколько боятся России. Заинтригованы, потому что они видят в России не просто великую державу, но и огромную силу - силу духовную, художественную, политическую. Однако они не совсем понимают то, что Россия - один из ведущих игроков на международной арене и что этот игрок гораздо более тесно с ними связан. Люди немножко боятся, потому что порой они видят Россию как неконтролируемую силу, которая может двинуться в любом направлении. Я это чувство разделяю. Я тоже не знаю, куда пойдет Россия. Я только знаю, что куда бы она ни пошла, на этом направлении она будет иметь огромное влияние. Скатываясь с горы, она оставляет за собой широкую колею.

И последнее замечание. Мы на нашем комфортабельном Западе, особенно в США, потеряли чувство того, что в политике главное - это огромная моральная дилемма выбора. В США политика, в основном, технологическая проблема. В Западной Европе дело идет к тому же все больше и больше. Но воспоминания народов Европы о Сталине и Гитлере немножко больше дают им представление о шкале политического выбора, на что США не способны. Таким образом, я надеюсь, вы поняли, что Россия и, в меньшей степени, Центральная Европа для нас - это страны, которые стоят сейчас перед огромным моральным выбором в политике, а мы только можем смотреть на это со стороны, восторгаться этим выбором, ужасаться ему или не совсем его понимать, поскольку судьба наших стран гораздо меньше зависит от того, кого выберем мы. Мы только сидим в зале и наблюдаем за этой пьесой, по драматизму достойной Чехова или Шекспира. И можем только молиться, чтобы вы играли хорошо.

14 ноября 1994 г.

Р.Бретуэйт (Великобритания)*

РОССИЯ И СОВЕТ ЕВРОПЫ

Для меня большое удовольствие и большая честь иметь возможность выступить на этой встрече. Для этого есть две важные причины.

Во-первых, всегда приятно быть связанным с деятельностью Московской школы политических исследований. Я познакомился с ее основательницей Еленой Немировской в 1988 году. В то время ее активность не выходила за рамки московской кухни, где она соби-рала интересных людей. Тогда перестройка уже набирала ход, но было еще неясно, до какой степени коммунистическое руководство готово допустить независимую политическую и социальную деятельность. КГБ все еще следило за любими, даже самыми невинными прояв-лениями диссиданса.

Никто не мог быть абсолютно уверен, что не будет возврата к старым недобрым временам.

То, что произошло с тех пор, напоминает чудо. В России процветают политические движения самых различных типов. И хотя еще во многом царит хаос и некоторые движения крайне малосимпатичны, без сомнения, в стране сегодня существует политическая свобода, которой Россия не знала тысячу лет своей предыдущей истории.

Конечно, русским предстоит еще много узнать о том, какими средствами управляется плюралистическое общество или то, что они сами для себя называют "цивилизованное общество". Они понимают это даже лучше, чем зарубежные специалисты, которые с готовностью приходят к ним со своими советами - иногда из самых лучших побуждений, но зачастую демонстрируя неграмотность и некомпетентность.

Московская школа политических исследований - один из инструментов, который создали для себя россияне, чтобы научиться понимать новый мир. Лена Немировская создала эту школу благодаря своей бесконечной энергии, упорству и воображению - то есть тем качествам, которые не находили выхода при старой советской системе. Она создала уникальный механизм установления контактов вправе принять или отвергнуть все, что слышат. Это и есть демократия в действии.

* Бретуэйт Родрик, бывший посол Великобритании в СССР и России.

Вторая причина, по которой я говорю, что для меня большое удовольствие, а также большая честь выступить на этой встрече, связана с идеей вступления России в Совет Европы в качестве полноправного члена. С момента основания в 1949 году основной функцией Совета Европы была работа по укреплению европейского единства, поддержанию принципов парламентской демократии и прав человека и улучшению условий жизни в его странах-участницах. Двери Совета Европы всегда были открыты для всех европейских демократических государств, которые “признают принцип главенства закона” и в которых “всем лицам, находящимся под их юрисдикцией, гарантированы права человека и фундаментальные свободы”.

В течение сорока лет Совет не был и не мог быть открыт для стран Варшавского Договора. В то время эти страны абсолютно не соответствовали основным требованиям соблюдения демократии, предъявляемым к его членам.

Но распад советской империи в 1989-1991 годах открыл новые и огромные возможности для стран Восточной Европы влиться в русло европейской демократической традиции и открыть для себя все ее лучшие черты.

При обсуждении вопроса о вступлении России в Совет Европы обычно рассматриваются две проблемы. Эти проблемы не новые.

Во-первых: можно ли считать Россию частью Европы вообще?

Второе: соответствует ли Россия стандартам демократии и прав человека, которые Совет предъявляет своим членам?

Вопрос о связи России с Европой уже несколько веков обсуждается интеллигенцией как внутри России, так и за ее пределами. На мой взгляд, излишне много времени уделялось при этом вопросу, с которым и так все ясно.

Россия никогда не была частью Римской империи. Она не получила того лингвистического и институционального наследия, которое империя оставила своим бывшим субъектам. Но это не делает Россию неевропейской страной. Большая часть Германии, значительная часть Балкан и вся Скандинавия тоже остались за рамками римского мира.

Но российское присоединение к христианству тысячу лет назад однозначно привело страну в русло европейской традиции. Российская культура с ее иудейско-христианскими символами, ее философия, литература, живопись и ее музыка являются столь же однозначно европейскими, как и культуры других стран, географически расположенных ближе к центру континента. На ранних

этапах своего развития Россия не была демократическим государством. Но то же самое можно сказать и о любом государстве Западной Европы.

Татарское нашествие в XIII веке отрезало Россию от европейского Ренессанса. Это было серьезным ударом по развитию российской европейской культуры. Но опять же, такая судьба постигла не одну Россию. Другие восточноевропейские страны православно-христианской ориентации были также отрезаны от стран, находящихся на западе континенте.

После свержения татарского ига Россия начала выстраиваться как империя. Другие европейские государства делали то же самое, но их империи предполагали наличие заморских территорий. Российская же империя росла за счет суши, расширяясь на восток и на юг, то есть на территории, населенные в основном народами, не способными противостоять ее натиску. К концу правления Екатерины II Россия уже правила на огромных территориях в Азии, которые были своего рода шлейфом центральной, европейской части страны.

Но присоединение огромных новых территорий в Азии не сделало Россию азиатской страной, как Британия не стала азиатской страной в результате захвата Индии. Тем не менее среди русских немедленно разгорелась дискуссия по вопросу о том, является ли их страна действительно европейской или это уникальный “евро-азиатский синтез” (который можно считать прекрасным или ужасным, как кому больше нравится).

Я отнюдь не отношусь к числу сторонников точки зрения, согласно которой Россия в силу своей истории и географии обречена быть азиатским деспотическим государством. Это было бы своего рода историческим детерминизмом, который регулярно опровергается конкретным опытом. За последние годы сторонники исторических и технологических перемен направили Россию в новое русло, которое в свое время привело Европу к процветанию и демократии. Поэтому у меня нет сомнений в том, что и Россия сможет успешно пойти по этому пути.

Я также не считаю, что у России есть некое уникальное предназначение создать своего рода евразийскую цивилизацию. Никому еще не удалось мне объяснить, из чего состоит эта цивилизация. В большинстве случаев те русские, которые считают, что евразийская культура была бы для их страны решением всех проблем, просто стараются не замечать реальных проблем, которые стоят сегодня перед Россией. Сейчас у меня нет времени, чтобы подробнее

остановиться на довольно сложных причинах возникновения такой точки зрения. Я хочу лишь сказать, что, на мой взгляд, Россия - это страна, чьи европейские корни невозможно отрицать. К тому же в силу ряда исторических причин у нее есть принципиальные интересы за пределами континента. И именно это определило российский взгляд на мир. Но то же самое можно сказать и о моей стране. На самом деле многие континентальные европейцы считают, что и Британия в некотором смысле не совсем европейская страна.

Чем Россия действительно отличается от всех прочих европейских стран, так это своим громадным размером. В этом смысле она напоминает Америку. Америка - тоже огромная страна, чьи европейские корни невозможно отрицать. Но принципиальным здесь является то, что Россия расположена на том же континенте, что и другие европейские страны, в то время как Америка отделена от Европы пятью тысячами километров океана.

Все это будет иметь свои следствия для политики и безопасности континента. Прочие европейские государства будут всегда опасаться размеров России. Они обречены на своего рода страх перед ней или, по крайней мере, перед чем-то, что ассоциируется у них с Россией.

Даже соседи демократической Америки порой говорят, что в постели со слонем чувствуешь себя неуютно. Это одна из причин, по которой коллективные институты послевоенной Европы настаивают на том, чтобы их члены имели равные статус и права. Безусловно, нельзя игнорировать мощь и размер как политические реалии. Все европейские институты и созданы для гарантии того, что мощь, обеспечиваемая размером территории, может быть укрощена, что самые маленькие государства имеют право на то же уважение, что и крупнейшие и величайшие европейские державы. Британия и Люксембург, Германия и Сан-Марино, Россия и Эстония - все должны быть равноправными членами демократических институтов Европы.

Возможно, Россия к этому не привыкла. Британцам это тоже не очень нравится. Но это основополагающее требование. В институтах демократической Европы не может быть старших братьев.

У Совета Европы есть много функций и в его рамках действует много институтов. Я не собираюсь их все здесь сегодня перечислять. Но основная функция - отслеживать, как его страны-участники соблюдают демократические и юридические права своих граждан.

Совет Европы устанавливает достаточно жесткие стандарты, которым нелегко соответствовать даже для старых демократий. С 1981

года Европейская Комиссия по правам человека приняла к рассмотрению более 60 исков против моей собственной страны, 25 из них еще рассматриваются, а 16 были отвергнуты. В 20 случаях Комиссия признала обвинения против Британского правительства. Эти случаи касались прослушивания телефонов органами безопасности, телесных наказаний в школах, вопросов свободы прессы, прав эмигрантов и различных аспектов режима содержания в британских тюрьмах. Прямым следствием заключения Комиссии стало изменение законодательства, принятое британским правительством.

Безусловно, Совет Европы тщательно рассматривал вопрос о правах человека и при обсуждении возможного членства России.

Группа экспертов рассмотрела соответствие правового порядка России фундаментальным принципам Совета Европы с точки зрения соблюдения прав человека, основополагающей роли закона и плюралистической демократии. Этот доклад очень интересно читать. В нем признается, что Россия уже достигла значительного прогресса, что нормой ежедневной практики в России уже стали основные политические и демократические свободы. Но в нем суровой критике подвергнута судебная система, неспособность обеспечить право собственности и право на свободу передвижения, состояние тюрем, недостаточное обеспечение принципа основополагающей роли закона. В заключении экспертов говорится, что Россия на сегодня еще не достигла стандартов, требуемых Советом Европы.

Многих русских раздражает, что иностранцы берут на себя право выносить суждения по их внутренним вопросам. Но выводы экспертов Совета Европы - это не просто суждения иностранцев. Той же точки зрения придерживаются, особенно в последнее время, и многие думающие россияне.

Все это неудивительно. Новая Россия неизбежно должна была унаследовать сложную государственную систему от семи десятилетий советского тоталитаризма и многовековой царской автократии, ему предшествовавшей. Демократия в России - это новое и сложное искусство. Она угрожает позициям многих людей, привыкших иметь власть без ограничений. Эти люди до сих пор разделяют точку зрения шефа царской полиции графа Бенкендорфа, который уверял, что законы пишут для подчиненных, но не для руководителей. Привычка к "телефонному праву" и память о ГУЛАГе не исчезают за одну ночь. Российские тюрьмы в большинстве своем даже более старые, более переполнены и хуже оборудованы, чем старые тюрьмы большинства стран Восточной Европы. Случаи вынесения смертного приговора в

России даже сегодня намного более часты, чем это было при царе. Для многих обычных граждан представляется неизбежным, возможно, даже необходимым такой способ борьбы с ростом жестокой и организованной преступности. Мало кто считает, что время сейчас располагает к сентиментальному отношению к преступникам.

Многие - и в России, и в Западной Европе - считают, что Россию еще рано принимать в Совет. Мол, пусть она прежде решит свои проблемы и сначала докажет, что ее правительство бесповоротно привержено демократии, что нет пути назад.

Я сознательно не пускаюсь здесь в спор. Россия стоит на правильном пути. Членство в Совете Европы будет для нее отчасти признанием того огромного прогресса, которого она уже достигла. Но это еще и поможет ей придерживаться того курса, который избрал ее народ. Совет создан не только для законченных демократий. России мог бы быть очень полезен процесс мониторинга, который Совет разработал для того, чтобы отслеживать развитие демократии в своих старейших странах-участницах, а также и в новых членах. Программы, которые были созданы Советом для того, чтобы помочь новым членам укрепить их демократические институты, также могли бы быть полезны для России.

Но существует еще одно, не менее важное, соображение. В течение многих веков Россия была страной, закрытой для внешних контактов. Границы были закрыты как для информации, так и для людей во имя сохранения авторитарных государственных институтов. Горбачев впервые в истории открыл границы своей страны. Эта открытость, возможно, является наилучшей гарантией от возврата к старым временам. Иностранные партнеры России должны сделать все возможное, чтобы усилить эту тенденцию.

Присутствие здесь сегодня учеников Лены Немировской можно считать символом будущего. В этом будущем российская делегация на Парламентской Ассамблее будет на равных вести дискуссию с делегациями других демократических стран Европы. И как все мы, она будет вынуждена выслушивать время от времени критические замечания в свой адрес даже от самых маленьких из государств-партнеров. Россия, наконец, будет на равных участвовать в жизни того цивилизованного европейского мира, к которому мечтают принадлежать сегодня столь многие из мыслящих русских.

И, прежде всего, именно поэтому я рад быть здесь и благодарен Совету Европы за предоставленную мне возможность выступить перед вами.

28 мая 1995г

Ж.-Л.Лоран
(Страсбург)*

РОССИЯ САМА СДЕЛАЕТ СВОЙ ВЫБОР

Дорогая Лена, Ваши Превосходительства, дорогие друзья!

Вот уже третий год, как я имею честь участвовать в открытии учебного года этой Школы. Это становится традицией, и я очень рад и благодарен, что Совет Европы, который я здесь представляю, был среди первых, кто оказал в свое время поддержку этому рискованному предприятию. В своем вступительном слове Лена Немировская справедливо подчеркнула особую роль, которую мадам Лялюмьер, бывший Генеральный Секретарь Совета Европы, лично сыграла в становлении Школы. Я могу заверить вас, что ее преемник, г-н Даниэль Таршис также предан идее Школы и готов оказывать ей всяческое содействие; он просил меня передать вам свои наилучшие пожелания.

Мне также очень приятно видеть, что многие другие партнеры присоединились к пионерам, поддержавшим то, что сегодня можно считать самой успешной инициативой гражданского общества в России последних лет.

Мне особенно приятно участвовать в этой сессии вместе с господином Эмерсоном, послом Комиссии Европейского Союза в России. Присутствие сегодня утром в этом зале представителей двух европейских институтов - Европейского Союза и Совета Европы - символизирует наши общие усилия и совместные действия по поддержке Московской школы, а если говорить шире - по развитию демократического общества в России. Это также можно рассматривать как символ общей позиции двух организаций в отношении России и их отношения к стремлению России участвовать в процессе европейского сотрудничества.

Я не единственный представитель Совета Европы, кто участвует в работе вашего семинара. Во вторник 1 июня заместитель Генерального Секретаря, г-н Петер Лейпрехт также приедет сюда, чтобы выступить перед вами. Во-вторых, наша общая с вами повестка дня резко изменилась за последние месяцы. Когда я принимал приглашение Лены участвовать в семинаре, мы все надеялись, что

* Лоран Жан-Луи, глава Отдела программ европейского сотрудничества, Совет Европы.

сможем отметить вместе вступление России в Совет Европы. Г-н Лукин, руководитель специальной гостевой делегации России на Парламентской Ассамблее в Совете Европы, я думаю, согласится со мной, что это было бы, несомненно, более приятным развитием событий.

Я не знаю, насколько вам известно состояние отношений между Россией и Советом Европы на настоящий момент, поэтому скажу о нем. Рассмотрение вопроса о возможном вступлении России в Совет в связи с поданным ею заявлением подошло к такому моменту, когда многие считали, что уже весной Россия будет принята. Однако в феврале этого года Парламентская Ассамблея - орган, ответственный за подготовку позиции по вопросам вступления для Комитета Министров, который затем передает официальное приглашение, - решила из-за событий в Чечне "отложить" процедуру рассмотрения кандидатуры России. И до сих пор неясно, когда Ассамблея сочтет возможным вновь вернуться к рассмотрению заявки России.

При этом Парламентская Ассамблея считает, что Совет Европы должен поддерживать и даже углублять политический диалог и сотрудничество с Россией как на парламентском, так и на межправительственном уровнях.

Позвольте мне пояснить некоторые позиции, связанные с вопросом вступления России в Совет Европы. Это не самоцель. Политической целью является развитие демократических процессов в вашей стране. Совет Европы может быть лишь механизмом и ориентиром в развитии этого процесса, а вступление в нашу организацию явится его естественным результатом.

Вступление в Совет Европы должно соответствовать - для России в той же мере, что и для других стран-членов Совета или кандидатов, - уровню качественных перемен в стране. Во имя расширения Совета нельзя забывать о задачах и принципах, закрепленных в его Уставе. Любой другой подход резко снизил бы значение и влияние этой организации. Занижение стандартов ради приема новых членов едва ли будет способствовать достижению политической цели расширения Совета. Необходимо жесткое соблюдение стандартов, но при этом продолжается сотрудничество с кандидатами, чтобы помочь им - в том числе и России - достичь требуемого уровня.

Я знаю о той дискуссии, которая началась в России после того, как Парламентская Ассамблея приняла решение отсрочить вступление России, и что некоторые круги даже ставили в этой связи вопрос о

том, а нужно ли вообще России членство в этой организации. Я знаю, что те причины, которые заставили Ассамблею принять это решение, были поняты неправильно. Поэтому должен заявить, что никто в Совете Европы не отрицает право Российской Федерации защищать свой суверенитет на территориях внутри ее международно признанных границ. Но в то же время ни Совет Европы, ни другие институты, озабоченные правами человека, не могут оставаться пассивными и безмолвными перед лицом массовых нарушений прав человека и войны внутри страны, подавшей заявку на прием в Совет.

Совет Европы - это клуб, и как во всяком клубе, в нем существуют правила, которые должны уважать и члены клуба, и те, кто хотят таковыми стать. Этот принцип четко отражен в Европейской Конвенции по правам человека, и любая из стран-членов Совета или стран, желающих вступить в него, должны придерживаться его.

Я знаю, что многое из того, что я говорю, не всегда встречает поддержку в России даже среди ее демократических сил. Однако я глубоко убежден, что люди, относящиеся друг к другу с уважением, могут говорить только на одном языке: языке искренности и открытости, недопускающем двойных стандартов или двойкой интерпретации. Вы решили принять участие в семинарах Московской школы политических исследований (в ходе своих занятий вы посетите Совет Европы и встретитесь в сентябре с его руководителями). Если вы сделали этот выбор, значит, как бы ни были различны ваши политические убеждения и пристрастия, вы придерживаетесь определенных фундаментальных концепций развития вашего общества, его политического и организационного пейзажа, которые близки к ценностям и принципам, проводимым в жизнь Советом Европы с 1949 года.

Вы - профессиональные политики. Многие из вас будут кандидатами на предстоящих выборах в Думу. Вполне естественно, что вы хотели бы быть избранными или переизбранными, а для этого вы должны стремиться найти убедительные ответы на вопросы и ожидания ваших избирателей. Я достаточно трезво смотрю на вещи, чтобы понимать, что ни в Страсбурге, ни в любой другой международной организации вы не найдете ответов на вопросы, стоящие перед сегодняшней Россией. От международных организаций типа Совета Европы вы можете ожидать лишь помощи в обмене опытом, предоставления информации, совета и консультаций,

которые помогут вам сделать выбор с учетом специфической объективной реальности вашей страны.

Как вы, возможно, знаете, Совет Европы стоит на трех “китах”:

- плюралистической демократии;
- защите прав человека и индивидуальных свобод;
- поддержке власти закона.

Я позволю себе очень коротко прокомментировать суть этих положений.

Плюралистическая демократия. Думаю, что мы на Западе при оценке прогресса, достигнутого Россией на пути создания демократической политической системы, должны принимать во внимание специфику вашей ситуации со всеми ее непредвиденными обстоятельствами и отклонениями. Впервые в вашей истории вы вступаете в период, когда в соответствии с Конституцией должны состояться вторые выборы в российский парламент. Регулярное проведение парламентских (и президентских) выборов - это огромный шаг вперед на пути укрепления демократических институтов и углубления демократических традиций среди населения. Помимо результатов выборов важен и сам факт постепенного утверждения традиции регулярных выборов; это должно рассматриваться не как некое исключение или выдающееся событие, но как естественное развитие сильной демократической системы в стране.

Однако выборы - это еще не все. Мы не должны забывать, что Гитлер пришел к власти в результате свободных плюралистических выборов. Гражданское образование, корректировка политического поведения населения, укрепление гражданского общества - все то, что делает Московская школа, - является необходимым условием избежания подобных рисков в будущем.

Права человека. Одно из основных прав человека - это право свободно выбирать своих политических лидеров; свободные выборы предоставляют всем (как имеющим, так и не имеющим права гражданства лицам) гарантии против незаконного вмешательства в их частную жизнь. Ибо демократия - это власть большинства, когда права человека обеспечивают защиту меньшинств от угрозы диктатуры большинства. Права человека - краеугольный камень любого цивилизованного общества. В Совете Европы права человека получили наивысшую международную гарантию в виде Европейской Конвенции по правам человека, которая выражает смысл

существования, *raison d'être* нашей организации. Конвенция не ставит своей задачей навязать решения судей в Страсбурге всем странам-участницам и их высшим судебным органам. Главная цель Конвенции - обеспечить дополнительную коллективную гарантию основных прав человека во всех странах-участницах. Мы создаем систему коллективной ответственности, к которой присоединяются все наши страны-участницы для того, чтобы заботиться о правах человека и обеспечивать их защиту по всей Европе.

Власть закона. Демократия не означает игнорирования закона и порядка, не означает исчезновения государства. Отсутствие общественной законности приводит к появлению закона джунглей, где свою волю навязывает сильнейший - а это противоречит нормам истинной демократии. Демократия невозможна без четкой системы законодательства, системы контроля и противовесов, которая определяет права и обязанности любого из членов общества.

Также, как она невозможна без честных и беспристрастных правительственных органов (обеспечивающих власть закона), к которым граждане обязаны относиться с уважением и которые могут навязать обществу требование соблюдать закон. В России - как и во всех европейских странах - резко вырос уровень преступности, и это вызывает у нас озабоченность. Преступность подрывает основы демократических обществ, но ее нельзя искоренить исключительно репрессивными мерами. Разработка четкого законодательства и создание институтов (судебных, полицейских и т.д.), которые пользовались бы уважением населения за свою беспристрастность, безусловно, внесли бы свой вклад в эффективное претворение в жизнь новых законов.

Вас волнует - и это справедливо - экономическое и социальное развитие вашей страны. Люди лучше понимают ценность демократии, если они видят при этом, что повышается их уровень жизни и улучшается социальный климат. Политическая демократия и экономическая демократия в условиях свободного рынка идут рука об руку. Однако эффективная рыночная экономика - а с ней и иностранные инвестиции - не могут развиваться до тех пор, пока не обеспечена система юридической безопасности в стране. Никто не будет вкладывать деньги в экономику, если не определены правила игры, не существует независимого судопроизводства, не гарантировано честное развитие торговых отношений. Развитие законодательной системы (гражданский кодекс, коммерческий кодекс, организация судопроизводства и т.д.) - это необходимое

условие экономического развития. И Совет Европы, как и другие международные организации, безусловно, мог бы поделиться с Россией своим опытом в этой области.

Россия - федерация, и Московская школа политических исследований приняла мудрое и важное решение распространить свою деятельность на региональный уровень, т.е. организовать серию региональных семинаров. В этой связи я хотел бы особенно отметить роль усилий, предпринятых Ларисой Мишустиной в Екатеринбурге и Владимиром Рыжковым на Алтае для создания там местных отделений Школы. Мы в Совете Европы счастливы оказать поддержку этим инициативам, что стало возможно, в частности, благодаря щедрости правительства Швейцарии.

Федерализм нельзя путать с так называемым правом одностороннего выхода. Федерализм - это система, при которой центральное правительство и субъекты федерации имеют четко определенные границы ответственности: центральное правительство должно уважать полномочия, делегированные субъектам федерации, а субъекты федерации, в свою очередь, должны признавать область ответственности центрального правительства.

Я не предполагал читать вам лекцию о путях развития российской политической и институциональной систем. С моей стороны это было бы, по меньшей мере, неэтично.

Я кратко описал лишь основные положения, чтобы обратить ваше внимание на некоторые вопросы, решению которых Совет Европы мог бы содействовать. Наша поддержка Московской школы политических исследований являет собой символический пример того, как международные организации-партнеры могут внести свой вклад в этот процесс.

Но, в конце концов, никто не может сделать выбор за Россию.

24 мая 1994 г.

М.Мертес (Германия) *

ПРОСВЕЩЕННЫЙ ПАТРИОТИЗМ И НАЦИОНАЛИЗМ

Для ясности начнем с проведения четкой грани между патриотизмом и национализмом. Патриотизм я бы назвал соединением любви к своей стране с любовью к свободе и другим общечеловеческим ценностям. В этой связи патриотизм можно определить как промежуточную позицию между идеологией “крови и земли”, которую я буду называть национализмом, с одной стороны, и чисто абстрактным гуманизмом, с другой. Национализм придает слишком большое значение частностям, в то время, как абстрактный гуманизм относится к универсалиям. Патриотизм является конкретным проявлением гуманизма, включая в себя как частное, так и общее. Патриот является истинным гражданином своей страны и истинным гражданином мира.

В 1848 году австрийский писатель Франц Грильпарцер предсказал, что дорога современного человечества пройдет “от гуманизма через национальные чувства к зверству”, и, как мы знаем, в конечном счете он был прав. Конечно, существуют другие пути от гуманности к зверству, но путь, ведущий через национальность, приобрел новое и удивительное значение (по крайней мере удивительное для наивных западных либералов) после окончания периода антагонизма Востока и Запада.

Нацию никогда нельзя рассматривать как самоцель; она значима, но только как “средство воздействия на общечеловеческие ценности” (Йозеф Рован). “Кровь и земля” принадлежат миру фактов, в то время как человеческое достоинство и права принадлежат к миру ценностей. В этом отношении абстрактный гуманизм является правомерным. Однако он не учитывает, что мы являемся сочетанием духа и плоти, и, таким образом, ему не удастся удовлетворить важнейшие человеческие стремления: духовную потребность в единстве и культурных традициях, иметь кров и свой дом. В догматической и тоталитарной интерпретации этот абстрактный гуманизм готов утверждать, что нищета и страдания одного поколения являются необходимой предпосылкой переходного периода к будущему счастью последующих поколений. Миллионы ни в чем не повинных людей были сосланы или погибли во имя интернационального братства. “В конце

* Мертес Михаэль, генеральный директор Центра социально-политического анализа и культурных связей при Федеральном Канцлере Германии.

концов государство было превращено в ад именно в результате попытки человека превратить государство в рай” (Ф.Гёльдерлин).

Если вы принимаете мое определение патриотизма, то в этом случае мы сможем прийти к согласию относительно того, что патриотизм и демократия прекрасно сочетаются друг с другом, о чем здесь говорили Геннадий Бурбулис и Джеффри Хоскинг. Я бы даже хотел пойти дальше: демократия не может быть прочной, если в ней нет доли патриотизма. Это тот патриотизм, который превращает буржуа, не интересующегося жизнью своего государства, в подлинного гражданина, готового защищать демократию. Опасность для демократии в трудные для нее времена зависит не от того, сколько у нее врагов, но в большей степени от того, сколько у нее активных защитников. Апатия и безразличие являются самыми сильными союзниками политических экстремистов во всем мире. Примером может служить Германия конца 20-х - начала 30-х годов, когда к власти пришел Гитлер.

Что означает этот урок для нас сегодня?

Во-первых, я считаю, что демократы должны сдерживать правых экстремистов и не позволять им разжигать слепое чувство любви к родине. Напротив, нам следует всячески подчеркивать, что националисты никогда не могут быть истинными патриотами, ибо они лишь используют это законное чувство в своих незаконных, а иногда даже преступных целях.

Во-вторых, демократам не следует отдавать идеалы гуманизма левым экстремистам. Напротив, нам следует всячески подчеркивать тот факт, что милосердие начинается у себя дома. Что нельзя любить человечество в целом, если вы не готовы любить своего соседа.

Поскольку я родом из Европы, то не забываю, что корни наших наций уходят в историю, полную войн, изгнаний, завоеваний, подавлений этнических меньшинств и разрушений региональных культур (или “культурного геноцида”, по определению Андре Глюксманна). Поэтому не следует восторгаться, когда речь идет о многочисленных проблемах сохранения и даже развития национальной самобытности в Восточной Европе. Конечно, нельзя позволить этим процессам длиться на протяжении веков, как это было в Западной Европе, тем более на фоне событий на Балканах, а также в других частях посткоммунистического мира.

Попытаюсь проиллюстрировать вопрос национальной самобытности тремя простыми примерами.

В детстве я ходил во французскую начальную школу, где мне особенно запомнились уроки истории. Учитель рассказывал нам о наших предках галлах, потом о Карле Великом, как его звали в Германии. Я долго спорил с одноклассниками, француз он был или

немец. Когда я спросил об этом у своих родителей, они дали мне удивительный ответ: ни то, ни другое. В 800 году от Рождества Христова не существовало ни французской, ни немецкой наций в современном смысле этого слова. Поэтому вопрос не имел смысла: Карл Великий - это отдельная глава как во французской, так и в немецкой предыстории.

Спустя почти десять лет, в Германии, в средней классической школе я узнал, что Франц Кафка внес крупнейший вклад в литературу XX века. В последнем классе я спросил об этом одну ученицу родом из Праги. "Он был одним из величайших чешских писателей двадцатого века. Хотя мне могут возразить, что Кафку нельзя понять, если не учитывать, что он еврейский писатель двадцатого века", - сказала она. Опять же однозначные ответы не решают этой проблемы.

А что можно сказать о таком человеке, как Георг Фридрих Гендель? Немец он или англичанин? В Германии подчеркнули бы тот факт, что он родом из Галле. А англичане, я думаю, обратили бы внимание на то, что он выбрал местом своей жизни Англию и там создавал свои шедевры. Поэтому правильный ответ зависит от того, что важнее: где вы родились или где вы живете. А не является ли этот вопрос сам по себе ошибочным? Имеет ли смысл говорить, что Микеланджело "принадлежит" итальянцам, Достоевский - русским, а Моцарт - австрийцам? Если взглянуть шире - они принадлежат всему человечеству и внесли вклад в общечеловеческое наследие.

Мы склонны думать, что сегодняшние нации являются природными образованиями, которые будут существовать вечно. История Карла Великого является примером того, насколько ошибочно это интуитивное суждение. Нации являются творением человека, включая и самые молодые. Говоря это, я не хочу сказать, что они были запроектированы и созданы при помощи разума. Но они, несомненно, являются итогом такой человеческой деятельности, как смешение различных племен в результате различных процессов развития, притом не всегда мирных. Они возникли по прихоти исторических событий, в их основе лежали взаимодействие идей и интересов, человеческие страдания и страсти. При этом существует совершенно искреннее стремление связать происхождение собственной нации с героическим прошлым. Об этом сказал Карл Поппер в 1945 году: "Уже говорили о том, что раса есть общность людей, объединенных не своим происхождением, а общим ошибочным взглядом на свое происхождение. Аналогично мы могли

бы сказать, что нация... являет собой общность объединенных общим ошибочным взглядом на свою историю людей”.

Я полагаю, что такие мифы, будучи исторически несостоятельными, не соответствуют духу христианских и гуманистических традиций, поскольку ведут к своего рода идолопоклонничеству, называемому национализмом. Ни одна нация, включая мою собственную, не имеет абсолютного значения. Мы не должны создавать своего Золотого тельца.

Ибо речь идет о свободном выборе той нации, к которой принадлежит человек. Значение имеет желание не только самого человека, но и того сообщества, которое его принимает. Об этом нам рассказывает история Генделя. Ценность и важность индивидуальной свободы подтверждает точку зрения, что нация не может быть абсолютной величиной.

Если бы нации были продуктом природы, а не культуры, то не могли бы возникнуть такие новые нации, как Соединенные Штаты. История полна примеров миграций, перемещений и смешений всех групп населения. Следовательно, было бы абсурдным пытаться определить нацию как этнически однородное сообщество или даже рассматривать племенную или этническую однородность как имеющую ценность саму по себе.

Только в каком-то ограниченном значении можно сказать, что необходим минимум гомогенности, чтобы предохранить нацию от распада. Я бы назвал это основным консенсусом обязательных правил и стандартов гражданской и мирной жизни в обществе.

Позвольте мне сейчас вернуться к истории Кафки. Она имеет отношение к вопросу собственного “я”. Мы должны иметь принадлежность к какому-либо месту. Это часть человеческого существования. Мы являемся русскими, армянами, грузинами, англичанами, американцами, французами, австрийцами и т.д., но этот факт сам по себе не составляет нашу личность. Многие другие составляющие и взаимосвязи тоже играют заметную роль: семья, друзья, общественная принадлежность и взаимоотношения, религиозная среда и т.д. Какой из этих факторов имеет решающее значение? Не существует однозначного ответа на этот вопрос. Христианин, вероятно, скажет, что для него вера важнее всего остального. Я же чувствую себя ближе к тем людям из других стран, которые разделяют мои основные этические убеждения, чем к какому-нибудь немцу, который их не разделяет. С другой стороны, я

чувствую себя преданным сообществу своих соотечественников, т.е. нации.

Жизненный вопрос для меня заключается в том, чтобы избежать любого конфликта между моими обязанностями как человеческого существа и моими обязанностями как гражданина. Как христианин и гуманист я должен в такой степени использовать свои гражданские права, чтобы предотвратить участие моей страны в конфликте всеобщих ценностей, в которые я верю, и с принадлежностью к отдельно взятой нации, к которой я принадлежу. В настоящее время не существует какого-либо типа государственного устройства, при котором бы мои гражданские права (т.е. мое право участвовать в общественных делах) гарантировались бы более действенно, чем при свободно-демократическом государственном устройстве. В этой связи я считаю своим долгом человека, а не только гражданина, быть преданным демократом и защищать законность в своей стране.

Другими словами, как христианин и демократ я не могу оставаться безучастным по отношению к различным формам государственного правления. Как я могу это сделать, если считаю себя патриотом? Нельзя считать этот вопрос чисто теоретическим. Существуют люди, которые говорят: “Это моя страна, права она или нет” и “люби ее или уезжай”. Однако, если провести четкое различие между национализмом и патриотизмом, как я предлагал в начале, то в таком случае можно было бы определить патриотизм в свете ответа на вопрос “правый или неправый”. Существует ли более сильное проявление любви к своей стране, чем мое выступление в защиту демократической конституции, охраняющей человеческие права и достоинство?

Немецкий политолог Адольф Штернбергер ввел термин “конституционный патриотизм”, чтобы подчеркнуть эту связь. Критики в его адрес заявляли, что нельзя любить конституцию. Но это не имеет отношения к точке зрения Штернбергера. Он хотел лишь сказать, что по времени патриотизм старше национализма. Он имеет тот же возраст, что и идеи демократии (Древняя Греция) и республики (Древний Рим).

Понятие “конституционного патриотизма” помогает нам также понять, что нации создаются и определяются через государства, а не наоборот. Опровергает ли такое явление, как сепаратизм, существование этого закона? Напротив, это показывает исключительное значение хорошей конституции для внутреннего единения современного общества. Хотя в свою очередь сепаратизм можно определить как национализм этнических меньшинств, которые являются или

ощущают себя притесненным этническим большинством. Кроме отделения, существует единое (мирное) решение такого рода конфликта - конституционное согласие между участвующими сторонами.

Насколько я могу судить, большинство современных наций ведет свое происхождение от некоего Исхода. В данном случае исход означает освобождение. Освобождение как исторический процесс может быть двух видов: либо обретение независимости и/или подобие революции, низвергающей авторитарную власть. Но это не является окончанием. Процесс освобождения сопровождается появлением норм, правил и институтов, управляющих жизнью нации, - нет Исхода без Десяти Заповедей. И третий элемент - память. Израиль выжил как сообщество только потому, что никогда не забывал историю своего бегства, которая передавалась из поколения в поколение через еврейскую Пасху.

Теперь я подхожу к самому сильному и прекрасному определению того, что составляет нацию. Дал его французский мыслитель Эрнест Ренан в 1882 году. Начинает он с того, что показывает ошибочность общепринятого понятия о "природе" наций: является ли этническая однородность критерием в данном вопросе? Очевидно - нет, по причинам, упомянутым выше. А религиозная однородность? Нет, примером служат Нидерланды и Германия, страны, которые частично являются протестантскими, частично - католическими. Языковая однородность? Нет, пример - Швейцария или Бельгия: Географическое положение? Нет, потому что не существует разумно безусловного ответа на вопрос, что такое "естественные границы" нации.

Что же в таком случае составляет нацию? Какова основа, скрепляющая ее? Ответ Ренана на этот вопрос очень прост.

Первое - общая память о том, что было пройдено вместе. Общие достижения (под которыми я не имею в виду варварскую идею о том, что нация приобретает свою честь и единство путем совместных военных операций; я имею в виду такие гражданские достижения, как действующие социальные и политические институты, произведения искусства, литературы, музыки и т.д.). Общие страдания. Общая виновность. В воссоединенной Германии мы ощущаем, как это важно. В течение четырех десятилетий раздела чувство общности не исчезло, и не только потому, что память была старше, чем разделение. Теперь мы видим пропасть разделенной и иногда даже разделяющей памяти, которая охватывает почти два поколения и которую надо преодолеть. Эта задача оказалась гораздо более трудной, чем казалось

в 1990 году. Я верю, что Германия будет действительно, то есть духовно, единой, когда те, кто был детьми в 1990 году, достигнут зрелости.

Второе - общая забывчивость: исчезновение в памяти того, что могло бы еще раз разобщить или даже разделить нацию, например, память о прошлой несправедливости, прошлом (местном) конфликте, прошлой (гражданской) войне.

Я бы еще сказал о желании всепрощения. Возможно, это один из самых чувствительных моментов в начинающей развиваться демократии в странах Центральной и Восточной Европы. Испания смогла решить эту проблему в кратчайший период после смерти Франко. Однако сомнительно, что она может быть образцом для Центральной и Восточной Европы, поскольку имеются большие различия, на которых я не буду здесь останавливаться.

Короче говоря, о каждом случае надо судить по его достоинствам. Правосудие и примирение не являются взаимоисключающими. Прощение не означает потерю памяти. И покаяние со стороны совершивших преступление, и прощение со стороны бывших жертв необходимы. Первая предпосылка далека от того, чтобы быть банальной: через некоторое время стыдливо молчания некоторые из бывших преступников, как правило, начинают бить противника его же оружием, обвинять свои жертвы в разрушении национальной гармонии.

Третье и самое важное - твердо выраженная воля иметь общее будущее, общие цели, общие мечты и воззрения. Или можно сказать проще: жить вместе нормальной жизнью, то есть прилично и цивилизованно. В этом месте Ренан приводит свое знаменитое определение: "Жизнь нации есть ежедневный плебисцит".

Мне так нравятся эти критерии, потому что их можно применять к различным сообществам. Как-то я обсуждал этот предмет с моей женой, и она сказала, что принципы Ренана могут с успехом объяснить, что связывает вместе супружескую пару. Действительно, эти принципы являются выражением того, как любовь формирует наши жизни: через общую память о совместно пройденном, через прощение, а также через волю иметь общее будущее.

Постоянной проблемой нашей либеральной демократии является то, что она не может гарантировать основного консенсуса этических основ, которые она предполагает и на которых базируется. Те, кто принадлежат к иудейско-христианским и просветительско-гуманистическим традициям, должны сыграть здесь важнейшую роль. Либеральная демократия нуждается

в нашей постоянной защите от воздействия этического релятивизма и индифферентизма. “Религия” потребительства не поможет в этом.

Общепринятое мнение говорит о том, что Европа - христианский континент. Я думаю, что мы должны распрощаться с этой иллюзией. Да, политическая культура Европы была сформирована традициями, но я опасаясь, что для большинства людей христианского Запада эти традиции стали слабым воспоминанием.

Что же касается стран бывшего Варшавского Договора, то здесь мы сталкиваемся с дополнительными трудностями по отношению к той тенденции на Западе, о которой я только что упомянул. Разрешите мне сослаться на религиозные чувства молодых людей в Восточной и Западной Германии: на западе 43% считают себя католиками, 43% - протестантами и 11% не принадлежат ни к какому религиозному сообществу. А теперь сравним это с ситуацией на востоке, где 4% заявляют, что они католики, 17% - протестанты и почти 79% не причисляют себя ни к одному религиозному сообществу. Менее 1/5 протестантов среди молодых людей в этом регионе, который был раньше сердцем лютеранской реформации. Конечно, это одно из ужаснейших наследий 56 лет диктатуры (12 лет национал-социализма 1933-1945 годов плюс 44 года коммунизма 1945-1989 годов).

Насколько я знаю, согласно католической вере, отчаяние является смертным грехом, хуже, чем гордыня, которая является тоже смертным грехом. Поэтому давайте лучше будем оптимистами, несмотря на эти цифры.

Разрешите мне закончить свое выступление, назвав пять заповедей просвещенного патриотизма.

Заповедь первая: уважай патриотизм других наций так, как бы ты хотел, чтобы они уважали твой патриотизм.

Заповедь вторая: будь верным гражданином той страны, к которой ты принадлежишь по рождению или по свободному выбору.

Заповедь третья: принимай и уважай своего соседа как соотечественника, независимо от его этнической, культурной или религиозной принадлежности и в том случае, если он готов быть верным гражданином той страны, к которой вы оба принадлежите.

Заповедь четвертая: твоя любовь к твоей стране не может быть отделима от твоей любви к свободе. Поэтому защищай свободу вероисповедания и свободу мысли как свою, так и своего соседа, и пре-пятствуй любым попыткам вовлечь его или тебя в конфликт между гражданскими и человеческими обязанностями.

Заповедь пятая: не делай идола из своей страны, поскольку существуют общечеловеческие ценности для всех наций, включая твою.

28 мая 1995 г.

В.Лукин
(Россия)*

О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Прежде всего я хотел бы сказать, что уже довольно давно, а как выяснилось из моих записок, которые я недавно перелистывал, еще в семидесятые годы, когда я размышлял над тем, что же будет после того, как все начнется, у меня складывалось ощущение, что политика России должна быть политикой просвещенного патриотизма. Это понятие, когда я впервые его употребил несколько лет тому назад, было встречено в штыки. Однако я не отказался от него, и, возможно, мое выступление покажется вам скучным, поскольку я все время, в сущности, говорю об одном и том же.

Что же такое политика просвещенного патриотизма? На мой взгляд, это прежде всего ясное понимание нашего места в современном мире. Того, которое у нас есть и которое мы себе мыслим или примысливаем идеологически, исходя из нашей истории, традиций, славных подвигов и столь же славных неудач. У России было много и того, и другого. Вот сейчас юбилей Цусимы, и вы знаете, что это самое крупное и самое страшное морское поражение России. Пожалуй, это единственное в мире сражение, когда все корабли одной эскадры были потоплены, а противник при этом не потерял ни одного корабля. Так что давайте реалистично относиться к собственной истории.

Итак, о нашем положении в мире. Мы должны смотреть на это реалистично. Поскольку Россия уже не сверхдержава, и когда некоторые наши большие люди ездят по миру и говорят: “Ну назовите нас сверхдержавой!”, то я всегда думаю - зачем? Лучше не называть себя никак или же называться скромнее, но вести себя так, чтобы тебя действительно уважали. То есть чтобы кто-нибудь сказал сам: да, это великая держава, по своему поведению, ответственности в мире, по адекватности своей политики. Но страна, лишившаяся огромной части своей прежней территории, с проблемными границами, где почти везде что-то полыхает... Слава Богу, на китайской границе не полыхает! Но я думаю, что если наш приморский

* Лукин Владимир Петрович, председатель Комитета по международным делам, Государственная Дума, доктор исторических наук.

губернатор и прочая компания будут продолжать свою собственную международную политику, то и там в конечном счете заполыхает. Так что мы не можем делать вид, что если проводим аэродромную дипломатию и каждый день находимся в какой-нибудь столице, то именно там и оказывается влияние. Я уже не говорю о Ганги, но даже на Ближнем Востоке, который традиционно был центром российского притяжения, мы не имеем практически никаких карт для влияния. Мы можем пятнадцать раз в неделю прилетать туда, вести переговоры, но реальных карт для влияния не имеем, и надо это ясно представлять. Но мы евроазиатская страна. Хотя по преимуществу - исторически европейская. Но, конечно, специфически европейская. А какая страна в Европе не специфическая? Каждая страна специфическая, начиная с Испании, островной Англии, кантональной Швейцарии. И Россия тоже весьма специфическая и тоже европейская страна. Думаю, что не в меньшей степени, чем, например, Молдова - в культурном отношении, учитывая русскую историю и наш вклад в европейские дела. Просто так сложилась история. Поэтому географические понятия в данном случае, я думаю, не играют большой роли. И в то же время мы действительно азиатская страна с очень ограниченным влиянием в тихоокеанском регионе, но с очень большой в него вовлеченностью в перспективе. Страна с глобальными элементами, прежде всего, с ядерным. Вот так я вижу наше влияние. Оно должно быть ограниченным, но ответственным и весомым как в Европе, так и в Азии, особенно в вопросах безопасности.

Второй вопрос: в каком мире мы живем? Разумеется, в мире нарастающих взаимосвязей. Но увлекаться тем, что это единственная тенденция, я бы не стал. Хотя это, безусловно, наиболее мощная тенденция, имея в виду будущее. Однако эта взаимосвязь протекает довольно своеобразно. Она может протекать и развиваться, как известно, только через региональные ростки взаимозависимости. Это и Европейский Союз, и НАФТА, и латиноамериканское региональное объединение, и азиатско-тихоокеанский интеграционный процесс. И в каком отношении система глобальной взаимозависимости, особенно в области торговли, будет соотноситься с региональными системами - вопрос сложный. Не говоря уже о том, что наряду с этим существует пласт очень мощного националистического, фундаменталистского, религиозного влияния, а также этнического, который захлестнул многие страны, в том числе и Европы. И все эти процессы

развиваются параллельно. Поэтому учитывать какой-то один из них и не учитывать другой было бы просто пионерским легкомыслием.

Теперь о политике в отношении нас других государств - ее мы тоже должны ясно представлять и быть реалистами. Если учесть, что в первый период российского существования нашей внешней политики мы этого явно не понимали. Отчасти из-за непрофессионализма тех, кто этим занимался, но в первую очередь, в силу идеологической настроенности, что раз мы теперь демократы, то все у нас будет в порядке чуть ли не автоматически со всеми странами. Между тем, у каждой страны есть свое понимание миропорядка. И в этом понимании много чисто человеческого. Ведь каждый человек думает о себе немножко лучше, чем он есть на самом деле. А о других часто хуже, чем они есть на самом деле. Так и страны. Они все, в том числе и демократические, за рациональный, взаимозависимый миропорядок. Но каждая при этом ищет для себя вполне определенное место, не всегда соответствующее тому месту, которое ищут другие, в результате чего возникают серьезные противоречия. Посмотрите, к примеру, на состояние американо-японских отношений по целому ряду конкретных вопросов: и это при внешней полной, казалось бы, демократической сущности их политики. Следовательно, у России двуединая задача. Было бы преступно не учитывать нами интересы других стран в процессе поиска ими своего места в современном мире. Но было бы и крайне легкомысленно считать, что они в таком случае отводят России оптимальное место, а не хотят, оттолкнув ее локтями, улучшить собственные позиции. И в том, и в другом случае мы не должны быть крокодилами, которые верят на слово всему, что говорится в торжественных, парадных речах.

То есть наша политика должна быть дружественной, конструктивной, не раздутой до уровня пузыря, каким был Советский Союз, потому что мы просто лопнем, если раздуемся. И в этом смысле - более рациональной и более приближенной к своим границам и своим интересам и одновременно определенной в тех аспектах, когда у нас есть действительно важные интересы, которые мы должны понимать и цивилизованно, мирно, но последовательно реализовывать в дипломатии. Ибо дипломатия - это применение ума и такта к международным отношениям.

Я говорил уже, что мы евроазиатская страна и в этом смысле должны искать достойное место прежде всего в Европе и, в какой-то степени, в Азии. В Европе наше экономическое место еще долгое время будет весьма скромным. И пенять надо только на себя. Как

говорил великий Гоголь: “Неча на зеркало пенять, коль рожа крива”. Совершенно нереалистично стучать кулаком по столу и требовать, чтобы нас немедленно приняли в Европейский Союз. Мы не созрели для этого. У нас нет пока для этого реальных экономических и социальных оснований. И поэтому мы должны здесь занимать скромную позицию. Я, например, полностью согласен с тем, что, заключив соглашение о сотрудничестве с Европейским Союзом, мы должны его ратифицировать. Но я не согласен, чтобы на экономическую сферу переносилась трагическая ситуация в Чечне. Я думаю, что Запад не мог не обратить внимание на Чечню. Это совершенно правильно, что он обратил, но я считаю ошибкой, что он перенес это на соглашение по экономическому сотрудничеству. Это практическое соглашение, и в перспективе от его нереализации будут страдать совсем не те люди, которые являются “героями” чеченской драмы. Но вместе с тем, Россия должна играть важную роль в области безопасности в Европе. Попытка преуменьшить ее нереалистична точно так же, как попытка преувеличить нашу экономическую роль. Единственно серьезное, что в области безопасности осталось от полудобровольно распущенного нами Варшавского договора - это российская система безопасности по ту сторону Эльбы. Поэтому обсуждать проблему безопасности в Европе следует между двумя реально существующими источниками материальной силы, удельного веса ее. Конечно, говорить об этом надо было раньше. Запад ведь заявил, что сфера его влияния не будет распространяться на Восток, когда мы пошли на объединение Германии и не применили чисто советских методов решения этой проблемы, чему я, в общем-то, почеловечески рад. Но говорить надо было тогда. Причем говорить серьезно и предметно. И не только говорить, но и подписывать соответствующие документы. Сейчас мы опоздали. Это наша большая ошибка, на мой взгляд.

И тем не менее, говорить с нами о безопасности в таком тоне, в каком сейчас говорят на Западе, нельзя: что Россия якобы не имеет права “вето” на то, сколько будет членов НАТО, и как он расширяется. Юридически это совершенно справедливо и к этому не придерешься. Политически же - крайне легкомысленно и фактически означает, что нас выпихивают из системы принятия решений по строительству новой европейской безопасности. А она может быть только безопасностью, как говорил генерал де Голль, от Атлантики до Урала или от Ванкувера до Владивостока. Другой безопасности не существует. Это значит не строить новый дом, а переносить старый

забор с одного места на другое. Поэтому я бы посоветовал не напоминать нам каждый день, что мы не имеем права “вето”. Это ни к чему хорошему не приведет. На это у России будет только один ответ: тогда мы откажемся от тех взаимовыгодных и более выгодных Западу договоренностей - ратифицированных и не ратифицированных - и просто торпедируем то, что было достигнуто с таким трудом в области безопасности. Что очень плохо. И никто в этой аудитории наверняка этого не хочет. Я бы посоветовал сделать паузу. Собственно говоря, во время встречи на высшем уровне о ней уже договорились, но, по-моему, о слишком короткой - до конца года. Сделать более длительную паузу и подумать еще раз о том, что такое нынешний НАТО и как он относится к сегодняшним реальностям, к существующим европейским проблемам, а не взирать на противника, которого больше нет. Это мне напоминает знаменитый фильм “Фанфан-тюльпан”, в котором французский король, увидев, что армия противника покидает поле битвы, в гневе заявил: “Наш противник нам изменил”.

Так вот, давайте посмотрим, что такое НАТО без противника, против которого он был создан. Это не значит, что его завтра же нужно распустить. Нет, надо подумать, как его реально преобразовать, а не говорить о преобразованиях. Мы, русские, большие специалисты по потемкинским деревням, по борьбе за преобразования вместо реальных преобразований. Так что мы это очень тонко чувствуем. Ну, а что касается Совета Европы, то здесь уже говорилось, что мы хотим быть его членом; хотим сотрудничать с этим Советом. Я думаю, что Совет Европы был прав, когда проявил серьезное беспокойство в связи с чеченскими событиями. Наша парламентская делегация на Парламентской Ассамблее Совета Европы уже заявила, что она с пониманием относится к реакции Запада. Позиция Государственной Думы и Федерального Собрания в целом по этому вопросу хорошо известна в Европе.

Но я понимаю, что Совету Европы пока трудно инициировать вопрос о нашем окончательном принятии. Для меня лично это понятно. Хотя это не значит, что я душой согласен с этим обстоятельством. Но, тем не менее, я надеюсь, что реальности нашей внутренней политики скоро приведут к каким-то конкретным действиям. Я думаю, что этот страшный эпизод должен скоро закончиться. Будем, во всяком случае, работать над этим. Но мне хотелось бы сказать следующее. Во время наших поездок в Страсбург и встреч со своими коллегами, наряду с теплым отношением к нам,

мы почувствовали некоторые рудименты антироссийских настроений в Совете Европы, суть которых состоит в том, что Россия вообще плохая. Плохая, потому что она большая, плохая, потому что Россия, потому что граничит с Прибалтикой и т.д. На мой взгляд, от этой психологии и прежних установок надо отказываться, бороться с ними. Россия, как и всякое государство, - и плохое, и хорошее одновременно. Ведь об Индии не говорят, что это тоталитарная страна на том основании, что там периодически происходит нечто похожее, например, в Кашмире или Пенджабе. То есть мы должны понимать соотношение между очень плохими, но локальными явлениями, и общественным настроением, общей политической тенденцией, которая развивается в России. Когда решающее влияние, мне кажется, будет иметь то, что уже произошло в Белоруссии и на Украине. Это вторые президентские и парламентские выборы, а также демократические процессы, которые развиваются на уровне регионов и на уровне местного самоуправления. Если это будет прогрессировать, значит тенденция очевидна. И по этой тенденции, а не по застарелым российским комплексам и стереотипам нужно судить о наших сегодняшних делах.

ДИСКУССИЯ

И.Мелашвили, депутат Парламента Республики Грузия. - Вопрос г-ну Лукину. Вы сказали, что Россия должна занимать особое место по вопросу безопасности в Европе. И если НАТО будет расширяться, то Россия будет вынуждена пересмотреть ранее достигнутые соглашения. Относится ли это к соглашению об ограничении обычного вооружения в Европе, особенно в ее южной части? Сегодня идет разговор о том, что квоты на размещение российских войск на Кавказе должны быть пересмотрены. Какова ваша позиция по этому вопросу? И мне интересна также в этой связи позиция г-на Лорана - представителя Совета Европы.

В.Лукин. - Я не говорил об особом месте России. Я говорил о другом: если мы хотим создать реальную систему европейской безопасности - скажем, подобную ялтинской договоренности, хотя она, безусловно, была несправедлива к некоторым странам, но почти 50 лет после нее в Европе не было войн, значит, с точки зрения эффективности это было не совсем плохое соглашение - так вот, если

мы будем подходить к ней с критерием эффективности, то надо сделать так, чтобы России, как и другим странам, было комфортно в этой системе. Я считаю, это нормально. Как, кстати, и в отношении Грузии, если будет решено, что она является частью системы европейской безопасности. Что же касается договора 1990 г. по ограничению обычных вооружений, то вы знаете, что мы много сделали для его реализации: 60 тысяч танков сдали на переплавку. Это известно. Поэтому мы выполняем и собираемся выполнять свои обязательства. Но реальная ситуация состоит в следующем. Ведь это не Россия заключила прежний договор, а Советский Союз. В тех границах, в которых он существовал, включая Варшавский Договор. Поэтому сейчас для России фланговые ограничения - совершенно другая вещь. Не видеть этого нельзя. И в этой связи мы говорим: давайте сохраним договор, но придерживаясь того, чтобы он был хотя бы минимально приемлем для России. Найдем конкретные средства и пути, чтобы мы чувствовали себя на юге более или менее безопасно. Вот об этом мы и предлагаем как можно быстрее договориться. Потому что к ноябрю будет уже поздно, ноябрь - это месяц, когда договор должен либо вступить в силу, либо не вступить. Итак, я еще раз подчеркиваю: лично я за договор, но на основе взаимных уступок. В противном случае, если будет принято решение без нас и НАТО будет расширяться, то я просто не вижу, как и многие мои коллеги, находящиеся здесь, каким образом Дума сможет ратифицировать этот договор. Создается совершенно иной психологический климат. Поэтому я сторонник того, чтобы эти и другие вопросы решались общими усилиями, во имя создания единой системы европейской безопасности.

И.Стариков. - У меня вопрос. Здесь вскользь затронули проблему, которая стоит перед нами вместе с прибалтийскими государствами. Я знаю, что для них оккупация Германией сменилась на оккупацию коммунистическую, и с чисто эмоциональной точки зрения их можно понять. Но в Эстонии, например, нарушаются права русских. Поэтому хотелось бы узнать позицию представителя европейского института. А не может ли случиться так, что, закрывая на это глаза, Совет Европы и Европейский Союз просто подталкивают Россию к применению силы или каких-то непопулярных мер под влиянием политиков типа Жириновского. Все-таки, почему Совет Европы не примет санкции против этих государств?

Ж.-Л.Лоран. - Здесь говорилось о Европейском Союзе. Но я думаю, что это скорее вопрос к Совету Европы, то есть ко мне.

Поэтому сразу хочу сказать, что мы точно так же относимся к этой проблеме. У нас те же сомнения, что и у Европейского Союза. Вы знаете, что Латвия и Эстония не сразу стали членами Совета Европы. На это ушло довольно много времени. Латвия вступила в Совет только в прошлом феврале, после длительных и сложных переговоров. Что же касается Эстонии, то я хорошо знаком с этой проблемой. Когда на Парламентской Ассамблее обсуждали вопрос о ее вступлении, у нас были разногласия. О Литве вопросов не было, с Литвой было все ясно. Но в отношении Эстонии было много сомнений, не преждевременно ли мы принимаем ее в Совет Европы. Мы хотели иметь больше доказательств по поводу того, что эстонская сторона действительно готова обеспечить права русскоязычного населения. Но там было одно существенное "но". За неделю до начала обсуждения у нас в Страсбурге появилось открытое письмо, подписанное известными членами российского правительства, в котором было сказано, что если вы посмеете принять Эстонию в Совет, тогда мы в свою очередь и т.д. и т.д. Так вот, это письмо явилось последним аргументом, в результате которого Ассамблея единогласно проголосовала за принятие Эстонии. Но это еще не все. Эстония и Латвия - и то же самое относится к России и другим странам - после того, как они становятся членами Совета Европы, подписывают Конвенцию о защите прав человека. То есть принимают на себя определенные обязательства, за соблюдением которых мы внимательно следим, направляя наших наблюдателей, вместе с Европейским Союзом - для обеспечения парижского пакта о стабильности. Это относится и к Латвии и Эстонии. На прошлой неделе я был в Риге, а перед этим посетил Таллинн, и у меня сложилось впечатление, что правительства этих стран готовы работать в тесном сотрудничестве с нами, чтобы исправить ситуацию. Но хочу сказать, что вопрос меньшинств всегда остается довольно сложным. Национальные меньшинства всегда хотят иметь больше прав, это естественно. Однако основной принцип нашей работы - и вы должны это ясно понимать - строгий контроль за выполнением обязательств и гарантий, декларируемых или подписанных теми или иными странами. Я не могу сказать, что в Латвии и Эстонии мы уже достигли стоящей перед нами задачи, но это как раз то направление, в котором мы работаем. И как здесь было справедливо замечено, вопрос о вступлении этих стран в Европейский Союз напрямую зависит от того, как ими будет решаться и русскоязычная проблема.

Е.Немировская. - На мой взгляд, Совет Европы, под покровительством которого мы работаем, как международная организация, должен понимать, что существуют страны не только с развитой, но и с развивающейся демократией, и Россия может быть его полноправным членом. Совет Европы не может не обращать внимание и на то, что России лучше быть членом и подписаться под соответствующими принципами, чем их не подписывать и вообще не соблюдать. Это мое личное мнение.

В.Южаков, депутат Государственной Думы, г.Саратов. - Я хотел бы задать вопрос Владимиру Петровичу Лукину относительно расширения НАТО. Вчера мы с коллегой Черторицкой беседовали с Председателем Народного Собрания Болгарии по этому вопросу, и он высказал мнение, что на самом деле разговоры об этом являются больше демонстративными, чем выражающими действительное стремление к расширению НАТО. По вашему мнению, скрывается ли за этим что-то реальное, или, скажем так, это частное мнение одного из руководителей восточноевропейских государств?

В.Лукин. - Вообще-то говоря, если бы мы продолжали оставаться тоталитарной страной, то я бы порекомендовал ни слова не говорить о расширении НАТО, а сказать: ну, хорошо, Бог вам в помощь, расширяйте! Вот тогда бы все и началось. Тогда бы выяснилось, что расширение НАТО стоит, по некоторым подсчетам, порядка 60 млрд. долларов, которые не так-то просто найти, прежде всего в Америке, где республиканцы, как известно, хотя и с одной стороны, расширения, а с другой - больше сосредоточиться на решении внутренних проблем. Затем надо принимать решения в парламентах, причем в парламентах всех стран-членов НАТО. А их в настоящее время 16. И наиболее пикантный момент я вижу в единодушном голосовании турецкого парламента за принятие Болгарии в НАТО. Все это из области театра абсурда. Поэтому я бы сказал так: перед нами айсберг, с которого некто говорит - примем, что бы вы там, русские, не говорили, а мы кричим - не принимайте! А он, в свою очередь, еще громче - примем! И одновременно боится, что мы скажем - ну принимайте. Вот когда начнут всплывать на поверхность интересные вещи. Я уже не говорю при этом о расширении сферы ответственности НАТО в таких потенциально сложных регионах, как Югославия. Или еще пример: Венгрия и Румыния заключили торжественное соглашение о Трансильвании. Соглашение-то соглашением, но мы знаем, что это такое - сегодня заключили, а завтра там начнется скандал. И НАТО будет вынужден

его урегулировать. А сейчас он не обязан этим заниматься. И тем не менее его бюрократия хочет изобразить большую активность и динамику НАТО. И некоторые видят ее не в плане внутреннего преобразования, а в плане внешнего расширения. Но сами военные в большинстве своем далеко не легкомысленные люди, и многие из них выступают против расширения, потому что прекрасно понимают, во что это обойдется и какая ответственность на них ложится.

Б.Жамсуев, депутат Государственной Думы, Бурятия. - Владимир Петрович, вы говорили о том, что Россия должна занимать скромное место в мире, исходя из того, что она не сверхдержава. Но вместе с тем вы сказали, что она должна занимать главное место в системе европейской безопасности. Я с этим согласен. Но увлекаясь занятием именно главного места, не уходим ли мы сегодня из Азии?

В.Лукин. - Нет, я так не думаю. Я же не употреблял слово "главное", а говорил, что нам надо занимать в европейской безопасности естественное, российское место. Не больше и не меньше. И его надо найти, поскольку от него многое зависит. Теперь относительно того, что Россия - это евроазиатская страна. Проблема состоит в том, что в Азии, особенно в восточной, у нас меньше возможностей сейчас для конструктивной политики. Почему? В силу нашего экономического положения. Раньше у нас был единственный рычаг - искривленный, правда, - это наше военное присутствие, которое многих раздражало, хотя оно сильно преувеличивалось: военно-морское в Японском море и военное в Китае, но и то и другое ослабло. Последнее было бы, наверное, не плохо, если бы появились другие конструктивные факторы нашей политики - культурный, экономический и т.д. Пока же, будучи большой азиатской страной, потенциально долженствующей играть там весомую роль, мы просто не можем этого делать в силу кризисной ситуации. Что же касается Европы, то все-таки она ближе, и контактов и ресурсов для воздействия на европейскую ситуацию у нас больше. Но в перспективе мы должны быть двуконтинентальной страной.

С.Гинзбург, начальник информационно-аналитического центра Администрации Калининградской области. - Я полностью разделяю мнение Владимира Петровича относительно идеи просвещенного патриотизма. Дело в том, что мы очень часто на практике видим, как любые наши конструктивные контакты с западными партнерами и инвесторами сопровождаются криками профессиональных патриотов о распродаже и разрушении и т.д. Я думаю, что если бы на государственном уровне более активно поддерживался процесс ста-

новления политики просвещенного патриотизма, как это делается в Школе, тем скорее наше сознание перестало бы калечить бытие.

И.Горфинкель, политолог, Институт философии и права Уральского университета, г.Екатеринбург. - И все же, насколько расширение НАТО на Восток может угрожать проблеме безопасности России? Если оставить в стороне последствия негативного влияния на социально-психологический климат в стране и наши традиционные фобии, то есть ли какие-нибудь рациональные основания утверждать, что это расширение, допустим, за счет Вышеградской тройки, может угрожать фундаментальным интересам национальной безопасности России?

В.Лукин. - Да, я считаю, что может. И проблема не в том, что НАТО имеет агрессивные намерения в отношении России, хочется надеяться. Проблема в другом. Вот здесь упоминался Макиавелли. Обычно он воспринимается как злодей и циник, но Макиавелли был серьезным политическим мыслителем. И если с его позиций посмотреть на ситуацию, то проблема состоит не в том, у кого какие намерения, а в том, что она должна рассматриваться в контексте реальности. Ведь когда огромная военная машина приближается к границам какого-то государства, заявляя при этом, что она не собирается учитывать пожелания этого государства, то, согласитесь, это вызывает вопросы. Поскольку в ее доктрине содержится, например, такое положение: Россия вообще-то наш партнер и демократизируется, но в ней могут победить разные силы, и потому мы должны на всякий случай иметь гарантированные возможности для противодействия российской военной мощи. А теперь переверните это. Я уже упоминал, что существуют антирусские настроения в западном политическом мире. И вот, если наши военные в свою очередь будут утверждать, что вообще-то Запад наш партнер, но если в НАТО победят антирусские силы и т.д. Должны ли мы в таком случае, независимо от того, какая власть будет в России ориентироваться, как на наихудший сценарий, на эту ситуацию? Или не должны, если мы не входим на равных в систему безопасности, о которой идет речь? Вот посмотрите на ситуацию: нам говорят, мы очень рады, что в России идет процесс демократизации, мы готовы это стимулировать и т.д. И затем к нам приезжает американский министр обороны г-н Перри, человек, кстати, редкостных интеллектуальных, личных качеств. Но я говорю сейчас о министре обороны, а не о г-не Перри. Он посещает Россию, Украину, посещает Узбекистан и делает заявление, что это была очень важная поездка,

потому что Узбекистан не принимает концепции безопасности, которая разрабатывается в Москве. Что это такое? Это Макиавелли, реальная политика, которая исходит из того, чтобы не было военно-политической интеграции у нас здесь. Хотя она довольно эфемерная, и, я думаю, узбекская армия, даже прибавившись к российской, не является угрозой для НАТО. Поэтому я еще раз говорю, нужно все это объективно анализировать и договориться о реальной безопасности, равной для всех. А не о какой-то игре, связанной с балансом сил и пр.

И.Стариков. - Владимир Петрович, когда вы вскользь сказали о губернаторе Приморья и его команде, а перед этим говорили о просвещенном патриотизме, с чем согласился г-н Гинзбург, то невольно встает вопрос: а не разные ли стандарты просвещенного патриотизма должны быть в отношении Калининградской области и Приморского края?

В.Лукин. - Я не обсуждаю губернаторов. Хотел лишь подчеркнуть, какое огромное значение для нас имеет сегодня договоренность с Китаем о границе, за исключением 14 кв. км в одну сторону и одного кв. км в другую. С хорошими пастбищами, между прочим. Тогда как раньше Китай предъявлял нам претензии на полтора миллиона квадратных километров границы. Поэтому учитывая, что у нас есть проблемы с Японией, серьезные проблемы в Таджикистане, в Закавказье, с Украиной и кое-какие проблемы в Прибалтике, не хватало еще в этих условиях устроить конфликт на китайско-российской границе. Где же здесь просвещенное начало?

А.Мурашев, депутат Государственной Думы, Москва. - Насколько я понимаю, мы обсуждаем проблему нравственности в области международных отношений. Приемлемы ли этические нормы, которые распространяются обычно на сферу человеческих, индивидуальных отношений, к поведению государств между собой? Этот вопрос мне кажется чрезвычайно важным. Суть же моей ремарки состоит в следующем. На мой взгляд, Владимир Петрович необычайно удачно использовал термин "просвещенный патриотизм" для адекватного описания того, что происходит сегодня в России, хотя между этими словами есть внутреннее противоречие. Они как бы не сопрягаются. Патриотизм - это нечто вроде мягкой формы национализма, когда человек гордится тем, что ему дано по природе. Что он разговаривает на своем языке, принадлежит к определенному этносу, и это не требует с его стороны фактически никаких духовных и прочих усилий. Но, конечно же, патриотизм бывает приправлен

при этом известной долей ксенофобии, изоляционизма и пр. Поскольку чем меньше люди просвещены, тем больше у них оснований или желания гордиться тем, что у них есть. И просвещенный патриотизм очень точно описывает, мне кажется, ту переходность российского общества, в котором мы живем. И отсюда же наше отношение к проблеме расширения НАТО. Хотя я не думаю, что наша ситуация имеет обратимый характер. Грубо говоря, здесь существует отношение симметрии. Был назван критерий, который ее определяет, или, точнее, указывает на некую несимметричность. Это отношение к собственным гражданам, к решению своих внутренних проблем. Конечно, современную Европу гораздо в меньшей степени можно упрекнуть в нарушениях прав человека, в подавлении инакомыслия и т.д. То есть во всем том, что было характерно для Советского Союза. Поэтому едва ли стоит рассуждать в том смысле, что нас не принимают в расчет, что мы стали уже демократичными и т.д. То есть я хочу сказать, что желание восточноевропейских стран примкнуть к системе европейской безопасности мне понятно. И не думаю, что сторонники просвещенного патриотизма должны опасаться этих тенденций. В конечном итоге, для безопасности простых российских граждан эти процессы имеют позитивное влияние.

Ж.-Л.Лоран. - Не знаю, смогу ли я добавить еще что-то к тому, что сказал Аркадий Мурашев. Я рад, что мы находим взаимопонимание даже в трудные времена. Если позволите, я хотел бы просто процитировать в этой связи слова Лены Немировской из первого выпуска "Дневника" Московской школы политических исследований, это всего лишь один параграф на второй странице: "В январе 1995 года, когда я писала эти заметки, в Москве было неуютно и холодно. Телевидение показывало страшную войну в Чечне. Гибнут люди, мирное население, мальчишки-солдаты... Я прилетаю на один день в Страсбург, заболела душа: "Что будет со Школой? Не откажется ли от Школы Совет Европы? Это незапланированный визит. Это визит к друзьям. В течение дня меня принимают все ее покровители, включая Генерального Секретаря Даниела Таршиса... И все они отвечают в один голос: "Теперь Школа нужна, как никогда!" И я слышу голос европейцев, верящих в право и мировой правопорядок". Я тоже уверен, что сегодняшняя ситуация является временной. Мы должны вместе преодолеть ее, чтобы отпраздновать вступление России в Совет Европы еще до следующего учебного года.

В.Лукин. - Ну что же, уважаемые коллеги, я считаю, что наша дискуссия была интересной. Мне особенно понравилось, что Аркадий

Николаевич выступил с концептуальной ремаркой, которая уточнила позиции и сделала их, я бы сказал, более выпуклыми, в духе большего плюрализма. Стало яснее, кто есть кто. Да, я тоже не вижу противоречия между словами, скажем, “красная девица” или “добрый молодец”. Ведь не всякая девица красивая. Бывает и некрасивая. Действительно, патриотизм может быть просвещенным, а может проявляться и в шовинизме. Это ясно. И утверждать, что американцы, например, мазохисты только потому, что их президент начинает свою речь словами: “Мы - великая держава, которая призвана лидировать в мире и показывать миру пример”. Но следует ли из этого, что Америка всегда права? Например, Раймон Арон, выдающийся французский социолог и политический писатель, называл Америку “имперской демократией”. И в этом, кстати говоря, я тоже не вижу противоречия. Как известно, и Афины были имперской демократией. Поэтому ставить знак равенства между демократией и миролюбием, с одной стороны, и мазохизмом, с другой - это примитивно. При том, что я самым решительным образом предпочитаю демократию как в России, так и в Америке. Но часто Америка была не права в своих внешних действиях, и мы это хорошо знаем. И тем не менее, относимся к ней с симпатией как к демократической стране, в которой в наибольшей степени уважаются права граждан. И мы в России хотим, чтобы уважались наши права, и хотим, чтобы ее уважали в мире и считались с ней. Вот и весь просвещенный патриотизм.

2 февраля 1994 г.

А.Салмин (Россия) *

**РОССИЯ В ОЖИДАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОПЛОЩЕНИЯ:
НАЦИЯ, ГОСУДАРСТВО, ФЕДЕРАЦИЯ**

В дискуссиях о настоящем и будущем Российской Федерации недостаточное внимание, на мой взгляд, уделяется двум связанным, но все же различным обстоятельствам:

- непроясненности действительной природы государственного наследства, доставшегося Российской Федерации и, соответственно, сегодняшней российской государственности;
- переходному характеру этой государственности и, как следствие, необходимости переноса акцента с детализированного уже сейчас проекта государственного устройства на процесс, на алгоритм его становления в ответ на внешние и внутренние вызовы.

Недооценка этих обстоятельств особенно заметна при обсуждении проблематики национального государства в применении к России, а также реального содержания федерализма, идея которого - факт политического сознания, закрепленный конституционно.

Утверждение идеи гражданской и политической нации в России - важное условие ее выхода из изоляции, в которой она находилась в коммунистический период, и оптимальной интеграции в мировое сообщество. Но оно необходимо также и для внутренней интеграции: при условии, конечно, что при этом будет проводиться четкое различие между названной идеей и довольно двусмысленным курсом на скорейшее построение национального государства. В любом случае, однако, соответствующая идеология не будет стабилизирующей сама по себе, без подведения под нее политической основы, имеющей иную логику.

На мой взгляд, едва ли кто сможет сегодня убедительно доказать или опровергнуть как тезис о неизбежности возникновения национального государства в России, так и тезис о его принципиальной невозможности. Проблема, следовательно, состоит в том, чтобы проводить такую государственную политику, которая минимизировала бы возможные потрясения при любом долгосрочном варианте

* Салмин Алексей Михайлович, член Президентского Совета, председатель Совета РОПЦ, доктор исторических наук, профессор.

развития. Другими словами, как бы ни оценивать универсальность идеи “современного” государства, для меня очевидно, что теоретическая концепция, имеющая историко-философское значение, сама по себе еще не способна обеспечить успех практической, повседневной политики. Поэтому было бы крайне нежелательно, чтобы Россия, достаточно часто увлекающаяся утопиями и пытавшаяся каждый раз перестроить под очередную из них здание своей государственности, предприняла на наших глазах и при нашем участии очередную попытку такого рода.

Попытаюсь сформулировать несколько тезисов, имеющих, на мой взгляд, существенное значение для упорядочения и, в переносном смысле, “иерархизации” практических требований к оформлению современной российской государственности.

1. Любое государство - территориальное и не вполне, национальное, общественное, унитарное, федеративное и т.д. - все же прежде всего государство. Любой альтернативой ему становятся анархия, хаос и прекращение национального существования, появление нового неидеологического террористического режима, ведущего перманентную войну с расползающейся социальной тканью собственного общества.

Следовательно, государство - это минимально приемлемый уровень внутренней и внешней безопасности, гарантия завтрашнего, если не послезавтрашнего дня и наличия здравого смысла, одушевляющего государственное существование.

В этой связи заторможенность российского общества, вяло реагирующего после десятилетий тоталитаризма на ухудшение качества окружающей социальной среды в ее политически ключевых точках (столицы, крупные города, индустриальные зоны) понятна, но вызывает тревогу.

Преодоление анархии, в том числе преступности, является сегодня важнейшей задачей при создании правового, демократического, федеративного и т.д. государства. Сильная исполнительная власть без сдержек, противовесов, контрвластей, институциональных гарантий прав меньшинств, разумеется, при этом тоже опасна, но ее отсутствие или слабость в глазах общества, да и по сути - не аргумент против сильного государства. Кроме того, сильная, непременно специализированная власть, направленная против анархических и криминальных девиаций - более естественный, приемлемый и, если угодно, “неотразимый” объединитель страны, чем тотальная

центральная власть, обращенная против региональных властей “по всем азимутам”.

2. Прежде чем ставить вопрос о национальном государстве в России и, уж во всяком случае, не позже этого, стране необходим некий минимум государства территориального.

Коммунистическое государство было таковым лишь отчасти и условно, хотя и становилось им во все большей степени. Сегодня проблема состоит, собственно, не только в эвакуации (в прямом и переносном смысле) элементов бывшего советского государственного механизма; проблема в ясном понимании оптимальной для России цели: последовательном и максимально быстром, хотя и постепенном разграничении формальной юрисдикции, а также реальной компетенции российских и местных структур (прежде всего военных, но и некоторых других) в тех республиках бывшего СССР, где они тесно взаимодействуют. Что предполагает помощь со стороны России, в том числе и в подготовке кадров. Такая помощь вполне естественна, обоюдовыгодна и соответствует долгосрочным интересам России. Россия не должна отказываться от постсоветских обязательств, но их выполнение должно быть максимально структурированным и в целом оптимизированным.

Если же ставить вопрос шире, то общей ориентацией должна быть помощь в укреплении территориального государства в сопредельных с Россией странах, но именно современного государства с возможно более четко определенными по вертикали и горизонтали функциями.

Установление необходимого контроля над территорией самой Российской Федерацией требует, в частности, разработки и осуществления программы развития специализированных служб, образующих в совокупности корпус гражданской (государственной) службы. В связи с чем особое внимание должно уделяться подготовке административной элиты на основе весьма высоких и единых требований, причем эта элита должна отражать национальный и региональный состав страны и ее естественную принадлежность к постсоветскому пространству. Возможности для этого в принципе существуют уже сейчас.

3. Разумная минимизация и специализация обязательств России в Ближнем Зарубежье, их максимальное делегирование местным властям не только не исключает, но, напротив, предполагает ее интеграцию с бывшими республиками СССР вплоть до передачи части специализированных управленческих и контрольных функций

на надгосударственный уровень (в рамках СНГ или других объединений).

На мой взгляд, реальная проблема сегодня не в выборе между “тотальным” контролем над территорией бывшего СССР или бывшей РСФСР, а в нашей способности или неспособности создать структурированную и иерархизированную систему властей и связей, не идущую в ущерб государственному (конечно, не из единого центра) контролю над всем постсоветским пространством. К такому пониманию проблемы политической организации этого пространства подталкивает не только его нерасчлененность и преобладающее в настоящее время теоретическое понимание федерализма как многомерной и многоуровневой системы властных отношений и “накладывающихся суверенитетов”, но и реальность Европейского Сообщества, на наших глазах превращающегося в Европейский Союз. Его возникающая структура с еще не вполне определенными и требующими дополнительного прояснения перспективами имеет явно “неклассический” характер и вовсе не сводится на практике к соединению дюжины государств-наций в “нормальную” двухуровневую федерацию. В частности, один из наиболее проницательных аналитиков европейской интеграции, Ф.Шмиттер, обнаруживает в этой связи за фасадом Европейского Союза существующие и сложно взаимодействующие “федерацию”, “конфедерацию”, “консорциум” (совместные действия в различных возникающих от случая к случаю ситуациях) и “кондоминиум” (выполнение одной функции различными властными центрами). Подобная система, удовлетворительно увязывающая различные формы территориального и функционального управления, может стать в случае успеха (если уже не становится сейчас, быть может, преждевременно) новой парадигмой политической организации, приходящей на смену парадигме национального государства.

4. С учетом подобной тенденции развития всего постсоветского пространства должна рассматриваться и перспектива федерализации России. Классический функциональный подход к федерации, имеющий огромное нормативное значение (он в целом хорошо проявил себя, например, в США, но дает серьезные сбои в соседней Канаде) предусматривает высокую степень децентрализации власти и равенство субъектов при неременном действии дискреционного принципа: то есть прямой и обратной связи федеральных властей не только с коллективными субъектами федерации, но и с индивидами, их составляющими. Такая модель предполагает, однако, наличие

некоторых “экстраполитических” обстоятельств: относительной культурной однородности всей территории (что прекрасно знали еще отцы-основатели США) и столь же относительного равенства экономических условий.

В сегодняшней Российской Федерации эти условия если и существуют, то явно не на всей территории. Достаточно указать на наличие в некоторых регионах клановых (тейповых) структур - коллективных субъектов общественной жизни - и других форм общественной организации, иногда называемых традиционалистскими. Не говоря уже о территориях, для которых характерны одновременно хроническая дотационность, низкий уровень экономического развития, быстрый рост “коренного” населения, приводящий к вытеснению “некоренного”. И все это на фоне их неспособности к независимому существованию. Именно это обстоятельство не отменяет формул классического федерализма, они лишь свидетельствуют об их недостаточности для восстановления реальной управляемости территории. Вполне возможно, в частности, введение особых статусов для таких территорий: разумеется, не против их воли и на основании универсальной нормы, а не просто суммы двухсторонних сговоров.

Не следует забывать, что даже в США, стране классического в своем роде федерализма, существовал не зафиксированный в Конституции статус федеральной территории, согласно которому, например, Пуэрто-Рико с 1952 г. - это “свободно присоединившееся государство”.

Говоря о возможности введения реально различных статусов составных частей государства, необходимо иметь в виду, что в идеале, в пределе такая дифференциация должна прийти на смену условной (в большинстве случаев) и архаичной: на “республики” и “края-области”. Сегодня это едва ли осуществимо, но речь идет о понимании смысла развития, а не об очередной конституционной революции.

В любом случае будущее Российской Федерации связано с перспективами продуманной, специально разработанной интеграционной политики, в первую очередь - экономической. Поэтому вновь нелишне вспомнить, что в тех же Соединенных Штатах решающую роль в преодолении политических и психологических последствий сецессии Юга и Гражданской войны сыграла национальная программа строительства железных дорог.

5. Быстрая дифференциация условий жизни в различных частях Российской Федерации и “климата” межэтнических отношений привела к тому, что сегодня труднее, чем в прошлом, говорить о каком-то едином подходе к решению “национального вопроса” в стране.

Сегодня можно лишь наметить императивы политики в этой области, требующие серьезной проработки, законодательного оформления и институциональных гарантий.

а) Массовые национальные конфликты, насильственное вытеснение населения по национальным и религиозным мотивам должны решительно и жестко пресекаться, с использованием всех возможных средств, причем на территориях, власти которых не способны справиться с беспорядками сами, необходимо введение федерального правления. Давно назрела необходимость в создании как специализированных миротворческих, так и “пожарных” вооруженных сил.

б) Необходима опережающая разработка увязшей в спорах и согласованиях миграционной политики с тем, чтобы меньшинства (чаще речь идет о русских, но, конечно, не только о них) не превращались в заложников на “своих” территориях. Должна существовать самая жесткая увязка между положением меньшинств и федеральными дотациями, а также политическими действиями Федерации в отношении своих субъектов.

в) Становящаяся постепенно популярной идея культурно-национальной автономии не должна ограничиваться лишь экстерриториальным самоуправлением (в сфере культуры и образования). Такая версия культурно-национальной автономии не без оснований воспринимается сегодня многими, как шаг назад по сравнению с национально-территориальной автономией и поэтому отвергается. Суть же идеи культурно-национальной автономии в политическом представительстве этнокультурных групп, формируемом на экстерриториальной основе.

На первых порах федеральным органом такого представительства мог бы стать специальный Совет (“выборный Госкомнац”), поначалу хотя бы с законосовещательными функциями по типу Экономического и социального совета во Франции.

Проблемы становления Российской Федерации, конечно, не исчерпываются перечисленными. В заключение, говоря о перспективах российской государственности, я хотел бы поэтому еще раз подчеркнуть, что в ее реальную основу должна закладываться не

абстрактная идея, какой бы привлекательной и обновленной она ни казалась, а совокупность линий поведения, точкой схода которых является нечто, напоминающее простой биологический инстинкт. Дарованный человеку, как и другим живым существам, инстинкт самосохранения, возможно, и недостаточное, но совершенно необходимое условие выживания организма, в том числе и политического. Его “недостаточность” при этом - особого рода, что и свойственно живым организмам. Если логическая система требует немедленного и адекватного добавления до “полноты”, то органическая - дорастания, созревания или выздоровления до нее.

2 февраля 1994 г.

П.Розанваллон (Франция)*

О ГОСУДАРСТВЕ-НАЦИИ

Мне бы просто хотелось поделиться двумя-тремя соображениями, относящимися к проблеме “государства-нации”. Первое: трудно рассматривать нацию как нечто, возникающее само по себе. Нация есть нечто искусственное, построенное. Наций, появившихся естественным путем, не существует. Все нации, какие знает история, были результатом созидания.

Построение разных наций действительно происходило по-разному. Скажем, известна французская модель, по поводу которой принято говорить, что нацию во Франции создало и сформировало государство, появившееся еще в XIII веке.

Существует и иной путь формирования нации: постепенное придание смысла совместному существованию, создание общности, идентичности, как это можно проследить на примере Германии или Италии. Ни та, ни другая - в их современном виде - тоже не являются естественными национальными образованиями. В этих странах в XIX веке была предпринята гигантская работа по созданию общей национальной культуры, и даже единый язык появился в них не сразу, а в результате преобразований, опиравшихся чуть ли не на искусственно созданную схему. Короче, когда речь заходит о нации, главная опасность, как мне кажется, заключается в том, что под этим словом подразумевают обычно некое органическое целое. Между тем фундаментальной проблемой современных демократических систем является скорее подход к нации как к воплощению плюрализма и разнообразия, которые препятствуют достижению целостности. Единственное доказательство существования нации - это чувство солидарности. Или, другими словами, наличие условия для появления государства-провидения, государства как некой формы солидарности.

То есть нацию можно определить еще и как установленное со всеобщего согласия пространство, в котором происходит некое перераспределение. Она формируется неким усилием, направленным на изобретение и создание системы перераспределения и солидарности. И сегодня в результате кризиса, который переживает государство-провидение, на примере тех финансовых трудностей, с которыми

* Розанваллон Пьер, директор Центра политических исследований им. Р.Арона, генеральный секретарь Фонда Сен-Симона.

сталкивается большинство западных государств, мы видим, что проблема заключается именно в этом: чтобы не просто сохранить нацию, но и преобразовать ее путем коллективного обсуждения налоговой политики, политики в области социального обеспечения и т.д., поскольку представления о социальной однородности неизбежно приводят к популизму. А популистская перспектива, в свою очередь, связана с мечтой о счастливой и одинаковой для всех жизни, когда весь народ должен жить едиными чувствами и настроениями. Между тем, демократическое понимание общественного устройства означает трудный процесс формирования национального сознания на основе дискуссий и выработки общих норм, исключающих подобное видение совместной жизни.

Таким образом, отталкиваясь от примера Франции, можно сказать, что проблема состоит не в том, чтобы выяснить, возможно ли, и если да, то каким образом, существование государства-нации, но в том, чтобы задуматься над связью между идеей нации и идеей однородности. Ибо исторически нация не связана с какими-то природными вещами. И в этом смысле существуют не только разные нации, но и разные пути, ведущие к выработке коллективной нормы.

Второе соображение. Меня как француза поражает тот факт, что вы в России размышляете сегодня над вопросом о переходе к государству-нации, тогда как многие французы в своем государстве-нации думают о переходе, если угодно, к Европейской империи. Почему? Потому что тот образ, который складывается сегодня у европейцев, когда они пытаются представить будущую Европу, я думаю, далек от образа государства-нации. В Европе сейчас никто не верит, что она сможет стать большим государством-нацией даже в отдаленном будущем, что появится европейская нация. А если это новое сообщество не сможет стать нацией, тогда оно, вероятно, станет новой формой Империи. Не так ли? Во всяком случае, это очень важная тема для дискуссии, и выборы в Европейский парламент наверняка дадут ей новый импульс.

То есть мы видим, что в Европе тоже идея "империи" как идея суверенитета является препятствием к размышлению. Поскольку чтобы размышлять о развитии Европы, необходимо сделать понятие суверенитета плюралистическим. Если же понимать его как нечто неделимое, то размышление о Европе становится невозможным. Мне кажется, это главный вопрос, над которым следует задуматься - преодоление государства-нации, его плюрализация. Ибо такие по-

нения, как “нация”, “суверенитет”, “всеобщая воля” не позволяют выйти за рамки размышлений о государстве как таковом.

Когда мы размышляем над статусом Европы, я считаю, нужно отбросить в сторону слово “суверенитет”, поскольку едва только встает вопрос о его местонахождении, строительство Европы становится невозможным.

Однако можно ввести различие между суверенитетом как формой защиты и суверенитетом как формой солидарности. Первый суверенитет - это суверенитет пространства коллективной безопасности, а также развития условий для открытой рыночной экономики. И именно на этом уровне государство как система доказывает свою обоснованность. Европа действительно представляет собой суверенитет защиты. Но, на мой взгляд, она не стала и еще долгое время не сможет стать суверенитетом солидарности. Не существует пока даже малейшего намека на возможность появления чувства общей будущности, например, у крестьянина из Испании и у рабочего из Франции. Хотя мы видим, что европейский рынок развивается, и мы озабочены проблемами европейской безопасности. Но наряду с этим планы о создании Европейского Государства в настоящий момент неосуществимы. Если бы существовала возможность создать новое европейское государство-провидение, то можно было бы говорить и о новом государстве-нации. Но сегодня, повторяю, об этом не может быть и речи.

Именно поэтому было бы интересно, в рамках нашей дискуссии, узнать, как вы представляете себе эту проблему перехода, ну, скажем, от империи к государству-нации. Если вы мыслите этот переход в перспективе воссоздания нации как естественного явления и одновременно как единого суверенитета, то в таком случае, вероятно, он неосуществим. Как неосуществима и единая Европа.

Значит, есть по крайней мере одно, что нас объединяет: тот перекресток, на котором мы стоим в нерешительности. А это, как я считаю, не так уже плохо.

2 февраля 1994 г.

Ю. Сенокосов (Россия) *

МЕЖДУ ДЕМОКРАТИЕЙ И ПАТРИОТИЗМОМ

Недели две или три назад я услышал в московском троллейбусе фразу, которая не нуждается, я думаю, в специальном комментарии, поскольку она имеет прямое отношение к проблеме национальной идентичности.

Как обычно (и всюду сегодня в России) люди в троллейбусе ругали правительство, и вдруг кто-то произнес: "Ну, конечно, мы, русские, никому не нужны!" Причем это было сказано с таким внутренним отчаянием и болью, что на какое-то мгновение все замолчали. А я невольно подумал: ну, разумеется, - кроме самих себя. А кому вы были нужны пять, десять или двадцать лет назад?

То есть я хочу сказать, что многие русские сегодня действительно искренне считают, что они никому не нужны. Что их бросили, перестали заботиться.

Проблему, которую мы обсуждаем, я бы сформулировал так: способен ли сегодня русский человек понять ту реальность, которая его окружает, на уровне собственной, индивидуальной деятельности и мышления? Западные философы и психологи называют такую способность, или состояние, трудно переводимым на русский язык термином "identity", "идентитет", то есть неким самоощущением личности, ее стремлением быть в гармонии с собой. Но как быть, если в результате развала СССР, распада хозяйственных связей, инфляции, межэтнических конфликтов, терроризма свою идентичность потеряли миллионы людей? Поделюсь некоторыми соображениями.

Первое. Все попытки построить теорию нации, на мой взгляд, абсурдны. Такого теоретического предмета не существует. Потому что нация - это то, что случается с этносом, во что превращается этнос, если его представители, как выразился однажды Ортега-и-Гассет, каждый день "занимаются плебисцитом". Да, в России нет сегодня нации, потому что была империя, которая распалась, и есть русский этнос, который стремится на развалинах имперского государства создать свою нацию. Или, как сказал Алексей Салмин, русские стоят

* Сенокосов Юрий Петрович, председатель Фонда философских и междисциплинарных исследований им. Мамардашвили.

создать свою нацию. Или, как сказал Алексей Салмин, русские стоят перед проблемой политического воплощения нации, государства и федерации. И я с ним согласен, что это не какая-то отвлеченная или патриотическая идея, а то, что существует благодаря напряженному вопрошанию людей о том, кто они такие, какие у них гражданские обязанности, права и т.д. То есть это некое единство перед судьбой. “Нация-государство”, как говорят французы. Или продукт Конституции. Нация - это то, что способно создавать Конституцию, одновременно возникая внутри и в результате действия Конституции. Она появляется в результате референдумов, выборов, дискуссий и т.д. Нация ежедневно возникает из вопрошания. Так же, кстати, как человек. Ведь он тоже как личность возникает и существует в подобном же напряженном пространстве вопрошания. Всматриваясь в свою судьбу. Лишь так появляется сообщество людей, которые обретают единство перед лицом судьбы.

И здесь я хотел бы обратить внимание на следующее обстоятельство. На то, что случилось в России 26 февраля этого года, когда из тюрьмы были выпущены на свободу путчисты 1993-го, а затем 1991 года. Об этом в настоящее время много спорят, но я считаю, что несмотря на все “за” и “против”, которые при этом высказываются, в действительности в нашей стране произошло, если угодно, некое чудо, если иметь в виду именно Конституцию. Постараюсь пояснить свою позицию.

Конечно, все путчисты должны были понести наказание. Точно так же, как моральную вину за случившееся разделяет и президент. Но дело в том, что до принятия в декабре прошлого года новой Конституции, Россия с правовой точки зрения находилась в замкнутом порочном круге. По существовавшей Конституции путчисты имели полное право, используя имперскую риторику, действовать так, как они действовали. Советская Конституция, вообще, как вы знаете, оправдывала государственный террор. Не случайно коммунисты голосовали против новой Конституции. И тем не менее, этот порочный круг был разорван: во имя возвращения доверия к власти как таковой была принята новая Конституция и через три месяца был совершен акт помилования. Как бы к нему не относиться. Я сказал, что это чудо, ибо этого могло и не быть. Но это случилось, и тем самым открылась возможность для поиска общественного согласия и развития элементов общественного договора на основе конституционных принципов. А это значит, что появилась основа и для строительства национального государства.

Разумеется, все это сегодня хрупко в нашей стране, и поэтому, возвращаясь к проблеме идентичности, хочу остановиться еще на одном ее аспекте. Речь пойдет о нашей склонности к спиритуализму. В сущности, это как бы обратная сторона того состояния человека, когда он считает, что никому не нужен и готов слепо поверить в любые обещания. Напомню, что спиритуалист - это человек, который склонен легко поверить, что добро, истина, красота, свобода, гражданские добродетели как бы существуют материально, в физическом смысле слова. И позволяет себе рассуждать и думать о таких вещах наглядно, в предметных образах. Как будто духовное состояние есть некий внешний объект, существующий вне человека.

Повторяю, считать духовное физически существующим и есть спиритуализм. Спиритуалист - это человек, который способен легко обоготворять в том числе и власть, полагая, что она сама по себе может быть справедливой, хорошей и т.д. Человек, который надеется на появление сильного и доброго Хозяина. Хотя давно известно, что религия без личного, духовного усилия человека способна либо внушать страх, либо - надежду о награде. А то и другое неизменно порождает суевренное отношение и к Богу, и к власти.

И еще один аспект, связанный с обсуждаемой проблемой. Сегодня в России очень популярен, особенно в окружении А.Рущкого, русский философ Иван Ильин. Фактически его книги, его призывы "созерцать Россию в Божьем луче ... и любовью принимать ее" становятся одним из наиболее заметных элементов формирующейся национально-патриотической идеологии.

Ну что можно сказать по этому поводу? Да, несомненно, любить Россию (как и своих ближних) надо. Но ведь насильно мил не будешь. Для меня природа человеческой любви, как и дружбы, а также демократии, хотя это может показаться парадоксальным, одна и та же: великодушие. То есть в каждом случае мы имеем дело с неким таинственным моральным качеством, которое венчает все другие моральные качества. Как говорил мой покойный друг Мераб Мамардашвили, ссылаясь в свою очередь на Декарта, у этого качества несколько необычное название, поэтому оно и таинственно: благородство, щедрость, великодушие. То есть свобода и власть распорядиться собой и своими намерениями, потому что ничто другое нам не принадлежит.

Так вот, природа любви, как и дружбы, а также демократии, одна и та же: терпимость и великодушие. Различие же между ними я вижу в том, что в одном случае все держится на абсолютном доверии,

когда люди взаимно - без подозрений и обоюдных претензий на господство и обладание друг другом - принимают друг друга, как они есть. Любовь и дружба - это по-своему уникальные и самодостаточные явления в мире. А в другом случае - при демократии, вырастающей из признания обществом гражданских прав и свобод каждого человека, эти права и свободы из-за неизбежного столкновения человеческих страстей и интересов, помимо доверия, нуждаются в их юридической защите и в развитой гражданской личности.

Ясно, конечно, что развитие общественного гражданского согласия в России зависит сегодня не только от человеческих намерений - пусть даже искренних и благородных, - но и от объективных обстоятельств: экономического положения страны, ее культуры, устойчивости демократических институтов. Но очевидно и другое. Что вначале должно было рухнуть наше прежнее советское "монолитное единство", державшееся на страхе и идеологии, чтобы появились условия и возможность для демократических преобразований. И только великодушие и желание слушать и слышать друг друга способны в этой ситуации освободить нас от гипертрофированного представления о своей исключительности и зависимости от прошлого.

Культур, как и стран, много, а цивилизация одна. И суть ее в общении. Цивилизация и есть общение. Это очевидно. И последнее. Развитие национальной идентичности в России идет сегодня и по патриотическому, и демократическому пути. Но я не думаю, что какая-то из этих двух тенденций обязательно одержит победу. Скорее мы видим и нам бросаются в глаза "издержки", "отходы" этого мучительного процесса. В действительности будущее России зависит не от миллионов "никому не нужных", кто считает, что их бросили, а от тех уже появившихся тысяч, кто реально что-то делает для страны и обладает волей и желанием вывести Россию из кризиса. Но как бы не развивался этот процесс, для меня очевидно, что внутренняя стабилизация России, в которой я не сомневаюсь, укрепление ее государственных институтов не может не сопровождаться сегодня обострением ее отношений с Западом. Это неизбежно, потому что Россия по-прежнему претендует и будет претендовать на роль одного из лидеров в международном сообществе.

2 февраля 1994 г.

Ф.Фюре (Франция)*

ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ИМПЕРСКОГО ПРОШЛОГО

Я не считаю, что европейский опыт государства-нации исчерпан. Мне представляется, кстати, что в этом смысле европейские страны находятся пока в одинаковом положении, поскольку все мы испытываем трудности в отношении прошлого наследия. В этой связи я скорее склоняюсь к тому, что необходима осторожность в подходе к государству-нации.

Если история Европы и учит нас чему-то, так это тому, что патологические проявления государства-нации совпадали в прошлом с демократией. Иначе говоря, между современной демократией как формой суверенитета отдельных личностей и государством-нацией не существует простой и прямой связи.

Государство-нация существует дольше, чем современная демократия. Оно возникло в Западной Европе в средние века, и по сути дела вначале его судьба складывалась менее драматично, чем в XIX веке, то есть после Великой Французской революции, или чем в XX веке. Демократическая же идея так или иначе включает в себе долю утопизма. В ней есть нечто мессианское, что и представляет опасность - даже большую, чем в предшествовавший период, так как вынуждает возвращаться к имперскому мышлению. Как это произошло, например, во времена Наполеона, или в вашей стране, приняв здесь советскую форму. Поэтому я бы сказал, что союз идеи государства-нации и демократической идеи особенно трудно осуществим еще и потому, что в народе живы воспоминания об имперском прошлом. И насколько я понимаю, именно это характеризует современную Россию, которая выходит из своего имперского состояния и стремится создать национальное государство.

Следовательно, когда мы говорим о государстве-нации, нам не следует забывать, что здесь всегда есть риск или грань перехода от положительного и необходимого, в чем выражается политическая воля сообщества людей, к идее имперского господства, к идее превосходства. Именно об этом свидетельствует опыт Европы на протяжении двух последних столетий. И нет оснований считать его устаревшим. Он не только не устарел, но продолжает сохранять свою актуальность.

* Фюре Франсуа, президент Фонда Сен-Симона, профессор.

Перед лицом этой опасности для современных демократических систем можно, однако, кое-что позаимствовать, видимо, из западного опыта. Как отметил Розанваллон, успех постнациональной идеи в Западной Европе есть успех “гомо экономикус”. Это успех Адама Смита, успех экономического либерализма. Строительство Западной Европы состоялось как строительство рынка, и это очень важно. Сегодня Западная Европа - это общий рынок, который позволил достичь невероятного прогресса в производстве благ и благополучии людей. Но эта конструкция страдает одновременно значительным политическим дефицитом. Мы не нашли пока решения, позволившего бы совместить торжество либеральной экономики с какой-то новой политической формой, которая отличалась бы от государства-нации или же его превосходила.

Когда наблюдаешь за тем, как функционирует то, что принято называть Общим рынком, то ясно видишь, что он представляет собой некую совокупность “крепко сколоченных институтов”, выполняющих преимущественно экономические или же судебные функции, поскольку для обеспечения его деятельности необходим хотя бы минимум юридического регулирования. У нас есть Совет министров, есть Комиссия ЕС в Брюсселе, есть Страсбургский парламент и Люксембургский суд. Но при этом нет никакого института, где бы нашли выражение такие вещи, как суверенитет или демократическая легитимность. То есть мы находимся как бы в промежуточном состоянии между Европой, обладающей экономическим суверенитетом, который опирается на юридическую базу и носит наднациональный характер, и Европой, которая так и не нашла политической формы, соответствующей ее экономике, некоего политического центра. И именно этим, я думаю, в значительной степени объясняется сопротивление, которое оказывается европейскому строительству со стороны населения наших стран, будь то во Франции, Великобритании, Германии, Испании или где-то еще. Это сопротивление юридической гомогенности наших обществ.

Что же касается ситуации в вашей стране, то в настоящее время сравнивать ее с европейской ситуацией, на мой взгляд, преждевременно, поскольку строительству Европы предшествовало появление устойчивой экономики. Сегодня, как я уже сказал, это Европа богатства и благополучия. Поэтому, позволив себе быть немножко марксистом, замечу, что для эволюции идеи нации должны быть созданы предварительно экономические условия, которых в настоящий момент в России не существует. И не просто не

существует, но их отсутствие усугубляется воспоминаниями о невероятной военной мощи, которой обладал режим, рухнувший в 1989-91 годах. В результате у меня складывается впечатление, что строительству национального государства в вашей стране постоянно угрожает имперская идея.

2 февраля 1994 г.

П.Аснер (Франция)*

У НАС ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Мне представляется, что европейцы и русские стоят сегодня перед дилеммами, способными привести к двум экстремальным решениям, не приемлемым ни с точки зрения России, ни с точки зрения Запада в целом. Например, существует идея об изоляции России, согласно которой именно сейчас наступил момент, когда можно реализовать на практике принцип, получивший еще в 50-е годы название “ролл-бэк” - вытеснение. Вместо того, чтобы проходить по Эльбе, считают его сторонники, граница НАТО должна быть как можно глубже отодвинута на Восток, оставив позади Восточную Европу, а то и нынешних соседей России, ранее входивших в состав Советского Союза. Таким образом Россия оказалась бы в изоляции. Это совпадает фактически с концепцией Киссинджера, которая мне лично представляется весьма вредной и не отвечающей ничьим интересам. Но вместе с тем, я не считаю, что мы можем согласиться и с тем, чтобы доверить самой России обеспечение безопасности ее соседей, что именно русским надлежит поддерживать стабильность в так называемом ближнем зарубежье.

Я полагаю, что как вы не можете согласиться с термином “империалистический”, поскольку утверждаете, что не хотите воссоздания империи, точно так же и едва ли ваши соседи могут согласиться с термином “ближнее зарубежье”, который подразумевает, что правила, применимые ко всем остальным иностранным государствам, на них не распространяются.

Все эти вещи не являются объективными понятиями, которые можно найти в словаре. Тут все зависит от политических намерений и от той власти, которая есть в распоряжении для их осуществления. На мой взгляд (и я полагаю, на взгляд большинства западных европейцев), не существует просто двух точек зрения. И точка зрения Запада, и точка зрения России, и точка зрения других стран могли бы в этой связи стать основой для нахождения действительного согласия - не только двухстороннего. Когда должны в равной мере учитываться как ваши опасения в отношении своих соседей, так и опасения последних в отношении России. Это трехстороннее взаимодействие.

* Аснер Пьер, профессор Сорбонны.

И я считаю, что равновесие тут может быть достигнуто путем сотрудничества и постепенной, но дифференцированной интеграции.

Со своей стороны я могу лишь заметить, что чем больше будет согласия между вами и вашими соседями, тем легче будет протекать процесс нашей интеграции, поскольку априори мы не можем рассматривать русских как противников, ни относиться к государствам Балтии или к Молдове, не говоря уже об Украине, как к странам, которые сами провоцируют проблемы и при этом не страдают из-за проблем, создаваемых их соседями.

Точно так же и Россия, на мой взгляд, стоит перед сходной дилеммой: решать ли ей в первую очередь проблемы так называемого ближнего зарубежья или отдать приоритет проблемам внутренним. Я понимаю, что вы не в состоянии сделать окончательный выбор. Поэтому хочу напомнить, даже если кому-то это и не понравится, что вся история России - это история несоответствия между вашими внутренними экономическими и военными ресурсами и той глобальной ролью, которую вы себе отводили. Ведь приоритет ближнему зарубежью предполагает оплату помощи, оказываемой, к примеру, Белоруссии с целью побудить ее к возвращению, оплату возможных вмешательств, а в случае возникновения беспорядков - и потерю доверия со стороны мировой экономики.

Однако для вас было бы крайне опасным замкнуться в себе, проявляя безразличие, в частности, к русскоязычным меньшинствам в других странах. Если вы не будете обращать на это внимание, то там тоже могут возникнуть беспорядки, уже не вызванные действиями русских. Таким образом, я делаю вывод, что и в этом вопросе мы расстались с теми романтическими представлениями, которые бытовали несколько лет назад, в эпоху Горбачева, когда российские коллеги - носители нового мышления - уверяли нас, что больше не существует национальных интересов, что Россия перестала быть великой державой и настало время заботиться только об общих интересах всей планеты. Это довольно несерьезно, и мы от этого избавились.

Но не следует впадать и в другую крайность, то есть в "романтику реализма", утверждая: "Мы являемся великой державой, у нас есть национальные интересы, и вам следует это учесть, иначе ответственность за последствия ляжет на вас". Надо понимать, что это сложная игра, которая предполагает участие многих партнеров. Имеет смысл предпринять усилия, чтобы создать новый мировой порядок, при котором проблемы, касаются они национальных

меньшинств или границ, приобрели бы многосторонний характер. И чтобы это не был порядок, подобный тому, который осуществляют США в Латинской Америке, делая там что угодно, или Франция в Африке. Необходимо, чтобы всему был придан вид сложного уравнения, в котором наши соседи составляют вашу периферию, но вместе с тем они составляют и нашу собственную периферию. Поскольку это тоже европейцы, и их судьба не может не интересоваться нас. Вот к этой игре влияний, где у нас с вами не обязательно будут совпадать интересы, но где ни вы, ни мы не заинтересованы в эскалации, нам и следует привыкать.

30 мая 1995 г.

О. фон Габленц
(Германия)*

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ

Как известно, во времена Гитлера большинство немцев идентифицировало себя с идеей Нации. Национальная идентичность стала единственно значимой, тогда как все прочие ее проявления, как, например, региональная принадлежность - баварец или мюнхенец - не шли с ней ни в какое сравнение. Она имела абсолютное преобладание, что привело к трагическим последствиям, с моей точки зрения, прежде всего в плане преодоления морального запрета на нарушение клятвы верности Гитлеру. Этот запрет сегодня трудно понять, но вплоть до 1945 года он реально препятствовал разрыванию в Германии антигитлеровского сопротивления. В частности, данный феномен сыграл свою роль при подавлении заговора против Гитлера 20 июля 1944 года.

В результате в восприятии других европейцев мы долгое время ассоциировались с определенными национальными чертами. Когда о человеке говорили, что он немец, то все другие европейцы считали, что могут правильно оценить его лишь на основе национальности, без учета его индивидуальных черт. Ясно, что такой подход к отдельно взятым людям совершенно неадекватен и несправедлив.

Итак, самоидентификация с нацией неизбежно приводит к идентификации всех представителей данной нации с определенными стереотипами. Мы, немцы, имеем большой опыт в плане восприятия нас другими европейцами в духе подобных стереотипов, поскольку идентифицировали себя с нашей нацией и национальным государством. Ведь людей оценивают прежде всего по тому, к какой нации они принадлежат.

После разгрома Германии многие задавались вопросом: каким образом и почему стало возможным превращение цивилизованной европейской нации в добычу гитлеровской идеологии? По этому поводу написано немало трудов. И большинство из них весьма интересны, так как содержат глубокое проникновение в психологию и

* фон Габленц Отто, посол Германии в России.

особенности авторитарного менталитета, однако, я думаю, что сегодня содержащиеся в них наблюдения принадлежат уже прошлому.

Когда много лет назад я учился в Англии, мои друзья по колледжу спрашивали меня: почему ты не похож на других немцев? Я выработал форму ответа, говоря им: я-то нормальный немец, а вот вам было бы лучше пересмотреть свои стереотипы.

Впоследствии, когда я стал послом в Голландии, у меня и моей жены появился близкий друг в этой стране. То была известная писательница немецко-еврейского происхождения Рената Рубинштейн. Она часто повторяла слова, выражавшие оценку немцев голландцами: “Конечно, все немцы просто ужасны, за исключением тех, кого ты знаешь лично”. Все это подводит нас к мысли о важности концепции национальной идентичности и о том, что она превращается порой в абсолютный критерий. В том числе и с точки зрения восприятия человека представителями других наций. Однако через 50 лет после войны национальная идентичность стала для немцев лишь одним из критериев их самооценки. Точно так же, как постепенно исчез и стереотипный образ “немца”, существовавший у французов, голландцев, англичан и др. В этом плане за последние 50 лет произошла весьма позитивная эволюция. Рассматривая сегодняшнего немца, я берусь утверждать, что он идентифицирует себя, как минимум, по четырем параметрам. Так, например, присутствующий здесь бывший министр экономики Баварии, уважаемый господин Ланг одновременно является мюнхенцем, баварцем, немцем и европейцем. Думаю, что в действительности именно в этом направлении эволюционировала самоидентификация большинства немцев, переставших воспринимать себя так, как это было характерно для самого мрачного периода германской истории. После войны освобождение от всепроникающего характера германской идентичности было для нас равнозначно ликвидации прокрустова ложа, деформировавшего наше самосознание. И в деле такого освобождения особую роль сыграла эволюция всей Европы, в основе которой лежала европейская интеграция. На практике она подвела немцев к убеждению в том, что концепция нации и национального государства имеет лишь относительную ценность. После войны и особенно после принятия плана Шумана в 1950 году мы осознали, что национальное государство слишком мало, чтобы решать большие вопросы, и слишком велико, чтобы решать малые. Ведь исторически национальные государства в Европе тяготели к тому, чтобы передать всю полноту власти центру, обрекая на прозябание местное и региональное развитие.

Между тем местное и региональное самоуправление - это важнейший элемент демократии. Чтобы управлять в условиях демократии, надо знать людей и их нужды, а избирателям - знать тех, кого они выбирают. То есть местные и региональные уровни власти являются основополагающим элементом демократии.

Одним словом, в современных условиях само понятие государственного суверенитета стало весьма относительным. Конечно, суверенитет остается понятием, закрепленным в Конституциях и в международных правовых нормах, однако сама жизнь все больше выхолащивает его содержание, поскольку становится все менее важно, кто является субъектом суверенитета. Сама концепция передачи все больших суверенных прав Европейскому Союзу, являвшаяся одним из основополагающих элементов европейского строительства, размывает понятие государственного суверенитета. Это понятие, суть которого сводится к тому, что монополия на власть принадлежит национальному государству, оказывается сегодня все более относительным.

В этом плане европейская интеграция имеет как бы две стороны: прежде всего речь идет о передаче части государственных полномочий на европейский уровень - в тех случаях, когда сами государства не могут решать вопросы (например, создание единого экономического пространства). И в то же время обнаружилось, что европейская интеграция содействует децентрализации национальных государств, так как она действительно способствовала возрождению европейских регионов. И мы, немцы, счастливы, что включились в европейскую интеграцию в качестве федеративного государства. Сегодня в Германии 16 федеральных земель, и каждая обладает большой автономией. Конечно, для политиков в Бонне и Берлине эта автономия создает дополнительные проблемы, но в конечном итоге это хорошо, поскольку мы на сбалансированной основе распределили властные полномочия между местными властями, властями земель и национальным правительством; и все больше таких полномочий делегируется одновременно на европейский уровень. Во всяком случае, все это привело к рационализации политической жизни Германии. Политика больше не воспринимается в качестве своего рода религии, как было прежде. Она стала объектом рационального анализа. Государство существует для того, чтобы выполнять определенные функции, и если оно не справляется, значит их надо передать какому-то другому институту. Таким образом, европейская интеграция привела в известной степени к реформированию наших политических институтов. Она привела к отказу от концепции,

абсолютизирующей национальное государство, а равно и от некоторых иных иррациональных политических концепций. Теперь мы смотрим на суверенное государство как на инструмент, а не как на самоцель.

Впрочем, такая эволюция осложнялась у нас послевоенными реалиями. Германия была разделена. Вставал вопрос: как быть с идеей национального единства? Я хорошо помню время конца 40-х - начала 50 годов, в ту пору я был студентом. Тогда идея национального единства была основной политической ценностью и целью. Тот, кто сомневался в этом, воспринимался как предатель. Однако за тот долгий срок, который мы прожили в разделенной Германии, мы осознали, что существуют и более важные задачи: интеграция Германии в ЕС, подъем экономики, построение демократического общества. Все это было куда важнее, чем повторять, словно заклинание: "Главное в нашей жизни - германское единство!" Прийти к этому было непросто, поскольку во всей Европе долгое время господствовало убеждение, что для страны, утратившей свое национальное единство, основной политической задачей является его восстановление. Лишь постепенно мы пришли к пониманию того, что германское единство не является абсолютным приоритетом политики. Ведь нормальный средний немец стремился прежде всего к хорошей жизни, к тому, чтобы получить возможность ездить в другие страны, к созиданию. Такие установки были куда более здравыми, чем традиционное стремление любой ценой возродить национальное единство.

А дальше имел место парадокс: как раз к тому моменту, когда среди нас распространилось спокойное отношение к теме национального единства, оно было достигнуто. Конечно, это произошло не благодаря нашим действиям, но в результате масштабных перемен в европейской политике, обусловленных деятельностью Горбачева и еще нескольких человек. Это привело к серьезным последствиям, с которыми мы в Германии и вы в России еще долго будем иметь дело. Но сразу встал вопрос, какова будет роль воссоединенной Германии в интегрированной Европе, поскольку за последние десятилетия она сильно изменилась. К тому же возникла необходимость передать нашим соотечественникам в Восточной Германии знания о том, чем в действительности является Европа. Передача этих знаний восточным немцам еще не закончилась. Процесс их приобщения к европейским реалиям продолжается. Однако отмечу, что вопреки моим оптимистическим прогнозам, сделанным

несколько лет назад, в Восточной Германии все еще остается сильным неприятие принадлежности Германии к ЕС. Я-то рассчитывал, что восточные немцы будут только рады своему участию в европейской интеграции. Ведь она гарантировала их от превращения в “колонию Западной Германии” (я цитирую распространенное высказывание). Однако мои прогнозы пока не оправдались. По этому поводу продолжают дискуссии, хотя я думаю, что со временем это неприятие все же исчезнет.

А теперь о роли объединенной Германии за рубежом, о чем также идет дискуссия. Во всяком случае здесь, в России, пару недель назад я прочел весьма содержательную, но странную статью, автором которой является Пушкин, возможно, вы с ней знакомы. Его статья выдержана в прогерманском духе. Она называется “Великие нации никогда не умирают и не сдаются”. В этой статье утверждается, что немцы, став большой нацией, насчитывающей 80 млн человек, превращаются в важнейшего партнера России и возвращаются к испытанной старой политике национальных государственных интересов. Я с удовольствием прочел эту статью, написанную великолепным языком, но сразу же задал себе вопрос: о какой, собственно, стране пишет этот журналист? Ведь то, что в ней написано, не соответствует настроениям немцев, а равно и реалиям германской политической жизни. Рассуждая о Германии, нельзя вырывать ее из контекста европейской интеграции. Я совершенно уверен в том, что немцы не будут ставить под вопрос место и роль, обретенные Германией в Европе. Моя уверенность базируется на трех аргументах. Во-первых, мы вовсе не стремимся вновь обрести абсолютную независимость с присущими ей опасностями. Во-вторых, ЕС в ситуации, когда в 1990 г. встал вопрос о воссоединении Германии, быстро и однозначно приняло решение о своем отношении к этому воссоединению. В этой связи я должен особо отметить важную роль Ж.Делора. За девять месяцев до того, как произошло воссоединение, Делор сказал, что Восточная Германия автоматически станет частью Европейского Сообщества. И эта позиция нам очень помогла. Затем лидеры европейских государств собрались, чтобы решить: что нужно предпринять, чтобы не возникли былые страхи перед слишком сильной Германией. Результатом этого беспокойства стало заключение Маастрихтского договора. Думаю, что в исторической перспективе Маастрихт стал ответом Европейского Сообщества на вызов германского воссоединения.

Все вы знаете, что Маастрихт породил множество споров. Они показали, что старая приверженность идее национальной идентичности еще очень сильна в Европе. Национальные чувства действительно являлись и являются препятствием на пути европейской интеграции. Но в любом случае все немцы знают сегодня, что Германия - неотъемлемая часть Европейского Союза (именно так после Маастрихта стало именоваться Европейское Сообщество), и я убежден в том, что немцы более не испытывают эмоциональной потребности и желания превратить свою страну в абсолютно независимую державу. Ведь за последние 40 лет германское общество глубоко трансформировалось. Все молодые люди, стремящиеся обеспечить свое будущее в любой из сфер, будь то бизнес, государственная служба, международные организации, должны получить европейскую образовательную подготовку. Этому способствует растущая студенческая мобильность внутри ЕС; тем самым, создается новый тип европейца, способного жить и работать в современном обществе, не изолируя себя в границах национального государства. Этот новый тип людей называют "транснациональной элитой". Они все больше включаются в руководство нашей жизнью и никогда не согласятся на возврат к политике национальной изоляции. Также, как они никогда не примут идеологию, провозглашающую приоритет национального величия и принцип полного государственного суверенитета.

И, наконец, мой последний аргумент. Даже если какой-нибудь политический безумец в Германии решит вывести страну из ЕС, порвав тысячи связей между нею и Европой, он никогда не сможет этого сделать. Ибо за последние сорок лет в Германии произошла гигантская диффузия власти. Часть властных полномочий отошла к Брюсселю, часть сохранилась в руках национального центра, весьма серьезные полномочия отошли к правительствам земель и, наконец, существенные полномочия получили власти на местах. Поэтому если некий политик попытается использовать идею германского национализма, чтобы оторвать Германию от ЕС, ему придется разрушить всю сложившуюся в стране систему уровней власти, что нанесет тяжелый удар по германскому обществу и его интересам, а стало быть, само общество этого не допустит.

Отмечу вскользь, что, конечно, сознание людей отстает от реалий политической жизни. Изучение общественного мнения показывает, что рядовые люди чаще всего идентифицируют себя со своей нацией. Примеры этому мы видим в Великобритании, во Франции и

других странах, однако это не противоречит тем реальным сдвигам, которые я описал.

Суверенное государство больше не является единственным организующим центром политической жизни. Именно европейская интеграция вынудила нашу политическую структуру приспособиться к потребностям современного развития.

Надеюсь, мне удалось заронить кое-какие сомнения в отношении концепции национальной идентичности. Думаю, что такие сомнения могут иметь положительное значение и для вас, так как я уверен, что можно существовать и работать в системе политических институтов, действующих как на нижних уровнях властных полномочий, так и на более высоком, чем национальное государство, уровне. Эта гибкая система политических институтов, как показывает опыт европейской интеграции, намного лучше приспособлена к реалиям современной жизни, чем жесткая структура национального государства, отстаивающего исключительность своего суверенитета.

Таков наш европейский опыт, и он объясняет успех и сохраняющуюся привлекательность ЕС для других стран, в том числе, возможно, и для России.

Что касается России, то здесь я ограничусь тем, что затрону несколько вопросов. Мой интерес к России - это интерес типичного западноевропейца, живущего здесь в течение последних двух лет, на протяжении которых я с озабоченностью и вниманием наблюдал за политическими процессами и дискуссиями.

Первый вопрос - традиции. Мы понимаем, что российские традиции отличаются от наших, западноевропейских. Они основываются на ином историческом опыте. Масштабы проблем, стоящих сегодня перед Россией, намного больше, чем те, которые пришлось решать Западной Европе, так что наш опыт здесь может оказаться неадекватным. В этой связи мой вопрос к российским друзьям сводится к следующему: чтобы преодолеть эти проблемы, к чему вы намереваетесь апеллировать, чтобы увлечь за собой людей, внушить им чувство ответственности за общее благо и за выбор правильной политики? Ведь апелляция только к национальному принципу вряд ли решит их. Мой второй вопрос: несомненно, Россия - очень большая страна. Она велика не только своими размерами, не только обилием природных ресурсов, но и богатством в сфере интеллектуальных ресурсов. Это гигантский "человеческий капитал", как его называют экономисты. Сегодня вам предстоит определить свое место в мире в качестве полностью независимой мировой державы,

сравнимой по своей мощи лишь с США. Однако в течение достаточно длительного времени вам предстоит быть фрустрированной мировой державой. Не кажется ли вам такая перспектива неблагоприятной?

Мой третий вопрос: я чувствую, что Россия испытывает насущную потребность определить свое место в мире и прежде всего, в отношениях с Западной Европой уже в ближайшем будущем. Подход России к отношениям с ЕС является одним из базовых элементов, который нам, западноевропейцам, необходимо учесть, чтобы понять, какой тип сотрудничества с Россией мы создаем. Поэтому я думаю, что следовало бы организовать серьезную дискуссию между Россией, с одной стороны, и странами-членами ЕС, с другой, чтобы лучше понять направленность европейской политики России. Готовы ли вы к этому? Учитывая, что уже сегодня внешняя торговля России примерно на 50 процентов ориентирована на страны ЕС. Ведь Россия и ЕС расположены на одном континенте, у них единые транспортные и коммуникационные системы, газо- и нефтепроводы и т.д. Такая взаимозависимость превращается в важный элемент будущего партнерства. В долгосрочном плане развитие такого партнерства может привести к появлению совместных институтов. Итак, какова все же роль России в современном мире?

ДИСКУССИЯ

Е.Немировская. - Спасибо, господин посол. Мне хочется повторить давно уже существующее мнение: иногда полезно быть побежденными, чтобы нация могла собраться, задуматься. Во всяком случае, опыт Германии это подтверждает.

Господин посол, здесь сидят члены российского парламента и депутаты региональных парламентов, а также работники региональной администрации. Это все молодые люди, они занимаются конкретными вещами, участвуют в разработке и принятии законов своей страны. Поэтому я хотела бы вместе с вами обратиться к ним. С какими национальными интересами вы отождествляете свою деятельность? Приглашаю всех к дискуссии.

Л.Мишустина, депутат Государственной Думы, г.Екатеринбург. - У меня скорее ремарка по поводу тех вопросов, что были поставлены. Действительно, Россия сегодня ищет свое место в мире и свое место в Европе. И что меня очень тревожит, и как гражданина и как депутата, - это подъем национальной идеологии. Но я думаю, что политикам трудно удержаться от того, чтобы не задеть эту тонкую струну.

Почему? Потому что осознание так называемой державности, тяга к ней определяются не столько ностальгией по прошлым временам, сколько тем, что людям пришлось пережить унижение, когда в самом начале девяностых годов мы стояли практически с протянутой рукой и ждали помощи. И вот эта метка униженности осталась. Это наша реальность. Все это как бы свалилось нам на голову, когда мир вдруг открылся и оказалось, что люди, которые никогда не бывали за рубежом, а это почти 99 процентов населения, внезапно поняли, что уровень их жизни далек от идеала. И вот этот шок, который все переживали, а сейчас немножко отошли от него, обычно и толкает человека, который определенное время был в состоянии униженности, и, прежде всего политика, к тому, чтобы что-то сделать для своей реабилитации. Мне кажется, что сегодня этот психологический аспект имеет первостепенное значение в той проблеме, которую мы обсуждаем, и о которой вы блестяще говорили. Поэтому здесь очень сложно дать какой-то рецепт. Но я лично тоже считаю, что гораздо важнее в этой связи, чтобы в России появились, наконец, более просвещенные политики. Момент просвещенности, по-моему, это главное.

С. Гинзбург. - Уважаемый господин посол, прежде всего, я хочу поблагодарить вас от имени администрации Калининградской области за серию глубоких интервью с вами, которые появились в нашей региональной прессе. А теперь по поводу поставленных проблем. Я бы сказал, что нас, таких разных - представителей разных национальностей, конфессий, политических воззрений и т.д., - может объединить идея становления России как Общего Дома. И в связи с этим два коротких вопроса. Первый - в развитие тезиса госпожи Немировской: известно, что в Германии ясно просматривается приоритет прав личности, огромное внимание уделяется человеческому достоинству. Как вы считаете, это результат эволюционного процесса или реакция на тоталитарное прошлое? И второй вопрос: вы сказали о самостоятельности земель, но мы знаем, что в основе германского федерализма лежит принцип солидарности, когда сильные помогают слабым или тем, кто оказался в трудной ситуации. Нет ли здесь какого-то противоречия?

О. фон Габленц. - Во-первых, относительно того, что сказала госпожа Мишустина. Я думаю, вы прекрасно охарактеризовали те чувства, которые испытывают люди, живущие в России. У русских действительно очень развито чувство достоинства, гордости, как, впрочем, и у нас. Но из униженности национального чувства не

следует делать трагедии. Я говорю это на основании собственного опыта и уверен, что все политики в моей стране смотрят на эту проблему точно так же.

Да, как заметила Лена Немировская, реформировать общество в Германии было проще, так как нашим исходным пунктом было полное поражение. В течение первых 5-6 лет после поражения в Германии существовала оккупационная администрация. (Вообще оккупация продолжалась дольше, но настоящая оккупация длилась примерно пять лет.) За это время многие вопросы, которые нам не удалось бы решить самостоятельно, были разрешены оккупационной администрацией. Таково было наше стартовое преимущество. Вам же в России предстоит решать все ваши проблемы самостоятельно. Возможно, вам поможет в этом понимание и партнерство других стран, но не их вмешательство. И, во-вторых: действительно, и в нашей Конституции, и в самой судебной системе сделан особый упор на права человека, что связано с отмежеванием от опыта нацистской Германии. Наша Конституция составлялась с учетом краха Веймарской Конституции в 1933 году. Короче, германский Основной закон, который сегодня многие ставят под сомнение в плане его адекватности реалиям воссоединенной Германии, все же является, я считаю, одной из лучших Конституций в истории. И это не случайно: просто нам удалось извлечь уроки из нашего печального прошлого.

Что же касается суверенности различных германских земель и их взаимной солидарности, то замечу, что два этих принципа не обязательно противоречат друг другу. У нас существует финансовая система, обеспечивающая выравнивание экономических условий в разных землях посредством трансферта финансовых ресурсов из богатых земель в бедные. Иногда эта система работает с перебоями, существуют проблемы, но их решает наделенный большой властью Конституционный суд, который в принципе обязан улаживать спорные вопросы в отношениях между различными землями и федеральной властью.

Е.Немировская. - О реакции на прошлое. Я думаю, что тех уроков, о которых говорил господин посол, мы пока так и не извлекли. И в этом состоит трагедия. Потому что не понятое прошлое всегда имеет шанс возвратиться. Не проясненное прошлое, не отторгнутое внутренне, всегда возвращается. Поэтому я и хочу обратиться к вам, господа депутаты: помните об этом! Подобные вещи повторяются. У меня тоже нет рецептов, но мы должны думать об этом.

Н.Бикалова, депутат Государственной Думы, г.Чебоксары. - Я думаю, что знаю Германию, у меня была подруга Рената Вагнер, когда я была студенткой, и мы жили с ней в общежитии в Ленинграде в одной комнате. Поэтому я знаю, что такое немецкий характер. А что касается уроков войны, то, конечно, это страшная история. Например, мой дед погиб на фронте под Ржевом. Я депутат от Чувашии; в Чувашии у нас открыт памятник немцам, которые погибли на моей родине. В России сейчас это не редкость. Но речь идет о том, как воспринимать уроки истории. Особенно после победы партии Жириновского на прошлых выборах. В средствах массовой информации ее часто связывают с приходом в свое время к власти фашистов. Так что проблема уроков действительно актуальна. Я согласна с этим.

А.Согомонов. - Но удивительно, что немцы при этом всегда хорошо работали. При любом политическом режиме. Удивительная нация! Как вы думаете, господин посол, во имя чего? Чтобы завоевать мир? Или это заложено в психологии народа?

О. фон Габленц. - Я согласен с тем, что вы сказали, но с одной оговоркой, а именно: я не готов согласиться с тем, что немцы могут работать при любом политическом режиме. За последние 40 лет произошли значительные изменения, немцы больше так не работают. Мне кажется, мы держим абсолютный рекорд по числу праздников и нерабочих дней, а когда нужны настоящие, готовые с полной отдачей трудиться, работники, приглашаем итальянцев, югославов, турков, если хотите. Мы уже потеряли свою репутацию самой трудолюбивой нации, которая была у нас в прошлые века. Журнал "Экономист" опубликовал недавно серию очень интересных статей - госпожа Ширли Уильямс, безусловно, их знает, - в которых рассматривалось, насколько устоявшиеся клише, пришедшие к нам из прошлого, перестали соответствовать новым реальностям. Насколько перестали действовать старые традиции отношения к труду, семье, к смерти и т.д. в разных нациях. Оказалось, что сейчас итальянцы стали гораздо больше похожи на немцев прошлого века, т.е. стали в гораздо большей степени немцами, а немцы стали скорее испанцами, и это хорошо. Хорошо потому, что это означает, что мы движемся по направлению к новому миру, к созданию мультикультурного общества. Но чтобы жить в таком обществе, люди должны выработать в себе толерантность, которой у нас, немцев, сейчас еще, видимо, недостаточно. То есть я хочу сказать, что у нас тоже остались свои проблемы. В докладе я о них не говорил, я говорил скорее о тех

переменах, которые произошли с нацией. Но это закон истории: если ты решаешь одну проблему, на ее месте немедленно появляются другие.

В.Семин, депутат городской думы, г.Екатеринбург. - Господин посол, благодаря политическому такту вы не позволили моему коллеге Согомонову заявить, что российский народ стремится не работать при любом политическом режиме. Мне бы хотелось переключить наше обсуждение в несколько другую плоскость. Политика - это, безусловно, концентрированное выражение экономики. Мой город Екатеринбург имеет давние связи с Германией. И мне хотелось бы надеяться, что они будут укрепляться, поскольку я не рассматриваю традиционное трудолюбие немецкого народа как некую самоцель и считаю, что немец будет работать лишь в том случае, если он понимает, что его действия рациональны. А вопрос у меня такой. У нас только что прошло празднование 50-летия Победы, и как вы, очевидно, знаете, обсуждается идея памятника немецким солдатам. И еще - в связи с проблемой национальной самоидентификации: что такое в наши дни поволжские немцы?

О. фон Габленц. - Меньше всего я хотел бы говорить о том, что национальная самоидентификация не может быть важным элементом нашей жизни. Но я хотел бы, чтобы этому чувству было отведено достойное место, а это значит, что в современном мире оно может быть лишь одним из элементов видения мира. Это один из элементов, определяющих политическую структуру государства и наше политическое мышление. Поэтому, что касается 50-й годовщины Победы и тех проблем, которые возникли в связи с предложением поставить памятник немецким солдатам, то я думаю, что эти проблемы со временем разрешатся. Мы в Германии иногда тоже сталкиваемся с аналогичными проблемами: люди, которые должны смотреть за памятниками, за кладбищами тоже иногда придерживаются точки зрения на национальную идентичность и ее роль в сознании граждан, отличной от той, которой придерживаются правительства. У нас идет постоянное обсуждение этих вопросов точно так же, как и у вас, но есть одна большая разница. Дело в том, что мы нашли свое место в Европе, а Россия еще до сих пор это место ищет. И в этой связи о российских, поволжских немцах. Прежде всего, я хочу сказать, что здесь нужно уточнить понятие национальности. Для нас в Европе понятие национальности всегда применялось к народу, компактно проживавшему на ограниченной территории, временами разделяя эту территорию с соседними народами, и это было основным прин-

ципом, на котором создавались национальные государства. У вас в России русские и немцы живут бок о бок уже больше двухсот лет. Это уже несколько другой подход к проблеме. Как я понимаю, это российские граждане немецкого происхождения. Разумеется, мы знаем о том, какие проблемы возникают в связи с предложением восстановить Волжскую республику. Что на этом пути есть много проблем, несмотря на то, что несколько лет назад были подписаны важные документы. Но если говорить честно, то я лично не верю в восстановление Волжской республики. И поэтому делаю такой вывод: я бы хотел, чтобы российские немцы максимально использовали те возможности, которые им дает право гражданства России. То есть будущее российских немцев мне лично видится как возникновение некоего сообщества людей, которые, оставаясь российскими гражданами, будут иметь особые связи с Германией - это немецкая точка зрения - с германской культурой, но жить в разных частях России. Это было бы идеальным вариантом российско-германских отношений в будущем. Но, скорее, это просто мечта, поскольку много российских немцев пользуется предоставленной им возможностью и эмигрируют в Германию. Я не стал бы здесь употреблять термин "возвращаются" - они именно эмигрируют, поскольку их прапрадеды приехали в Россию более двухсот лет назад. Я обсуждал этот вопрос с самыми разными людьми в России. Последний раз, две недели назад, мы разговаривали на эту тему в Красноярске, там была очень интересная дискуссия. И мы пришли к выводу, что дальнейшее отношение российских немцев к перспективе эмиграции будет во многом зависеть от успехов российской экономики и от того, будут ли у них шансы успешно интегрироваться в эту экономику, получать хорошее университетское образование и иметь возможность войти в состав интеллектуальной профессорской элиты этой страны.

Г. Горфинкель. - Господин посол, ваш необыкновенно интересный доклад еще раз наводит на мысль, что традиционно в немецком и русском национальном самосознании существовали общие черты. Какова, на ваш взгляд, сегодняшняя специфика российского и германского менталитета?

О. фон Габленц. - Мне кажется, что касается Германии, то во многом она является результатом послевоенного периода развития и в значительной степени связана с фактом раздела страны на два государства. Но акцент я бы сделал все же на том, что впервые за все время своей истории немцы стали частью западноевропейской исторической традиции. Мы впервые повернулись на запад - к Вели-

кобритании, Франции, Америке, и мне кажется, что воссоединение Германии не нарушило этой тенденции, так как, если уж говорить честно, Восточная Германия не смогла создать своей национальной идентичности, которая охватила бы сознание ее граждан. Мы были поражены тем, с какой легкостью Восточная Германия исчезла как государство, как быстро исчезли традиции, которые пытались в ней сформировать. Конечно, это не исключает того, что многие жители Восточной Германии испытывают сейчас ностальгию, тоскуют по прошлому, и это порождает сложные психологические проблемы, но в целом Германия уже вошла в русло западноевропейской традиции. И у меня есть такое чувство, что и поляки, и венгры, и чехи - все стремятся сегодня стать частью этой традиции, так как практически исчезает разделение на Восточную и Западную Европу. Что же касается России, то, безусловно, право выбора здесь остается за русскими, хотя, как наблюдатель, могу заметить, что и ей пора, видимо, тоже стать частью современного мира, потому что она слишком долго находилась в изоляции. Россия развила мощнейший собственный потенциал в этот период, и ее задача теперь этот потенциал сохранить и использовать на путях интеграции с западным миром. Я недостаточно знаю о российских традициях, но я думаю, что главная традиция - противопоставление себя Западу - не помогала ее переходу к современному обществу. Евразийские идеи, что бы это ни значило, как и любые другие не должны мешать России в выработке национального самосознания, которое не противоречило бы требованиям современного мира. Во всяком случае, я рассчитываю в этом отношении на ваши существующие европейские традиции, которые могут помочь модернизировать вашу страну. И таким образом вы сможете прийти к тесному сотрудничеству с Европейским Союзом.

Д.Негреев, советник главы Администрации Алтайского края. - По поводу национальной идеи. При всей привлекательности этой идеи для определенной части российского общества, я думаю, она не сможет овладеть умами большинства политиков, поскольку ее эксплуатация в современной политике - вещь хотя и весьма продуктивная, но опасная для самих политиков.

С.Неганов, советник главы Администрации, г.Пермь. - Не могли бы вы более подробно рассказать об исторических корнях современных российско-германских отношений?

О. фон Габленц. - Я думаю, что связи России с Германией всегда были более тесными, чем с другими европейскими странами.

Отношения между русскими и немцами до 1941 года... Я всегда задаю себе вопрос, действительно ли они были такими важными, как нам представляется? У меня такое ощущение, что это уже вопрос истории. Скорее так было до начала первой мировой войны, когда многие немцы, приехавшие в вашу страну еще в годы правления Петра I, помогали российским монархам управлять государством, управлять армией, занимали важные посты в администрации. Они продолжали приезжать в Россию вплоть до конца XIX века. Многие первые российские предприниматели были немцами по происхождению. Это известно и, безусловно, очень важно, но потом процесс прервался. В 1917 году у нас сложились весьма специфические отношения, Рапалльский договор - один из примеров тому. Это были отношения двух парий в мировой политике, изгоев, пытавшихся достичь вполне конкретных целей. И на этом фоне сформировались довольно сложные отношения, высшей точкой которых стал Пакт Молотова-Риббентропа и все прочие, сопутствующие вещи.

Поэтому я думаю, что по большому счету, с учетом всех старых традиций российско-германского сотрудничества, перспективы этого сотрудничества нам все-таки стоит пересмотреть уже с новой точки зрения, так как суть наших отношений сейчас определяется совсем не теми замечательными традициями, о которых мы всегда с таким удовольствием вспоминаем в наших официальных речах. Сегодня российско-германские отношения могут развиваться и развиваются на основе взаимных интересов и личного опыта. Что касается взаимных интересов... Мы стали страной с населением в 80 миллионов человек, расположенной в самом центре Европы, или в том месте, которое считается центром Европы. И по опыту чувствуем, что находимся немножко ближе к России, чем другие страны; мы немножко лучше знаем вашу страну, и поэтому лучше понимаем, чем наши европейские партнеры, что главные проблемы европейского континента невозможно разрешить без сотрудничества с Россией, и уж тем более их нельзя разрешить в конфронтации с Россией. Вопрос европейской безопасности, как и вопросы нашего дальнейшего экономического развития во многом зависят в настоящее время от развития энергетической инфраструктуры, транспорта и многих других вещей. По всем этим вопросам Германия особенно тесно связана с Россией. Правда, у нас неоднозначное впечатление от опыта отношений с вами в послевоенный период, когда часть Германии была оккупирована. Об этом остались не самые приятные воспоминания. Но я думаю, что российские политики в последние годы

внесли огромный вклад в то, чтобы забыть этот тяжелый период и помочь Германии обратиться в будущее. Вывод российских войск из Германии прошел в исключительно достойной манере, и мы благодарны российскому правительству за то, как была перевернута последняя страница в этой весьма непростой главе исторического развития.

Хочу упомянуть еще об одном моменте, который мне представляется очень важным. В отличие от того, что обычно утверждают многие мои коллеги, у меня сложилось впечатление, что несмотря на все страшные потери, понесенные Россией во второй мировой войне, в российском народе нет укоренившихся антигерманских настроений. Это совершенно поразительно, если учесть, насколько они еще сильны в Америке, Великобритании и Голландии, с которыми сегодня мы сотрудничаем гораздо более тесно. Здесь же я не вижу глубоких антигерманских настроений. И часто спрашиваю русских друзей, почему так могло получиться? И я думаю, что это и есть тот важнейший вклад России, который сделали простые русские граждане в создание новой Европы, в которой мы будем свободны от политических клише. Это очень важно. И именно это заставляет нас, немцев, считать, что мы ближе к России, чем другие страны-члены Европейского Союза. И очевидно поэтому мы более позитивно относимся к перспективе включения российского опыта в современный мир. Именно на этом я хотел бы строить российско-германские отношения сегодняшнего дня, а не на прошлом историческом опыте, который насильственно прерывался несколько раз.

РОССИЯ, ЕВРОПА И ПРОСВЕЩЕНИЕ

*Земля у нас богата,
Порядка в ней лишь нет.*

А.К.Толстой

Пожалуй, взаимоотношения России и Европы лучше всего рассматривать на примере того влияния, которое оказало на них Просвещение.

На Западе Просвещению предшествовали средневековый конфликт между церковью и государством, Возрождение, Реформация. Всего этого почти или совсем не было в России. Возможно, суть дела в том, что Византия направляла на Запад своих ученых, а на Север - политическую теологию. Таким образом, государство и церковь не ограничивали друг друга через взаимную конфронтацию, не было альтернативной системы норм, возникшей до официального Откровения, и почти не было критики, обращенной против церкви, но опирающейся на ее собственные авторитетные тексты.

Но, с другой стороны, Просвещение все же оказало весьма широкое и сильное влияние на Россию. Но оно взаимодействовало с традиционным порядком вещей, не слишком изменившимся под воздействием внутреннего брожения. Вряд ли стоит придавать большую важность тому обстоятельству, что для России Просвещение первоначально означало не столько перспективу освобождения человека, сколько рецепт модернизации государства. Подобные соображения не были чужды и Западу. Французское просвещение было не просто реакцией нового светского знания на религиозный и политический абсолютизм, но также и реакцией на нечто более конкретное: слабость собственной страны. Почему англичане и голландцы богаче, свободнее и даже боеспособнее нас, французов? Французские философы-просветители вполне могли бы говорить о “нозернизации”, в том смысле, в каком сейчас говорят о “вестернизации”. Таким образом, идеи Просвещения отчасти были молчаливой или

даже явной попыткой *gattfrage* (наверстывания), скорее способом решения проблемы отсталости, нежели общим стремлением к освобождению человека от суеверия и угнетения, к приобщению его к Разуму и Природе. Тогда, как и позже, эти два аспекта четко не разделялись.

И все же существенные различия имелись. На Западе наличествовали обе составляющие, в России же в то время *gattfrage* явно преобладал. Екатерина, конечно, стремилась освободить свой дух, общаясь с французскими философами, но по отношению к крестьянам она делала прямо противоположное: укрепление государства предполагало завоевание преданности нового служилого дворянства, а достичь этого удалось, усилив его власть над крестьянством. Так что Просвещение здесь, как и в других Центрально- и Восточно-европейских империях, проявилось первоначально как централизуемая, а не освобождающая сила.

По своей политической направленности Просвещение, по существу, было двусмысленным, и от этой двусмысленности ему так и не суждено было избавиться. С одной стороны, размывая и высмеивая все прежние трансцендентальные основы веры и иерархии, оно подрывало авторитет самозванных представителей Высшего порядка, и в результате носителем верховной власти оказывался сам человек с его мирскими интересами. В этом смысле Просвещение - на стороне свободы и равенства. С другой стороны, рациональность, которую оно восхваляло, предполагала, что эксперты пользуются авторитетом, а их планы выполняются. В частности, в условиях отсталости, когда *gattfrage* важнее всего, существовала вероятность, что возобладает этот авторитарно-технократический подход (в противном случае существовала и существует опасность сползания к хаосу). Такой сын Просвещения, как Джон Стюарт Милль, которого принято считать воплощением либерализма, видел в отсталости некую чрезвычайную ситуацию, которая делает оправданной передачу всей власти модернизатору. Милль открыто высказывал эту точку зрения - в более или менее похожих выражениях.

Существуют, разумеется, утонченные попытки сочетать эти два принципа: авторитарные эксперты изображаются просто проводниками народной воли, которая еще неспособна принять сознательную или отчетливую форму. Идея партии-авангарда была не только эскизом политического инструмента, но и решением янусообразной, двуликой природы Просвещения. В Турции кемалистская институционализация армии в качестве гаранта революции стала

менее формально разработанным ответом на тот же вопрос: армия гарантирует осуществление выраженной на выборах народной воли, но при этом армия “поправляет” ее в тех случаях, когда та отстывает от основных принципов Революции и тем самым обнаруживает свою незрелость. Но мы несколько забежали вперед...

Итак, для Восточной Европы Просвещение означало прежде всего централизацию и укрепление государственной власти. Вот тут-то все и начинается. основополагающие тексты Просвещения не различают “авторитарно-технократический” и “либеральный” аспекты, но представляют их как единое целое. Не было никакой возможности выпустить восточноевропейское издание, специально отредактированное для Фридриха, Иосифа и Екатерины, которое помогло бы им реформировать их владения ради увеличения доходов и укрепления обороноспособности, и при этом никого не заразить подрывными мыслями. В этом вся штука: как модернизировать армию, не фабрикуя декабристов?

Те классы, которые порождал стремящийся к централизации - и вследствие этого, к вестернизации, - режим, оказывались под влиянием другой стороны Просвещения - его либеральных, эгалитаристских, светских и гуманитарных элементов. Это, кстати, породило один из наиболее привлекательных аспектов русской культуры: глубокую, непреходящую, горько-сладкую любовь интеллигенции к ценностям Просвещения. Русская душа, в той форме, в какой ее запечатлела и породила русская литература XIX столетия и в какой она стала известна в переводах всему миру, есть душа интеллигенции, разрывающейся между Западом и народничеством, между разумом и национальной религией. Предмет монологов, которые чеховские персонажи произносят на своих дачах, - не условия человеческого существования как таковые, а особое тоскливое сочетание либеральных ценностей, политического бессилия и социальной вины.

Противоборство западничества и народничества - характерная, но не единственно возможная реакция на отсталость. Другой возможностью стала прусско-японская модель, когда единая элита берет на себя задачу модернизации и привлекает интеллигенцию как достаточно послушный коллектив помощников. Российская модель, в которой политическая элита, как правило, терпит крах, а интеллигенция терзается и творит, неоднократно воспроизводилась на просторах Восточной Европы, хотя, пожалуй, нигде с такой же силой, как в России.

Но вернемся к истории Просвещения, к тому, как воплощалась в жизнь его программа. На Западе оно потерпело крах в своей первоначальной форме. Сначала оно привело к террору, затем к наполеоновской диктатуре и, наконец, к Реставрации. В культуре оно породило реакцию в виде романтизма: присущий Просвещению культ всеобщего и рационального сменился противоположными увлечениями, вкусом к своеобразному (в культуре) и чувственному. В политике это означало национализм: рациональная всеобщая любовь сменилась эмоциональной страстью, направленной на свой особый предмет в ущерб всему остальному миру. Когда темные божества романтиков получают поддержку со стороны высочайших научных авторитетов, со стороны дарвинистов от биологии, когда формируется убеждение, что отличающиеся культурным своеобразием общности представляют собой еще и своего рода генофонд и что по соображениям расовой гигиены им надлежит быть конкурентно-способными и безжалостными, дело начинает принимать дурной оборот.

Но Просвещение имело и свое “второе издание”, вызванное глубокой переоценкой недостатков первого, которые привели ко всем напастям. По замыслу своих создателей, новый вариант должен был быть застрахован от этих недостатков. С их точки зрения, “первое издание” потерпело поражение, поскольку игнорировало все социальные затруднения, с которыми должно было столкнуться прямолинейное осуществление программы Разума.

“Второе издание”, то есть марксизм, много заимствовало у консервативных критиков Французской революции. Но марксисты пришли к прямо противоположному заключению. Существовавшие препятствия были препятствиями лишь в поверхностном или временном смысле: в более глубоком смысле они были лишь орудиями глубокой и коварной Хитрости Разума и служили ее планам. В конечном счете этот план будет выполнен и даст более полное удовлетворение самым заветным человеческим чаяниям, чем кто-либо мог надеяться.

В этом была фатальная привлекательность марксизма. Он был одновременно завершением и отрицанием Просвещения, поистине *Aufhebung* - снятием, в гегелевском смысле; он удовлетворял и классическим стремлениям, и романтическим порывам, обещая как рациональный порядок, так и эмоциональную непосредственность. Всегда рискованно утверждать, что то, что произошло, и должно было произойти, но похоже, что марксизм пришелся как раз “по мерке”

русской душе и ее чаяниям. Он обещал раз и навсегда удовлетворить два представляющихся несовместимыми стремления - к полному моральному совершенству и к социально-экономическому “выравниванию” с Западом. Те, кто будут обладать плодами марксистского откровения, в конечном счете окажутся морально чище и зажиточнее, чем их противники, - завидное условие.

Первоначально Маркс рассматривал свою доктрину как рецепт для германского *rattrapage*. Он советовал немцам не тратить свое время и энергию на попытки догнать британскую и французскую буржуазию - по его мысли, это дело безнадежное, - а сразу прыгнуть на следующую стадию, соединив его философию с экономической мыслью Англии и политическими учениями Франции. Немцы в его советах не нуждались, и, вдохновленные Фридрихом Листом и под водительством Бисмарка, сделали то, что Маркс считал невозможным. Но русские как раз вняли совету, первоначально предназначенному для немцев. Марксизм обещал найти такой способ управления индустриальным обществом, который исцелил бы моральные недостатки раннего индустриализма и в то же время превзошел бы его по объему производства. Первоначально русские намеревались сделать это только в сотрудничестве с революционерами других стран, но когда Запад не воспользовался своим шансом, а революция, к некоторому удивлению своего вождя, выжила самостоятельно, она некоторым образом приобрела новое и привилегированное Отечество. Мы гордимся, говорил Ленин, что это впервые случилось именно у нас. Итак, Россия в конце концов действительно оказалась Третьим Римом. Светский мессианизм вытеснил религиозный.

Вышло так, что это оказалось страшной ловушкой. Ни одному из двух великих обетов марксизма не суждено было осуществиться. Совсем наоборот. Обещанное марксизмом моральное совершенство на практике привело к одной из самых отвратительных тираний за всю историю человечества, а затем, после исправления “ошибок” и “деформаций” - к жалкому, убогому, прогнившему, нудному и бесплодному застою. Что же касается попыток перегнуть кого-либо, то к 1980 году всем стало ясно, что они были лишь рецептом для постоянной и еще большей отсталости. К тому времени стало также ясно, что перегнуть Запад, при всем его первоначальном преимуществе в индустриализации, вполне возможно, но только если за дело берутся не марксисты.

Итак, “второе издание” Просвещения, с которым русские в течение некоторого времени отождествляли себя, придав светский

характер своим мессианским наклонностям, не сработало. Возвращаемся к исходной точке. “Ну, что делать?” Действительно, что? Требуется кое-что переосмыслить.

“Первое издание” Просвещения обещало новую рациональную основу общественного строя, светоносную противоположность старой религии, полной заблуждений и суеверий и сопровождающейся тиранией. Все это должен был заменить новый строй, базирующийся на Просвещении. Этого не произошло. Просвещение не удалось ни в своей первоначальной версии, ни в своей марксистской разновидности. Напротив, успех сопутствует компромиссу, двусмысленной, плюралистической и терпимой системе, которая сочетает пережитки старых верований, используемых в традиционных и ритуальных целях, с последовательной холодной рациональностью в сфере производства и организации. К концу XX века, после провала правых и левых экстремистских режимов, такое социальное устройство стало популярным.

Пути, которыми различные страны достигают этого состояния, естественно, значительно отличаются друг от друга. Некоторые благополучные страны достигли его путем внутреннего самобытного развития, неизбежно сопровождавшегося значительными потрясениями. Они могут утверждать, что сами добились модернизации, а не получили ее в качестве чего-то, навязанного извне. По крайней мере, одна страна осуществила модернизацию уже в процессе своего рождения - это США. Та этика и та социальная организация, которые существовали в начальный период истории Соединенных Штатов, еще до индустриализации, воплощали те принципы, на которых будет основываться новый мир. Это часто побуждает американцев отождествлять свой специфический образ жизни с человеческой жизнью вообще и испытывать определенные трудности, когда надо понимать или просто замечать другие формы социальной жизни. Другие культуры убедились в достоинствах плюралистического либерализма, пройдя через военное поражение, оккупацию и последующее процветание. Третьи начинали процесс развития в соединении с борьбой за национальную независимость. У всех этих путей, однако, есть нечто общее. Они весьма протяженны и дают достаточно времени для достижения жизнеспособного компромисса.

Но в нашем случае произошло нечто иное. “Мы гордимся тем, что мы были первыми”, - похвалялся Ленин. Он и большевики действительно добились исторического приоритета, хотя и не совсем в том смысле, который Ленин имел в виду. Есть действительно нечто

уникальное в ситуации, возникшей после победы марксизма и последовавшего затем его позорного и беспрецедентного краха. Россия и страны, где господствовал коммунизм (или их большая часть), стремятся теперь к плюралистическому либеральному строю. Но они делают это в крайне неблагоприятных обстоятельствах, причем в самом сложном положении находится Россия.

В России исходным пунктом ее движения было не доиндустриальное общество, а, скорее, довольно хорошо развитое (хотя и не особенно зажиточное) индустриальное, уже полностью централизованное (или, пожалуй, под видом централизованного планирования управляющееся рыхлой коалицией феодально-промышленных боссов). У России не было тех преимуществ в движении к либерализму, какие были у стран, двинувшихся по этому пути под влиянием военного поражения. Здесь не было достаточно мягкой военной оккупации, которая заботилась бы о поддержании порядка, пока страна приводит в порядок свою экономику. Атомизация общества, почти полное исчезновение гражданского общества означают, что никакой альтернативной точки зрения, никакой альтернативной команды, готовой встать у руля после коллапса системы, не было. Вместо этого - институциональный и идеологический вакуум. Короче, нет возможности достичь компромисса медленным органическим путем.

Либералы, поневоле унаследовавшие весь этот хаос, так же слабо представляют себе, как организовать его, как и большевики после своего прихода к власти. Большевики придумали НЭП: логическим эквивалентом НЭПа не был, как думали многие, новый НЭП, но сохранилась на время старая система, с которой, по крайней мере, люди научились иметь дело. Однако любые систематические сознательные попытки сохранения статус-кво были обречены на провал, отчасти потому, что старая система держалась на страхе (даже если внутри системы и существовала формальная конкуренция, те, кто были вовлечены в нее, понимали, что они не могут играть в покер до бесконечности и рано или поздно должны прийти к какому-то соглашению), сейчас страх ушел, потому что старые структуры были демонтированы в ходе борьбы за власть.

Давид Юм объяснял тот чудодейственный компромисс, который обеспечил свободы англичанам и голландцам, благотворным равновесием между фанатиками новой веры (энтузиазм) и представителями старого иерархического порядка (суеверие). Энтузиазм стал безвредным, превратившись в рутину. Юм использовал несколько иную

терминологию, языка социологии тогда еще не было, но это - суть его очень пронизательной теории. Но как можно превратить в рутину то, чего уже нет? В России не было никакого благотворного равновесия: энтузиасты более или менее разрушили суеверие, а потом полностью утратили, а не превратили в рутину свой энтузиазм.

Исторический приоритет ленинизма поистине замечателен. У тоталитарного режима, установленного во имя марксизма, было множество беспрецедентных черт. Коммунистический тоталитаризм стал не только первой светской религией, добившейся государственной власти. Одновременно он стал первой идеологией, располагавшей всеми современными средствами коммуникации и извлекавшей пользу из контроля над ними. Тоталитарные режимы прошлого были вынуждены из-за недостаточности средств, имевшихся в их распоряжении, прибегать к помощи местных общин и посредников, так сказать, политических и идеологических субарендаторов. В результате какой-то плюрализм сохранялся. Большевикам же, напротив, удалось достичь почти полного разрушения гражданского общества и социальной атомизации.

Тот факт, что новое Откровение претендовало на научность, имело любопытные последствия: не было трансцендентального начала, к которому можно было бы апеллировать, чтобы критиковать обладателей реальной власти и, при благоприятных обстоятельствах, противостоять им. То, что эта доктрина утверждала о мире, носило чрезвычайно абстрактный, двусмысленный и не вполне последовательный характер. Она могла без особого труда быть использована для оправдания любой политики. Эта идеократия была не просто абсолютистской и мессианской, но еще и социалистической в своем абсолютизме. В отличие от тоталитарных режимов, которые презирали сферу экономики и потому предоставляли ей определенную автономию на условиях послушания и эффективности, допуская, таким образом, превращение производительной сферы в некий эмбрион гражданского общества, коммунизм проявлял интерес именно к экономической сфере как в организационном, так и в символическом отношении. Кое-кому из прежней номенклатуры, правда, удалось с примечательной скоростью превратиться в новых собственников и боссов, но то, каким образом это было сделано, вряд ли может вызвать уважение к этому социальному слою и не способствует признанию его легитимности.

Другой любопытной, важной и уникальной чертой системы была легкость и полнота ее падения. Это перечеркнуло все прогнозы как ее

сторонников, так и врагов. Сколько людей приспособилось к системе под влиянием мысли о необходимости подчинения силе. Историческая неизбежность подвела их: то, что считали неизбежным, оказалось до смешного хрупким, и выглядят они (и ощущают себя) довольно глупо, как человек, который отдал свой кошелек пригрозившему ему пистолетом грабителю, а пистолет-то при ближайшем рассмотрении оказался детской игрушкой.

Обычно, когда рушится режим, основанный на вере, возникает так называемый “бункер”: группа истинно верующих предпочитает погибнуть с оружием в руках или уйти в изгнание, но не покориться. Здесь бункер был жалок и слаб или его не было вообще.

Ленин оказался великим историческим обманщиком. Он утверждал, что ему удалось создать идеологическую элиту, преторианскую гвардию, сильную своей дисциплиной, убежденностью и разумом, корпорацию платоновских стражей, вдохновленных пониманием законов и неустанной тренировкой. Как оказалось, этот современный военно-религиозный орден ничем подобным не был: он без сопротивления позволил Сталину себя вырезать (непонятно, чем люди рисковали, и все же они кротко пошли на плаху), а позже дали себя упразднить и другие, когда тактические ходы в довольно непристойной борьбе за престолонаследие привели к победе одного из наследников.

Враги системы также были обмануты, так как они всегда утверждали, что этот аппарат не годился ни для чего иного, кроме сохранения своей власти, и в этом деле был действительно компетентен. В конце концов именно в этом отношении он оказался жалок и беспомощен. В борьбе один соперник контролировал Союз (в то время вполне реальный институт), а другой - Российскую республику (по существу, представлявшую собой фикцию, придуманную для конституционной симметрии). Победитель заключил союз с этническими республиками (которые фикциями не были) и таким образом оказался в состоянии распустить Союз и лишиться своего оппонента конституционной базы. Любопытным образом его стратегия воспроизвела стратегию Ленина в конце первой мировой войны, когда тот без колебаний отказался от Украины и периферийных территорий, чтобы обеспечить себе власть над центром.

Жалкая по своей слабости реакция партии позволила победителю распустить и ее, избавившись, таким образом, от последнего института, который мог бы ему воспротивиться. Все эти действия, если смотреть на них как на ходы в шахматной игре, отличались

замечательной простотой, изяществом и эффективностью, но тот факт, что они так легко сработали, не означает, что за ними стоял реальный политический класс или идейно убежденная элита.

Суммируем все это. Общество прокладывает себе дорогу к либеральному плюралистическому порядку в наихудших и в высшей степени своеобразных условиях. Пугает почти полное наличие веймарского синдрома: инфляция, криминализация, новое незаконное и оскорбительное богатство, обнищание, национальное унижение и начинающиеся унижения национальных меньшинств в соседних, освободившихся странах. К счастью, есть и некоторые различия: в межвоенный период экстремисты на обоих краях политического спектра были проникнуты отвратительными убеждениями. Худшие из этих убеждений еще живут с нами, но в большинстве своем уже без той силы страсти. Мир не стоял на месте в течение столетия: сегодня ключом к процветанию и власти считается экономический рост, а не имперский контроль над территорией.

Путь к либеральному обществу от руин мессианского светского социалистического тоталитаризма не может не отличаться от пути стран, вышедших из других исходных пунктов. Он не будет легким: переделка гугаговской вышки в домик ночного сторожа, оказывается, довольно сложный вид ремонта.

Токвиль изучал Америку, чтобы понять, как действует принцип равенства, а Луи Дюмон изучал Индию, чтобы понять, как действует иерархический принцип. Мы можем теперь изучать Россию, чтобы понять, как гражданское общество может возникнуть из вакуума (если оно может из него возникнуть). Страна, лидеры которой полагали, что у них в руках рецепт лучшего из всех социальных устройств, сейчас стремится к более скромной цели - хотя бы только к сноскому устройству. При этом вряд ли у нее вообще есть какой-то рецепт или модель. Я могу лишь следить за их усилиями с симпатией и страхом.

27 июля 1994 г.

А.Хиль-Роблес

(Испания)*

ИСПАНСКИЙ ОПЫТ ПЕРЕХОДА К ДЕМОКРАТИИ

Мне хотелось бы рассказать о переходном периоде в Испании, что позволит лучше понять нынешнее положение дел в нашей стране.

Наш переходный период начался с чисто биологического импульса: мы не свергали нашего диктатора, Франко просто умер в своей постели. Мы, конечно, подозревали, что он умрет (некоторые, правда, думали, что он вечен), но когда это случилось, мы оказались перед весьма непростым выбором. Диктатор оставил население страны в состоянии значительной дезинформации, страха перед демократией, в заблуждении, посеянном сорокалетней пропагандой, будто демократия и политические партии суть синонимы беспорядка, хаоса, гражданской войны. За все годы своего правления Франко не допустил существования в стране ни одной демократической организации; политические лидеры были никому не известны, а церковь и армия всемогущи.

Таким образом, с началом нового периода открылась историческая возможность убедить испанский народ в том, что перейти к демократии можно без кровопролитной гражданской войны типа той, что уже имела место в нашей истории.

Именно поэтому мы выбрали - и выбор этот был весьма нелегким для многих моих соотечественников - путь мирного перехода, а не резкого разрыва со старой системой. Иными словами, мы решили, что даже если нам это и не нравится, нам придется сесть за стол переговоров с франкистами, с военными, дабы найти приемлемое для страны решение. Таковым было первое решение: избежать разрыва и противостояния. Мы не собирались никого призывать к ответу, хотя не следует забывать, что многие из тех, кто сел за стол переговоров, либо прошли через тюремное заключение, либо побывали в изгнании.

Когда через два дня после смерти Франко король взял бразды правления в свои руки, перед правительством были поставлены два условия. Во-первых, необходимо было идти к честному изби-

* Хиль-Роблес Альваро, профессор Мадридского университета.

рательному процессу, без ловушек и хитростей. А потому следовало подготовить временный закон о выборах. И мы это сделали, причем сознательно содействовали возникновению крупных политических партий, а не многопартийности, ибо, на наш взгляд, это гарантировало на будущее более управляемую страну. В итоге на выборах 1977 года многие исторические партии, такие, как христианские демократы, выбыли из игры.

Вторым, самым деликатным пунктом, выполнения которого мы также требовали от правительства Суареса и от короля, была необходимость легализовать Коммунистическую партию, что являлось основополагающим условием для проведения в Испании демократических выборов без какой-либо боязни, что у нас за спиной ежедневно будет действовать какая-то разоблачительная противоборствующая сила.

В один прекрасный день, на Пасху, когда армия находилась в увольнении, правительство узаконило деятельность компартии. Когда это обнаружилось, дело было сделано, ничего страшного не случилось, и были проведены первые выборы. Правда, тогда же раздался и первый звон мечей в армии, появились первые вспышки напряженности.

Но состоялись выборы 1977 года - можете себе представить, что это означало в истории Испании. В рамках парламента был учрежден президиум старейшин, председателем которого избрали Долорес Ибаррури. Было известно, что она долгое время жила в России и публично считалась врагом номер один франкистского режима. Она была коммунисткой, но одновременно и старейшим членом парламента. А несколькими рядами ниже сидел один из тогдашних министров, ныне президент одной из автономных областей, Мануэль Фрага Ирибарне, а рядом сидел крайне правый господин Блас Пиньяр, - короче, там были сосредоточены все цвета испанского политического спектра. Это была поистине удивительная фотография. Действительно, некоторые не подавали друг другу руки, но все они там сидели.

Вслед за этим мы решили разработать Конституцию, которая имела бы огромное значение. Но вначале поступили по заведенному в Испании обычаю: наиболее представительные политические партии сели за стол переговоров и договорились о принципе работы, который заключался в достижении консенсуса. Мы исходили из того, что не может быть победителя. Важно было убедить противника. Если бы мы создали Конституцию, по которой коммунисты считали себя

обделенными, а франкисты - ущемленными, то плохи были бы наши дела. Следовало создать Конституцию, которая решала бы эту проблему. А для этого были необходимы многочасовые обсуждения в парламенте. Или, как кто-то выразился, - это, мол, "ресторанная Конституция". Да, очень важные ее разделы обсуждались за ресторанными столиками, за закрытыми дверями и при остановленных часах:

Итак, повторю: мы построили наш переходный период на принципе отказа от разрыва и на принципе консенсуса. И Конституция явилась для нас платформой национальной встречи, согласия. Это был базовый элемент, а не одна лишь юридическая норма, не один свод записанных в ней политических прав и свобод. Это была общая точка, в которой все мы соглашались; в чем-то другом, возможно, и нет, но в этом мы были согласны. И на этой основе построили новую демократию и новое государство.

Конституция очень помогла в двух важных для Испании моментах. (И насколько я могу судить, один из них также очень важен здесь, в России). Он был тогда уже почти символическим, но все же чрезмерно важным. Это дилемма - "монархия или республика". Она была решена без обсуждения, простым принятием монархии. Правда, некоторые республиканцы с трудом это приняли. Но мы это приняли. Должен признать, что с того времени король завоевал огромный авторитет в стране, и сегодня он, пожалуй, был бы первым республиканцем. Так что здесь нет никаких проблем.

Второй важнейший принцип провозглашал необходимость решения на основе Конституции проблемы регионов. В историческом плане в Испании чуть не произошли две гражданские войны (одна общеизвестна) в связи с проблемой басков и проблемой каталонцев. Этих проблем никогда не могли понять в других районах Испании. Не могли понять языковой самобытности, не понимались культурные различия и, естественно, единственное, чего добились военные и диктатура, - это обострения этой проблемы и проблемы терроризма, до сего дня терзающей страну басков.

Между тем, были проведены очень нелегкие переговоры с умеренными националистическими партиями (неумеренные до сих пор хватаются за оружие), которые приняли правила игры. Они согласились, что вместо принципа независимости регионов будет действовать принцип автономии; с помощью Конституции мы применили этот принцип ко всей Испании. Мы разделили страну на 17 регионов или областей, чтобы не было никакого неравенства.

Областей со своими автономными парламентами, автономными правительствами, языками, культурами и т.д.

Но здесь же возникал еще один очень важный вопрос, который до сих пор не снят с повестки дня - проблема перехода от центристского государства к федеральному или полуфедеральному, которое мы постепенно строим в нашей стране. Он заключается в передаче автономиям широких полномочий, сокращении огромного централизованного бюрократического аппарата страны и в зарождении иной, региональной бюрократии. Конституция не решала этого вопроса, но мы договорились также и по этой проблеме. Помимо этого включили в нее так называемый свод прав и свобод, который не является простой декларацией, а предусматривает механизмы защиты этих прав и свобод. Речь идет в первую очередь - об этом я скажу позднее - об институте омбудсмана, то есть уполномоченного по правам человека. Дело в том, что в Испании при разработке Конституции нами - и мной в первую очередь - владела одна навязчивая идея о том, что у нас долгие годы не было подлинной свободы. Поэтому для нас объявление публичных свобод и основных прав человека было чрезвычайно важным. Кроме этого нас беспокоила необходимость создания конкретных механизмов их защиты. Поэтому мы ввели Конституционный суд, ибо не могли положиться на наше прежнее правосудие, долгое время находившееся в руках Франко. Мы хотели, чтобы прошло некоторое время, пока обычное правосудие не обновится. И объявили о создании института омбудсмана в качестве контролирующей функции парламента, инструмента парламентской власти, уполномоченного парламентом для контроля за всеми этими вопросами.

Наконец, имеются еще два момента, которые я хотел бы упомянуть. Один из них заключается в следующем. Когда мы завершили работу над Конституцией, мы вновь ощутили необходимость достижения общего согласия. В результате в 1978 году мы пришли к так называемому пакту Монклоа - договоренностям, достигнутым во дворце Монклоа, штаб-квартире председателя правительства. Договоренности эти были весьма простыми: было решено, какой станет региональная власть, какие наиболее важные законы из Конституции получают развитие; было решено, как в ближайшие годы нейтрализовать государственное телевидение, чтобы оно не стало чисто правительственным, а также были определены магистральные направления развития экономики. Все партии договорились не атаковать правительство по этим основным пунктам, чтобы

поддержать развитие страны. А во всем остальном каждый из нас был свободен проводить свою собственную политику.

Это позволило запустить демократическую систему в действие серьезно и основательно. Поскольку население увидело, что политические партии не ввязываются в бесполезную борьбу, а, напротив, стремятся найти решения для скорейшего вступления страны в Общий рынок и ее возрождения. К сожалению, это увидели и путчисты-военные и решили в 1981 году совершить государственный переворот, чтобы прервать начавшийся процесс. Известно, что путч закончился провалом, король сумел помешать этому; то была великая победа короля, потому что если бы он не предотвратил путч, то сегодня он, без сомнения, не был бы королем. К тому же уже на следующий день тем из нас, кто не был в парламенте, удалось вывести на улицы Мадрида миллион человек, и таким образом путчистский процесс был парализован.

В тот день, когда попытка государственного переворота закончилась неудачей, для меня завершилось то, что мы называли постфранкизмом. В тот день завершился определенный исторический период, и в Испании действительно начала работать демократия без страха перед военными, потому что они проиграли, они были арестованы и ждали суда. В тот день зародилось то, что впоследствии вылилось в триумф Социалистической партии и окончательную стабилизацию положения в Испании, ибо, наконец, наладилось демократическое и безболезненное чередование у власти правых и левых.

Как видите, наше стремление заключалось именно в том, чтобы консолидировать демократию изначально. Мы должны были договориться о едином конституционном тексте, чтобы не дать противнику повода обвинить нас в беспринципности и игре в демократию, и максимально укрепить структуру защиты прав граждан. Этот дух диалога был и остается для нас основополагающим. Если в Испании в настоящее время существуют серьезные проблемы между политическими силами по поводу развития отдельных институтов, то это происходит только потому, что консенсус и диалог ослабли. Вчера я слушал рассуждение одного из вас о "политике сауны" и с удовольствием подписался бы под документом в пользу такой политики. Я бы запер наших лидеров на ключ в парильной комнате и уверен, что они бы договорились. Мне кажется, вы нашли гениальную формулу для решения проблем, и я увезу ее с собой в Испанию.

Итак, помимо сказанного, мы были особенно озабочены необходимостью наполнить подлинным смыслом концепцию "гражданина". Мы полагали, что иначе современное государство построить невозможно, тем более в Испании, где на протяжении прошедших сорока лет (плюс еще ста пятидесяти предыдущих) человек расценивался как подданный. Испанец, будь то крестьянин, рабочий или горожанин никогда не имел никаких прав перед лицом власти; он был лишь подданным, за исключением привилегированного класса, у которого могли быть деньги, связи, возможность путешествовать и т.д.

Таким образом, речь шла о том, чтобы превратить подданного в гражданина. А для этого было важно, чтобы наши административные инстанции были подчинены юридическому порядку, подчинялись принципам Конституции.

Эти принципы, эти основные права и свободы, записанные в Конституции, были сосредоточены нами в первом разделе основного закона, и мы лишили парламент права изменять его, так как знаем, насколько мы сами опасны, когда заседаем в парламенте. Поэтому основные права и свободы: передвижения, мнения, места проживания, собраний и т.д., - все это не может изменить у нас даже парламент, если он предварительно не внесет поправку в Конституцию. Для этого требуется решение двух палат и национальный референдум. Иначе говоря, здесь мы установили сверхжесткую систему. Мы не хотим, чтобы мажоритарное правительство, имеющее абсолютное большинство, могло бы внести изменения в содержание какой-либо из основных свобод. Это нам представляется главным.

И второе, мы подумали, что обязательства всех действующих государственных институтов защищать права и свободы следует подкрепить действием еще двух институтов. Одним из таких институтов является Конституционный суд. В Испании это было восстановление исторической реалии: у нас был такой суд во времена первой республики, но тогда он практически бездействовал. Между тем, было важно, чтобы он выполнял еще одну функцию, которую я хочу здесь подчеркнуть, ибо она имеет историческое значение: разрешение конфликтов между государством и регионами. Мы знали, что у нас будет много проблем со Страной басков, с Каталонией, с Андалузией, что центральная власть по собственной воле не откажется от своих полномочий. Но мы также знали, что регионы попытаются обойти эти государственные полномочия. Это обычная

историческая борьба, и она идет постоянно. Поэтому требовалась дополнительная сдерживающая власть, которая решала бы вопросы без дискуссий.

В конце концов, регионы и государство приняли это. С определенным неудовольствием, но все же приняли, особой борьбы вокруг этого не было.

Вторым механизмом, введенным в действие для защиты основных прав, стал институт омбудсмана - уполномоченного по правам человека или, как его называют в Испании, "Защитника народа". Об этом я могу рассказать вам подробнее, потому что возглавлял эту работу, пока полтора года назад не оставил ее (сейчас я работаю в университете, а до этого десять лет вел это направление).

Что же такое - уполномоченный по правам человека? Изобретено это не испанцами, мы позаимствовали этот институт у скандинавских стран, но приспособили к собственным нуждам: в этих вопросах следует избегать догматизма.

Мы заимствовали этот институт в форме высшего уполномоченного парламента, который избирает его тремя пятими голосов каждой палаты (во избежание избрания представителя какой-нибудь партии) сроком на пять лет. В течение этого периода уполномоченный контролирует работу всех органов государственной администрации страны. Делает это он автономно, ибо не получает от парламента никакого императивного указания. О своей деятельности он отчитывается ежегодно, а также по мере необходимости, перед специально назначенной для этого комиссией. Это единственный испанец, который, не будучи парламентарием, отчитывается перед Конгрессом и перед Сенатом о состоянии органов государственной администрации. Он рассказывает о положении в области прав человека, об ошибках, допущенных административными органами, и о жалобах граждан.

Обычно это становится своего рода "бестселлером" для телевидения и радио и вызывает желудочное расстройство у центрального правительства, руководства автономных областей и т.д., которые, как правило, ощущают острое недомогание в этот и последующие дни. При вступлении в должность уполномоченный по правам человека имеет много друзей, а после ухода в отставку не остается ни одного. Разумеется, не остается ни одного друга в правительстве. Это я вам говорю, основываясь на собственном опыте. Правда, один друг у меня остался, помимо короля, который продолжает со мной общаться; я ведь его не проверял, и с ним у меня

никаких проблем нет. Этот единственный человек - Фелипе Гонсалес; он исключение, ибо он почти богоподобен, его ничто не волнует, он выше этого.

Ну, а все остальные, по правде говоря, как правило, фигурируют в отчете уполномоченного, когда анализируются их деятельность, ошибки, действия. Любой гражданин, в том числе и иностранный, оказавшийся у нас проездом, может написать уполномоченному по правам человека; ему не требуется для этого адвокат, с него не требуют никакой платы; имеется круглосуточная служба дежурства. По моему мнению, основные права граждан не заканчиваются в пятницу в пять часов вечера, так что вступая в должность, я сказал моим сотрудникам, что необходимо работать в субботу и воскресенье, - к их великому огорчению. Так что служба работает постоянно.

Если вы в один прекрасный день прилетите в Мадрид, и у вас возникнут проблемы в аэропорту Барахас, за который мы также отвечаем вместе с испанской полицией, знайте, что вы можете позвонить, и мы будем отстаивать ваши права. У нас всегда кто-то дежурит в этом аэропорту. Когда я вылетал в Москву рейсом Аэрофлота, узнавшие меня сотрудники полиции спросили: "Уж не с проверкой ли вы к нам пожаловали сегодня?" Я ответил: "Нет, нет. Сегодня никаких проверок. Просто я лечу этим рейсом." Честно говоря, они проводили меня до самолета дабы убедиться, что я улетаю. В общем, они были очень любезны.

Уполномоченный по правам человека инспектирует все органы государственной администрации, включая правосудие и армию. Хотя в случае с правосудием речь не идет о чисто юридических вопросах. Это касается его работы как государственной службы. Мы исходили из следующего принципа (его защита стоила мне нелегкой борьбы в парламенте, а также с руководством судебной власти): судебная власть в Испании является независимой, но она должна функционировать. Служащие - чиновники и обязаны приходить в свои суды, работать с гражданами, принимать решения. Если они этого не делают, то должны нести ответственность. И именно за этим я следил как уполномоченный по правам человека.

Вторая сфера контроля - армия. Когда парламент решил, что уполномоченный будет проверять жалобы, касающиеся армии, например, случаи злоупотреблений в отношении граждан, находящихся на воинской службе, или нанесения телесных повреждений, то все, и я в том числе, подумали, что проблем будет очень много. Но оказалось не столь много, поскольку в Испании армией руководит

гражданский министр, а уполномоченный по правам человека как правило разговаривает с министром. Во всяком случае, до сих пор все проблемы удавалось улаживать.

Должен сказать, что для нас совершенно нормально посещать казармы или места, где солдаты содержатся под стражей за какую-то провинность. Мы проверяем, как они там живут; я сам лично инспектировал много воинских частей. Помню, как однажды министр решил устроить мне ловушку. Он пригласил меня в министерство обороны на обед с высшими офицерами генштаба, сухопутных войск, ВМС и ВВС. Обед был весьма протокольным. Ну, вы сами знаете, как военные обставляют подобные мероприятия: много шума, "звона шпор" и т.п. Мы сели обедать, и министр мне говорит: "Уверю вас, мы в полном вашем распоряжении, Конституция, естественно, соблюдается повсеместно". Я на это отвечаю: "Совершенно с вами согласен, но должен сказать вам, господа, следующее: представляете, я настолько был уверен в вашей готовности к сотрудничеству, что в данную минуту, пока мы с вами тут обедаем, моя инспекторская служба находится в воинской части такой-то и ведет проверку". Повод здесь был разумный: дать понять министру, что мы входим в расположение частей задолго до того, как он и начальники генерального штаба дают нам на это разрешение. Мы входим туда потому, что нам позволяет это делать Конституция. И ни министр, ни начальники никогда не смогут этому помешать, даже во время обеда. Естественно, высший командир проверяемого подразделения подавился куском; мы дошли до десерта, залпом выпили кофе и разъехались. Правда, несколько месяцев спустя у нас был ответный обед, и мне вручили почетный знак, который я храню до сих пор.

Итак, я хочу показать вам, что в стране, где государственные институты были весьма отсталыми, очень нелегко оказалось проложить через них дорогу. Но это пригодилось для очень важного дела. Заметьте, что уполномоченный по правам человека получает в год 25-30 тысяч писем (в стране с населением 40 миллионов человек), как правило, от людей наименее осведомленных и наименее защищенных. Многие пишут от руки. Правда, однажды написал сам Сальвадор Дали, но это уже другая история. (Я это письмо храню, потому что оно, сами понимаете, стоит немалых денег. Мы его держим в рамке).

Так вот: 30 тысяч писем, что предполагает нашу осведомленность о происходящем в стране. У нас имеется информация, которой нет даже у министров. Представьте себе учреждение, в

котором десять человек посещают тюрьмы в течение всего года, и делают это без предупреждения... Так что этому учреждению известно гораздо больше, чем министру юстиции. И более того, ему приходится соглашаться с нами, потому что мы говорим ему: такую-то тюрьму скоро затопит, в той-то тюрьме зреет бунт, там-то происходит то-то, - потому что заключенные говорят с нами напрямую и, разумеется, никогда не ведут такие беседы с чиновником, который ведаёт тюрьмами.

Таким образом, мы обеспечили выполнение очень важных функций. Одна из них заключается в том, чтобы направлять в определенное русло и разряжать социальную напряженность. Ибо едва ли не величайшей ложью современных демократий является то, что они говорят гражданину, будто перед лицом могущественнейшей административной машины, которая вмешивается в его жизнь от рождения до самой смерти, на местном уровне, региональном, общегосударственном, у него имеются легкодоступные средства защиты: обратиться к самой администрации, подать в суд, написать депутату и др.

Я в свое время практиковал как адвокат и знаю, что органы администрации никогда не меняют своего мнения; если они это делают, то только по ошибке, но обычно они никогда ничего не пересматривают. Для того, чтобы выиграть судебную тяжбу в Испании, требуется пять-семь лет. То есть можно и не дожить до вынесения приговора. Писать письмо в парламент в такой стране, как наша, все равно, что писать моей тетушке, которая живет в Барселоне.

Особенно ценно то, что гражданин знает: написав в организацию под названием "Защитник народа", он получит ответ, почему ему, например, так долго не выплачивают пенсию или стипендию, которая ему полагается. И хотя он воспримет это как нечто невероятное, это означает, что система работает, что он не оказался за пределами системы.

И второе. Ежегодный отчет уполномоченного по правам человека, насчитывающий обычно около тысячи страниц, позволяет парламенту многое менять в законодательстве, потому он получает из первых рук информацию о том, что происходит в стране. Я мог бы рассказать вам еще много всего. Скажу, например, что по данным опросов в моей стране, о существовании уполномоченного знают 83 процента населения, что дает некоторое представление о его работе. 46 процентов по меньшей мере один раз обращались в нашу службу

косвенно или непосредственно, а 79 процентов считают, что уполномоченный по правам человека должен быть наделен еще большей властью и избираться путем прямых выборов, что, конечно, опасно, и никогда не следует этого делать. Это был бы уже цезаризм. Вчера мы говорили о цезаризме, о том, как целуют руку. С этим вообще надо быть поосторожнее: тот, кто сегодня целует руку, завтра может ее укусить, в зависимости от того, что ты ему дашь.

Так проходила стабилизация в моей стране. Главное - это отношение к гражданину, о котором мы всегда забываем, потому что говорим о макрокатегориях, а он в это время одиноко сидит в своем доме перед Левиафаном власти, не понимающим его, и, возможно, никогда бы не реагировал на ее злоупотребления, если бы их не было. Но он пишет письма или звонит по телефону и находит нужную дорогу. Поэтому, господа, я думаю, это важный путь, это важный факт.

Расскажу еще один забавный случай. Однажды к нам в офис позвонила одна сеньора и сказала: "Послушайте, я хочу поговорить с Защитником народа". Было три часа ночи. Сотрудник спросил ее: "А что у вас случилось, сеньора?" "Понимаете, - ответила женщина, - меня муж побил, хочу на него пожаловаться". Тогда сотрудник ответил: "Гражданка, так позвоните своему адвокату, потому что это частное дело, и мы его не в состоянии решить". На что женщина возмутилась: "Как! Вы предлагаете, чтобы я разбудила своего адвоката в такой час?!" Вот такое отношение у граждан к нашему институту. И это, откровенно говоря, кажется мне опасным, но в то же время и весьма положительным.

В заключение скажу, что по инициативе Испании пункт об институте уполномоченного по правам человека был включен недавно в договор о Европейском Союзе наряду с принципом европейского гражданства, как один из его составных элементов. В сентябре начинается процедура избрания Европейским Парламентом будущего уполномоченного по правам человека, который начнет свою работу в январе 1995 года.

Я хотел поделиться с вами некоторым опытом, некоторыми фактами моей деятельности и хотел избежать догматизма, который считаю самым большим грехом в мире. Благодарю вас за предоставленную возможность быть с вами, потому что ощущаю переходный период в России также чутко, как наш собственный.

ДИСКУССИЯ

А.Сергеенков. - У меня три вопроса. После вашего выступления сложилось такое впечатление, что у России есть много общего с ситуацией в Испании. Например, у нас тоже имеется Конституционный суд, уполномоченный по правам человека, но возникает грустное чувство, что ничто не работает. И мы спрашиваем себя, почему у вас это работает? Как достигается действенность механизма Защитника народа? Есть ли специальный закон о правах человека и правах уполномоченного? Где с ним можно ознакомиться? Мы сейчас тоже работаем над таким законом и хотели бы, чтобы он не был пустым. Испанцы решили свои проблемы спокойно и мирно. Сыграло ли при этом положительную роль наличие частной собственности? И третий вопрос: о роли военных. Какова в настоящее время позиция военных?

Р.Адамия. - Мой вопрос в какой-то степени перекликается с предыдущим. Каков механизм воздействия на государственных служащих, если предписания омбудсмана не выполняются? Как он работает?

А.Франц, Институт государства и права, г.Екатеринбург, доктор философских наук. - Насколько я понимаю, эффективность работы Защитника народа зависит конкретно от того, какой человек избран на эту должность, насколько он нравственен, мужествен и т.д. Есть ли механизмы контроля за работой Защитника народа? Что произойдет, если на этот пост попадет человек не слишком высокой нравственности? Что, кроме человеческих качеств, обеспечивает действенность работы Защитника народа?

М.Киселев. - Как вы считаете, институт омбудсмана для Испании является чем-то чрезвычайным в условиях неурегулированности политической системы, когда суд плохо работал, или он должен стать неотъемлемым, постоянным элементом вашего политического общества? И если можно, какова судьба пакта Монклоа?

А.Хиль-Роблес. - Начну с вопроса о пакте Монклоа. К сожалению, достигнутые в Монклоа договоренности, не удалось развить из-за путча. Но важным моментом явилось решение о развитии статуса автономии, договоренность об автономии регионов. Этот пункт был очень важным для меня, и до сих пор он выполнялся, несмотря на то, что вслед за этим были путч, падение правительства

Суареса и приход к власти Соцпартии. Развитие событий после пакта Монклоа было похоже на ускоренную кино съемку.

Насколько я понимаю, закона об уполномоченном по правам человека в России в окончательной редакции пока нет. Надеюсь, что у вас все получится. Почему этот институт работает в Испании? Во-первых, передо мной текст закона, я могу его оставить вам. Кроме того у меня есть также несколько статей об уполномоченном по правам человека, опубликованных в журнале Госсовета Франции.

В то время не все институциональные механизмы в Испании действовали. Чтобы они заработали, их следовало форсировать. Уполномоченный по правам человека не претендует на замещение роли какого-либо учреждения. Этот институт дополняет и стимулирует деятельность остальных институтов: парламента, судов, органов администрации. В общем контексте, это сотрудничающий институт. И, естественно, ему надлежит лечить патологические случаи. Уполномоченный по правам человека занимается только патологией, тем, что работает плохо.

Какова роль военных? По сути, несмотря на трагический инцидент с путчем 1981 года, военные в Испании в целом были настроены на сотрудничество с демократией. Это следует признать. Но в настоящий момент проблема военных снята: испанские военные очень довольны членством в НАТО и прочими задачами, которые намного интереснее внутренних вопросов. И мы тоже очень довольны таким положением. В общем, в этом отношении никаких проблем нет. (Стучу по дереву!)

Каковы механизмы воздействия на государственных служащих, если они не выполняют указаний? Закон об уполномоченном по правам человека весьма категоричен, равно как и Конституция. Уполномоченный имеет право ознакомиться с любой информацией, касающейся любого органа государственной администрации. И если государственный служащий отказывается подчиниться этому требованию, он совершает должностное преступление неповиновения. Иными словами, уполномоченный по правам человека имеет право непосредственно подать в суд на такого чиновника. Но до сих пор ни одного суда не было. Единственно, когда можно отказать уполномоченному в ознакомлении с документами, это в случае, если созывается Совет Министров и объявляет данный конкретный вопрос государственной или военной тайной. В таком случае уполномоченный имеет право направить дело в парламент, объяснив, что он не в состоянии продолжать расследование. Можете себе представить,

какая тут поднимется буча. Так что подобных случаев никогда не было.

Приведу такой пример. Однажды один человек пожаловался мне, что подозревает, будто в его доме время от времени тайно проводят какие-то обыски, и он обвинил в этом государственные спецслужбы. Этот человек был иностранцем. Тогда я сделал запрос в испанские спецслужбы через Министерство обороны, чтобы прояснить дело. И, естественно, пришел человек и принес досье. И выяснилось, что этот человек действительно занимался незаконной деятельностью; позднее это было доказано. В таких случаях уполномоченный по правам человека знакомится с информацией в конфиденциальном порядке, не разглашая ее, поскольку речь идет о национальной безопасности, и только требует, чтобы ему разъяснили, как дело обстоит в действительности. В данном случае все было доказано, и человек был выдворен из страны, дело было закрыто.

Или приведу противоположный пример. Один испанский гражданин пожаловался уполномоченному по правам человека, что за ним следят. И действительно, за ним следили, но по ошибке. Это был преподаватель провинциального университета, который на свое несчастье жил по соседству с самым что ни на есть "настоящим шпионом". А сотрудник провинциальной спецслужбы был настолько "способным", что ошибся адресом, отправляя своему шефу перефотографированные документы профессора. И письмо попало в одну строительную организацию, где его вскрыли, но увидев содержимое, переадресовали уполномоченному по правам человека. Тогда мне пришлось позвонить министру обороны и сказать: "Шпионить нехорошо, но наша разведывательная служба, очевидно, для того и существует, чтобы следить и шпионить. Просто надо поручать дело, дорогой мой министр, умелому разведчику, а не дураку. Мне очень жаль, но твоего глупого шпиона придется уволить". Так оно и случилось. Человека вызвали, все объяснили, причем публично, с привлечением прессы, объяснив, что допущена ошибка, и отправили на маленький островок на Канарах для исправления. Вот такой был случай.

Вопрос о том, зависит ли эффективность нашей деятельности от личных деловых качеств уполномоченного. Нет, от его личных качеств это не зависит. В аппарате уполномоченного работает около ста сотрудников, и мы никогда не стремились создать министерство, потому что боремся против министерств. Хотя, разумеется, связаны с некоторыми аналогичными учреждениями, работающими в авто-

номных областях. Но работа ведется на совесть. У нас есть адвокаты, судьи, военные, врачи, потому что когда надо расследовать, скажем, дело о нанесении телесных повреждений, имели ли они место в действительности, то вести его приходится осторожно, тщательно и очень серьезно.

Что происходит, если на пост уполномоченного приходит нечистоплотный в нравственном отношении человек, и как его контролировать? Ну, до сих пор таких случаев не было. Нас пока было двое. Я был вторым. И оба пока не за решеткой, гуляем на свободе, проблем вроде никаких нет. Но если бы такое случилось, имеется возможность применить к уполномоченному импичмент. Иначе говоря, после проведения открытых дебатов, тремя пятыми голосов членов Конгресса и Сената его можно отстранить от должности. Это, конечно, очень трудно сделать, так же, кстати, как и трудно выбрать. Когда я говорил вам о "политике сауны", то подумал как раз о том, что вот уже год, как я покинул этот пост, а партии так и не смогли договориться о новой кандидатуре. Ведь в его руках сосредоточена большая власть, он может даже обжаловать законы перед Конституционным судом. Он единственный в стране гражданин, который вправе это делать, наряду с председателем правительства и 50 сенаторами. И я это делал. Я оспаривал законы перед Конституционным судом, и мы выигрывали эти дела.

Таким образом, дебаты здесь ведутся очень серьезные. Это вам не выборы губернатора; это выборы человека, который наделен большой властью в обществе, который работает со всеми средствами массовой информации и парламентом. И при этом пользуется неприкосновенностью.

Вопрос, является ли институт омбудсмана для Испании чем-то чрезвычайным? Если отвечать коротко, то да. Правда, в 1978 году и позднее, когда испанцам говорили про "омбудсмана", то они думали, что речь идет об омнибусе. Поэтому пришлось вести большую разъяснительную работу. Чиновники, естественно, приняли нас без энтузиазма, правительство тоже; пожалуй, парламент - единственный, кто нас терпит, потому что ему приходится нас выбирать. Но так или иначе, в Испании это глубоко народный институт, и создавать его пришлось в нелегкой борьбе. Ведь приходится говорить публично, что в такой-то тюрьме или в такой-то психбольнице дело обстоит плохо и т.д. И перемены надо вызывать действиями, будь то перемены на уровне министра, в регионе и т.д. Постоянные столкновения. Кому-то, может быть, и нравится подобная роль, но это не очень приятно.

Для иллюстрации скажу, что уполномоченному полагается шесть телохранителей-полицейских. Можете себе представить, какая социальная напряженность существует вокруг нашей работы.

Вступила ли Испания в Европейский Союз благодаря помощи наших друзей? Конечно. Испания многим обязана европейским странам. Это несомненно. В переходный период мы были особенно признательны прежде всего Германии, которая нам очень помогла. Но понимаете: переход в Испании мы совершили сами, своими силами. А остальные наблюдали за нами с той стороны Пиренеев. Хорошее или плохое, но это наше, собственное детище. Так же, как переходный период в России принадлежит вам, и он всегда будет вашим, сколько бы мы ни произносили добрых слов. Никто к вам не придет из-за границы, чтобы решить назревшие проблемы. Во всяком случае, в Испании этого не было. Мы совершили наш переход по мере сил и затем вошли в Европу благодаря общей помощи, и это, действительно, правда, и никогда не сможем до конца выразить нашу благодарность. Но переход мы сделали в одиночку.

Почему в этой связи руководитель Соцпартии проводит консервативную политику, а не социалистическую? Я не Фелипе Гонсалес. К счастью. Но думаю, что ему не хватает времени даже на сон. Скажу вам следующее: на мой взгляд, он проводил именно ту политику, которую должен был проводить. Мы в Испании стали большими прагматиками. Мы могли либо говорить красивые слова, но ничего не делать, либо заставить страну работать, пусть и не идеально. И даже при правительстве социалистов добились всеобщего бесплатного образования, бесплатного здравоохранения для всей страны, включая тех, кто не платит налогов и взносов по социальному страхованию. И это сделано в стране, где все структуры были отсталыми. Я лучше не буду продолжать, а то вы скажете, будто я пропагандист, а я хочу быть человеком нейтральным.

Конечно, со времен франкизма в Испании был достигнут определенный уровень экономического развития, это следует признать. Но я думаю, что правительство социалистов сделало то, что могло сделать в испанском и европейском контексте. Ну, а что касается тайных коридоров власти, то мне это неизвестно.

Каковы механизмы воздействия, когда уполномоченному не дают ответа? Есть два очень простых механизма: если чиновник упирается, его ждет тюрьма. Если не упирается, то на основе соответствующей документации уполномоченный предлагает или рекомендует изменить то, что можно изменить, и, конечно, делает это

на основе закона, не по произволу. Если же чиновник отказывается от наших предложений, вопрос ставится перед министром или, в крайнем случае, выносится на открытое обсуждение в парламенте. Но, как правило, мало кто из министров соглашается, чтобы в парламенте публично обсуждался вопрос, в котором уполномоченный прав. Они стараются до этого найти любое приемлемое решение. И в этот момент вступает в действие функция посредничества между гражданином и администрацией.

Ю.Сенокосов. - Кому персонально пришла в голову инициатива создания института Защитника народа? Королю? Фелипе Гонсалесу? Вам, господин Роблес?

А.Хиль-Роблес. - Не знаю, отвечать ли вам, ведь я еще не вышел из зала. По правде сказать, к моменту подготовки Конституции я был автором книги об этом институте. И когда мы разрабатывали Конституцию, меня попросили написать статью, чтобы затем я подготовил текст соответствующего закона и затем наладил работу этого учреждения. А потом, когда закончился срок моего пребывания на этом посту, меня уволили, и вот я здесь. Полагаю, что я прошел весь академический курс, закончив его в качестве руководителя. Конечно, с технической точки зрения я написал статью Конституции. Но в основе всего лежала политическая договоренность создать современные институты гарантий прав гражданина. Такова была договоренность. Это мог быть омбудсман или кто-то еще, остановились на омбудсмане. Но главной идеей было создание современной демократической системы в Испании, которая дополняла бы суды, парламент и другие традиционные механизмы. Поэтому здесь была заслуга всех партий и всего парламента.

А.Сергеенков. - И все же, как работает этот механизм без вас?

А.Хиль-Роблес. - Я знал, что вы зададите этот вопрос. Все очень просто. Это предусмотрено. У уполномоченного по правам человека есть два заместителя, кандидатуры которых он предлагает парламенту для ратификации. И хотя сам институт имеет единоличный характер, у Защитника народа есть два заместителя, вместе с которыми он образует своего рода триумвират. Когда нет уполномоченного, его обязанности исполняет (приобретая все соответствующие гарантии) первый заместитель, что в настоящее время и происходит.

С.Митрохин. - Чиновник, не подчиняющийся омбудсману, подлежит суду. Но вы сами до этого сказали, что судебная система крайне неэффективна и дела рассматриваются в течение многих лет. Означает ли это, что в Испании существует система адми-

нистративных судов? И второй вопрос, тоже по судебной системе. Вы упомянули трибуналы. Считаете ли вы эффективным разделение судебной системы на военную и гражданскую?

А.Хиль-Роблес. - Начну с последнего вопроса. Для гражданского населения мы не признаем военных трибуналов, это категорически запрещается Конституцией. Военные трибуналы существуют только для определенных преступлений, попадающих под действие военного уголовного кодекса. И только в военное время. Но в Верховном суде есть особый гражданский суд, который ведает также военными делами. Таким образом, все это гражданская юрисдикция. Нет особой юрисдикции для военных лиц. Это для нас совершенно ясно. С первого дня армия считается институтом, стоящим на службе гражданского населения, она не самоцель, и подчинена гражданской власти, соблюдает Конституцию, управляется гражданскими лицами и не имеет особого правового режима в отношении остального гражданского населения. Это не обсуждается.

Что касается неповиновения чиновников, то здесь следует уточнить: если речь идет о служащем, уклоняющемся от расследования, которое проводит уполномоченный, например, не желает предоставить какую-либо документацию, то такой служащий совершает преступление. Но еще до этого уполномоченный может с ним справиться через его вышестоящего начальника. И обычно вышестоящий начальник заводит административное дело и отстраняет чиновника от должности. Таким образом, в конфликтах подобного рода дело редко доходит до суда. Ведь доводить дело до суда - не лучший выход. Таков механизм. Например, когда уполномоченный обнаруживает, что судья не выполняет своих обязанностей, и доказывает это, он требует от Генерального совета магистратуры, чтобы завели дело; совет это делает, и если удастся доказать справедливость обвинения, судью отстраняют от должности. Было несколько таких случаев.

То же самое происходит с военными. У нас были жалобы на военных, которые избивали молодых солдат. Мы проводили расследования и в конечном итоге добивались заведения дел: капитана, лейтенанта или майора отстраняли от службы в армии на какой-то срок, причем это отражалось в их послужном списке. Позднее мы добились принятия в парламенте декларации прав солдата в рамках военного законодательства.

С.Григорян. - Возможно ли вторичное избрание Защитника народа? И каким числом голосов утверждаются заместители уполномоченного в парламенте?

А.Хиль-Роблес. - Заместители, поскольку они ниже рангом, избираются простым большинством, да и то не пленарного состава, а специальной комиссии, работающей в каждой палате, - смешанной комиссии Конгресса-Сената по связям с уполномоченными. Что касается переизбрания, то здесь не существует никаких ограничений. Кроме простого предела человеческой выносливости. Как правило, уполномоченный, работающий в напряженном режиме, контролируя все органы администрации страны, решая проблемы общественного порядка, работы полиции, армии, системы правосудия, местной власти и пр., больше пяти лет не выдерживает. Я работал пять лет в качестве первого заместителя и пять лет как уполномоченный. Уверяю вас, я бы не выдержал больше ни одного дня. Хотя был наделен огромной властью.

Б.Замай, депутат Государственной Думы, Белгородская область. - Вопрос с точки зрения корпоративной защиты чести судей, поскольку я бывший судья. Вы говорите, что дело рассматривается 5-6 лет и что до суда обычно не доходит. Не думаю, что судебная система в Испании так уж плоха. Вы показали, как любая власть завоевывает свой авторитет. Вы добились уважения к себе как к Защитнику народа большой работой. Вам приходилось доказывать через прессу, своими действиями, что эта должность нужна. Мы тоже задаемся вопросом, почему у нас не работают судебные механизмы? Может быть, у нас все виды власти - не знаю, как будет с уполномоченным по правам человека - сами прилагают мало усилий, чтобы стать властью в рамках своей компетенции?

А.Хиль-Роблес. - Ответить здесь надо очень благоразумно. Идея института Защитника народа состоит не в том, чтобы он был независимой властью, а в том, чтобы он был уполномоченным парламента, который занимается жалобами граждан, но не превращается сам по себе в альтернативную мессианскую власть, ибо это очень опасно. Просто никто ничего даром не дает. И в результате Защитник народа, не имеющий иной силы, кроме рекомендательной, кроме своего нравственного авторитета, не являющийся исполнительной властью в своих решениях, должен сам все преодолевать, когда администрация не желает что-то делать, тянет время, чинит препятствия. Ибо если он эти препятствия не преодолевает, он тут же начинает терять свой авторитет. Как он

преодолевают эти препятствия? Если без шуток, то его главная работа - диалог с ответственными работниками администрации. Я, как Защитник народа, никогда не пытался победить какого-нибудь политика, но стремился лишь убедить его. Убедить, что для него всегда лучше найти решение; скажем, лучше, чтобы он "продал" свое решение гражданину, нежели создал конфликт, который ему же самому дорого обойдется в политическом плане, поскольку будет вынесен на суд общественности и средств массовой информации и в парламент. Потому что я сам устрою ему этот конфликт. Ведь в политике это все равно как в бое быков, на корриде. А вообще-то политику всегда надо оставлять выход. Если вы перекроете все выходы, то в итоге он поступит как скорпион: либо покончит с собой, либо нападет. Поэтому гораздо лучше оставить ему выход, и выход по возможности блестящий, когда он сам решает. Впоследствии такой политик решит намного больше вопросов. Но он должен знать, что если не примет правил игры, то у него будут серьезные проблемы, что Защитник обязательно пойдет на конфликт и обличит его публично. Лишь в этом случае игра властей работает. Но Защитник не должен этим злоупотреблять, потому что если он этим злоупотребляет, обладая неприкосновенностью, он нарушает правила игры. Главные интересы - это интересы гражданина; на это не должны влиять ни самолюбие защитника, ни его личные взгляды. Он должен решить проблему гражданина. Или, если причиной являются устаревший или несовершенно закон или служба, постараться их изменить. Ну, а все личное надо отодвинуть на второй план. Не знаю, достаточно ли ясно я все объяснил?

Б.Замай. - Я задал этот вопрос потому, что когда у нас в Думе обсуждался закон об уполномоченном по правам человека, то некоторые депутаты предлагали наделить его такой властью, чтобы он сам мог наказывать или миловать. Фракции типа компартии настаивали на придании ему именно властных функций, хотя демократы говорили, как и вы, в первую очередь о нравственном авторитете.

А.Хиль-Роблес. - Я считаю это основополагающим. Защитник народа не должен превращаться ни в судью, ни в правителя, ни в парламентария. Он должен быть нейтральным, использовать свой нравственный авторитет, не ставя его на службу кому-либо или чему-либо, кроме закона и Конституции, и в этом его сила. И, конечно, он не должен стремиться выполнять функции исполнительной власти, иначе ему придется думать о том, что его решения могут быть

обжалованы, а это уже будет совсем нечто иное. Защитник должен принуждать того, на ком лежит обязанность принимать решения. Кроме этого у него имеется возможность постепенно влиять на систему, менять администрацию, законы и т.д. В этом заключается его великая работа.

А по поводу судей не беспокойтесь: чести судей в Испании ничто не угрожает. Но должен признать, и это один из моих недостатков, что Защитник в итоге становится человеком агрессивным, но ему невозможно не быть агрессивным, ибо этого требует сама постановка вопросов. У меня много друзей среди судей, благодаря чему я до сих пор не попал за решетку, так что не беспокойтесь.

А.Сергеенков. - Я прошу простить меня за надоедливость, но получается так, что человек, занимающий эту должность, должен сочетать бескомпромиссность в отстаивании интересов граждан со способностью находить компромиссные выходы из тяжелых ситуаций.

А.Хиль-Роблес. - Разумеется. Неуступчивость в чистом виде ни к чему хорошему не ведет. Если Защитник чего-то стоит, то только благодаря умению быть посредником. Он посредник, который работает, чтобы избежать серьезного судебного или политического конфликта. Если уполномоченный не в состоянии найти выход, значит, он потерпел поражение. В его задачу не входит одерживать политические победы, кого-то побеждать. Поэтому ему необходимо большое умение вести диалог. И кроме того, ему требуется большое умение четко видеть ситуацию в каждый данный момент, потому что, возможно, решение острой проблемы не удастся найти сегодня, но если договориться, то его можно будет найти через месяц или полтора. И тогда все приходят к соглашению, и дается объяснение гражданину: сейчас это невозможно, потому что в бюджете еще не принята такая-то статья или потому что в настоящий момент невозможно разблокировать данную ситуацию, или что-то в этом же духе. То есть появляется формальный компромисс, не зафиксированный на бумаге, что решение вопроса откладывается на месяц. Если компромисс не достигается, ничего не поделаешь. Но если стороны ведут себя достаточно честно, то моя формула работает. Поэтому, это действительно. Очень важно также, чтобы бюджет расходов службы уполномоченного всегда рассматривался парламентом, а не органом исполнительной власти. Смету расходов аппарата Защитника должен всегда утверждать парламент, чтобы обмудсман был абсолютно свободен.

1 июня 1995 г.

В.Бахмин (Россия)*

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПОЛИТИКА

Работая в последние годы в Министерстве иностранных дел России, я постоянно размышлял над проблемой взаимоотношений прав человека и политики. Попытаюсь поделиться с вами этими размышлениями. Для меня это хороший повод подвести некоторые итоги.

Я пришел на должность “начальника” в российский МИД в январе 1991 года по рекомендации Сергея Ковалева и Владимира Лукина, которые в то время хорошо знали Козырева. Только что родившийся МИД России в тот момент был во многом авангардным по отношению к колоссальной структуре МИДа союзного. В новой структуре была возможность строить что-то заново, это было тогда открыто провозглашено российским руководством. Только возможность “начать с нуля” и сделала для меня возможным участие в работе министерства, представлявшего систему, с которой я боролся, - после двадцати пяти лет правозащитной деятельности, трех арестов и четырех лет лагеря. Должен сказать, что за это время в МИДе изменилось многое, хотя после того, как перестал существовать Советский Союз, новое министерство, которое собиралось радикально перестраивая, фактически влилось в гигантское союзное министерство, и несмотря на смену руководства, де факто в некоторых позициях произошел откат, сказывалось влияние прежнего аппарата.

И все же сделать за эти годы удалось, на мой взгляд, немало. Начну с того, что удалось создать, во всяком случае в нашем департаменте, неплохой по духу, по отношениям между людьми коллектив, который разделяет абсолютно новый подход к проблемам прав человека.

Сдвиги в этой сфере начались еще в союзном МИДе, где впервые в советской истории было создано подразделение, профессионально занимавшееся правозащитными проблемами - Управление по гуманитарному сотрудничеству и правам человека. Сейчас в России уже много таких структур, есть структуры более общие, типа президентской Комиссии по правам человека, есть менее, например,

* Бахмин Вячеслав Иванович, глава Департамента по международному гуманитарному и культурному сотрудничеству, МИД РФ.

Комиссия по гражданству при Президенте Российской Федерации. Появилось много комиссий и комитетов не только на общероссийском, федеральном уровне, но и в регионах, которые впрямую или косвенно также занимаются правами человека. Но МИД был первым. И до сих пор, на мой взгляд, сохранил это лидирующее положение.

В начале перестройки (конец 1986 года), когда Управление создавалось, задача его была, конечно, совершенно определенная - создать нужный имидж на Западе, противостоять той критике в области прав человека, которой подвергался Советский Союз. Но парадокс в том, что именно в это подразделение шли люди, которые, как правило, искренне верили, что прада человека - это то, что необходимо для страны, и пытались добиться чего-то. Несмотря на официальную позицию, которая, скажем так, была очень аккуратна в этом вопросе, именно этим людям удалось много "пробить" уже в то время. Например, под огромным давлением со стороны МИДа еще во времена перестройки был принят революционный и до сих пор действующий Закон о въезде и выезде.

Другим достижением было изменение практики психиатрических репрессий, реабилитация практических жертв таких репрессий, которыми также плотно занималось наше Управление.

Однако первым по-настоящему важным шагом я считаю продемонстрированную нами позицию России на Московской конференции СБСЕ 1991 года. К счастью или к несчастью, незадолго до нее произошел путч, и союзный МИД с удовольствием поддержал все подходы российского министерства. Московская конференция, состоявшаяся сразу после путча, стала в чем-то переломной для СБСЕ, потому что именно там в итоговом документе впервые был зафиксирован тезис, что ситуация с правами человека в любой стране не есть внутреннее дело этой страны. Более 35 стран разделили эту позицию, она была принята единогласно. Это был действительно реальный шаг вперед.

Но главное направление нашей работы (она не доведена до конца не по нашей вине) - это, конечно, федеральная программа действий в области прав человека. Мы готовили ее совместно с ковалевской комиссией. Это программа постепенного изменения ситуации с правами человека в России. Или, другими словами, план того, что и в какой последовательности необходимо было сделать для изменения этой ситуации: конкретные шаги и долговременные программы, рассчитанные, может быть, на три-пять лет.

Программа разрабатывалась по поручению президента и была представлена ему в мае 1994 года, после чего была направлена в Общественную палату при Президенте и там обсуждалась вместе с докладом Ковалева о ситуации с правами человека. Ее высоко оценили, но затем она как-то незаметно исчезла, как бы испарилась в президентских структурах.

Когда начались события в Чечне и под угрозой оказалась процедура приема России в Совет Европы, Ковалев и Козырев вновь предложили президенту вернуться к нашей программе и принять ее, что должно было показать, что Россия остается приверженной демократическим ценностям, правам человека и собирается проводить их в жизнь. Однако на этот раз мы получили письмо от Филатова с просьбой подавать Президенту такого рода документы лишь после соответствующих согласований в министерствах.

Почему я обо всем этом говорю? Потому что проблема с правами человека в России все еще, к сожалению, напрямую зависит от государственной политики. Практика показывает, что если обсуждаются какой-то закон или постановление правительства, связанные с правами человека, то при этом обращаются в том числе и в МИД за экспертизой либо за помощью, консультацией и т.д. Причем это касается не только международных правовых норм, о чем в МИДе знают, конечно, лучше, но и внутренней ситуации. Но вот представьте себе, что в МИД приходит жалоба, что уже существующий закон или постановление где-то нарушены. Это бывает часто. И хотя это не наша функция, мы, естественно, пытаемся что-то сделать, чем-то помочь. Каким образом? Мы запрашиваем необходимую информацию, скажем, из прокуратуры и, получив ответ, в свою очередь ссылаемся на него. Но мы не можем при этом даже проверить, насколько полученная информация соответствует действительности. Не имеем права посылать, например, свою комиссию для проверки. То есть у нас нет никакой возможности реально повлиять на ситуацию в стране. Поэтому часто все ограничивается только перепиской, хотя сам по себе факт такой переписки - особенно за подписью замминистра - для чиновников что-то значит. Но далеко не для всех, конечно. Многие уже поняли, что это ничего не значит. Большинство министерств (особенно, службы безопасности, прокуратура, МВД) просто не хотят сковывать себя каким-то правозащитным контролем, для них это лишняя морока. Поэтому остается один путь - продавливания нашей программы "сверху". Поскольку, если такой документ приходит за подписью президента,

то он рассматривается в министерствах иначе: как руководство к действию.

Таким образом, на практике возникает множество совсем непростых вопросов; с ними сталкиваются, кстати, во всем мире. Или я бы сказал так: даже сегодня практически в любом государстве права человека уважаются и соблюдаются властями лишь до тех пор, пока это не создает угрозу их собственной безопасности. И тем не менее, в условиях стабильности и существования развитых институтов власти нарушения прав человека как бы несущественны. Для стран же нестабильных, с неустоявшимися демократическими институтами это опасно, поскольку такие нарушения нередко носят массовый характер, даже если на словах, а, может быть, и в душе власти привержены правам человека. Во всяком случае, для меня лично Чечня в этой связи стала серьезным испытанием, так как я окончательно понял, что природа власти остается неизменной. Увы, когда речь идет об интересах государства и его безопасности, многие идеальные принципы, в том числе и права личности, отступают для политиков на второй план.

И все же, возвращаясь к началу своего выступления, я хотел бы заметить, что мы были первыми, кто ввел в практику международных форумов элементы самокритики, и эта наша позиция на международной арене повлияла на позицию других государств. Постепенно она стала проявляться в выступлениях представителей таких государств, как Америка, Голландия, Великобритания и т.д. Раньше этого не было. Всегда считалось престижным с пеной у рта отстаивать правильность политики собственного правительства, собственного государства. Теперь же самокритика, хотя и не стала пока общепринятой, но уже произвела некоторую подвижку в умах политиков. Я уверен, что этот процесс будет развиваться.

Повторяю, мы были первыми, кто очень резко заговорил о ситуации с правами человека в самой России на международных форумах. Не говоря уже о том, что мы добровольно пригласили спецдокладчика СБСЕ по пыткам в страну и показали все тюрьмы, которые он захотел посетить - и от которых, кстати, пришел в ужас.

Общественная атмосфера меняется. Я надеюсь, что и в правительстве, и в администрации президента, и в некоторых министерствах, даже в таких жутких, как МВД (особенно в том управлении, которое отвечает за пенитенциарные учреждения), многие действительно искренне хотят изменений к лучшему, в том числе и в области прав человека.

В свое время я пришел в МИД с верой, что проблема прав человека может быть деполитизирована, что к этому надо стремиться. От этого убеждения я не отказываюсь и сегодня.

Вообще-то резолюции, в том числе и на ооновских форумах, носят довольно маргинальный характер. Как правило, они мало влияют на политику государств, скорее политика влияет на эти резолюции, чем наоборот. Но тем не менее, когда принимается резолюция, которая осуждает ту или иную страну, это серьезный психологический фактор. И особенно болезненно к этому относятся всякого рода авторитарные режимы (что, конечно, не меняет их природы) и поэтому они стараются заблокировать подобного рода резолюции. Но я хочу сказать другое. Когда государство только начинает заниматься правами человека, для него это такая же политика, как и все остальное. Здесь неизбежны двойные стандарты. В этом смысле Россия не исключение. За все годы работы в МИДе, единственная резолюция, по которой я бы хотел голосовать не так, как проголосовала Россия, была резолюция по Китаю. Но такова была позиция Москвы, для которой отношения с Пекином были слишком важны. Мы голосовали за обсуждение ситуации с правами человека в Китае (чем китайская делегация была страшно раздражена). Но когда дошло до голосования по существу резолюции, по-моему, очень мягкой и справедливой, мы голосовали против - такова была инструкция. Потому что это было обещано на самом высоком уровне одним президентом другому. И даже Козырев здесь сделать ничего не мог. Это единственное голосование, с которым я по существу был не согласен.

Некоторые правозащитники в этой связи осуждают саму попытку что-то делать в официальных структурах, предпочитая с самого начала принципиально от них дистанцироваться. Это, конечно, позиция чистая. Я не могу ее осуждать. Для меня же с момента прихода в МИД задача состояла не в том, чтобы сохранить чистоту позиции, а добиться каких-то реальных перемен в стране. Я хотел добиться практического результата, того, который мне важен и от которого многое зависит. Поэтому, я считаю, не нужно относиться априорно враждебно к людям из государственной машины. С таким подходом мне было довольно легко работать в официальных структурах. Машина двинулась в нужном направлении, хотя и медленно, зигзагами. И моя задача состояла в том, чтобы помочь этой машине в пределах своего люфта не отклоняться слишком далеко от этого направления.

Я до сих пор не считаю, что курс машины изменился, скажем, на противоположный или совсем ушел в другую сторону. Хотя эти отклонения стали носить более серьезный характер. Чечня — один из ярких показателей такого отклонения. Но уроки чеченской трагедии, надеюсь, позволяют больше таких экспериментов не повторять.

ЭЛИТЫ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

Политическая стабильность, социальная справедливость и экономическая жизнеспособность демократического общества самым непосредственным образом связаны с природой его элит. Термин “элита” появляется в XIX веке. Однако леворадикальные, марксистские способы интерпретации истории и общества почти всегда были по определению антиэлитарными. Все проповедники революции, вне зависимости от того, жили они в XVIII или XX веке, никогда не считали себя элитой. Так, французские революционеры, свергнувшие абсолютную монархию в 1789 году, рассматривали себя в качестве проводников “гуманизма” и универсальных идеалов свободы, равенства и братства, но отнюдь не элитой. И точно так же воспринимали себя их последователи. Маркс же и его сторонники назвали в 1848 году этих “старых” революционеров просто людьми, принадлежащими к буржуазии, то есть классу, находящемуся в процессе исторического исчезновения, на смену которому идет новый класс - пролетариат, чьи моральные ценности будут иметь действительно универсальный характер и чей приход к власти ознаменует собой конец истории. Однако и марксисты, и социалисты начинали выражаться нарочито неопределенно, когда им приходилось объяснять, каким образом пролетариат будет управлять обществом и формировать его руководящие структуры. Все они просто предполагали, что представители рабочего класса, воплощающие опять-таки универсальные ценности, придут к власти и станут править, оставаясь рабочими, то есть между управляющими и управляемыми не будет никакой разницы.

Разработав теорию революционной партии, большевики во главе с Лениным создали куда более ясную концепцию правления “элиты”, которая вам хорошо известна. В качестве авангарда партия должна была править от имени пролетариата, приближая тем самым коммунистическое преобразование всего мира. Таким образом, если проанализировать все левые движения, начиная с 1789 г. по 1991 г., их отношение к элитам было однозначно негативным, поскольку революционерами в принципе не допускалась возможность существования “левых” элит. Ведь вожди революционных движений по

* Пинто Дэна, социолог, доктор исторических наук.

определению неотделимы от “народа”, который они представляют. Порочным результатом такой теории, особенно в ее большевистской интерпретации, стало то, что на практике “авангард пролетариата” превратился в касту, монополизировавшую власть и претендовавшую на все более масштабные привилегии. Поэтому, я думаю, далеко не случайно, что именно в Советском Союзе на протяжении его семидесятилетней истории систематически уничтожались все альтернативные элиты.

Теория элит возникла в конце XIX века как реакция консервативной политической мысли на идеологию марксизма, а затем и коммунизма. Главными ее теоретиками были итальянец Гаэтано Моска, швейцарец Вильфредо Парето и ученый Роберто Михельс германо-итальянского происхождения. Эти мыслители были не просто политическими консерваторами. Они были убеждены в возможности научного анализа политики, поскольку политической жизни внутренне присущи свои закономерности и тенденции. При этом одну из главных задач науки о политике они усматривали в разоблачении концепций Маркса, которые, с их точки зрения, являлись не более чем привнесением философского романтизма в историю. Настаивая на том, что элиты существовали во всех человеческих обществах и, более того, что любые объединения людей обязательно выдвигают какую-то группу лиц на руководящий “верх”, они наносили тем самым удар по жизненному нерву леворадикальных воззрений. В противовес революционным и мессианским историческим теориям леворадикалов, создатели теории элит утверждали, что в истории не может быть революционного разрыва с наследием предшествовавших режимов или с существовавшей до революции социальной организацией общества. Ибо даже в том случае, если леворадикалы придут к власти, они сформируют свою собственную элиту, поскольку элиты - “постоянная величина”, характерная для всех обществ, начиная от наиболее диких и жестоких и кончая современными.

Так, Гаэтано Моска выдвинул концепцию, согласно которой элиты являются перманентным и жестким стабилизатором жизни общества. Ни один режим не может обойтись без элиты. Другие ученые (и прежде всего Парето) считали, что сами элиты подвержены изменениям. Они говорили даже о “циркуляции элит”, а впоследствии описывали, каким образом политические партии могут включать в себя конкурирующие элиты, которые объединены стремлением к власти (Михельс). Всем концепциям подобной

“циркуляции” было присуще убеждение, что старые элиты, ослабев и разложившись, заменяются новыми, которые берут на себя функции прежних. Как мы видим, такая интерпретация очень близка к дарвинизму. С точки зрения леворадикалов, пролетариат, осуществляя революцию, должен прийти к власти “навечно”, тогда как по мнению теоретиков элит такое розовое будущее никогда не наступит, поскольку никогда не удастся преодолеть пропасть между управляющими и управляемыми.

Итак, теория элит, сформулированная почти исключительно в политических терминах, была по своей сути политически консервативным, пессимистическим (с моральной точки зрения) и сугубо научным учением. Философское основание этого учения лучше всего передает французская поговорка: “Чем больше перемен, тем больше все остается по-старому”. Так как реальные перемены происходят медленно. Правда, некоторые “родимые пятна” теории элит, воспринимаемой в качестве малоприятной научной дисциплины, проявляются и сегодня. Современная демократическая мифология отторгает, где-то неосознанно, эту теорию, не желая предоставлять ей должное место в пантеоне своих идей и символов. В сравнении с такими абстрактными понятиями, как “народ”, “граждане” или “избиратели”, концепция элит вызывает куда меньшую симпатию. В самом понятии “элита” видят отделенность от остального человечества, непохожий на других образ жизни и, прежде всего, привилегированность, словом, все то, что воспринимается, как противоположное демократии. Считается, люди боролись за свободу, равенство, справедливость и лучшие условия жизни не для того, чтобы ими управляли “элиты”, хотя на практике при отсутствии такой элиты ни одна из названных выше целей не может быть достигнута. В лучшем случае элиты рассматриваются как необходимые социальные механизмы, в худшем - как инородное тело в политической жизни общества, но в любом случае их не считают “сущностным” понятием из словаря демократии. На функциональное значение элит порой нарочито не обращалось никакого внимания. И это не случайно. Поскольку понятия равенство и индивидуализм, являющиеся высшими ценностными приоритетами современной демократии, с большим трудом сосуществуют с термином “элита”.

И все же, либералы, а затем и социал-демократы мало-помалу научилась примирять понятия “элита” с идеологией открытого и плюралистического общества. И если ученые-политологи “доказали”, что элиты были, есть и будут, то задачей демократии стало включение

их в свои эгалитарные и либертарные структуры, открыв дорогу талантливым людям из всех, даже наименее привилегированных слоев общества. Современные элиты отличаются от элит авторитарных обществ тем, что им присущи динамизм, непрерывная подвижность, а их структурам - разнообразие и открытость. Однако, доказав свою необходимость, им в свою очередь пришлось трансформироваться, превратиться в разнородную мозаику. В этом они стали резко отличаться от прежних достаточно замкнутых и монолитных господствующих классов. Одним словом, демократические общества признали, что элиты являются неотъемлемой частью социальной жизни, видоизменив их "по своему образу и подобию". Сторонники социального равенства, индивидуализма и плюрализма действуют через образовательную систему, где исповедуемые ценности становятся мощным фактором отбора людей в демократическую элиту, когда происхождение человека становится все менее значимым. Какими же качествами должны обладать элиты в идеальной модели демократического общества? Прежде всего, они должны быть плюралистическими, а их авторитет должен исходить из различных источников, хотя они призваны выполнять, в сущности, параллельные задачи, а также быть в равной мере ответственными перед законом. Ни одна элита не имеет права осуществлять неограниченную власть над какой-либо другой элитой. Политические лидеры, парламентарии, высший слой чиновничества, административные власти, судьи, офицерство, духовенство, предприниматели, верхушка управленцев, интеллектуалы, ученые, доктора, юристы, представители средств массовой информации, деятели профсоюзов и местной власти, наконец, представители различных профессиональных групп обязаны выполнять свои функции в обществе и государстве, не располагая особыми правами и политическими привилегиями.

Элиты должны взаимодействовать друг с другом, не находясь при этом в структурной зависимости друг от друга, поскольку их профессиональный статус и легитимность исходят как от общества, так и от государства, и не должны зависеть от политического режима, находящегося у власти. Здоровый способ функционирования элит должен обеспечивать максимально возможный уровень их вертикальной мобильности (внутри каждой элиты) и одновременно горизонтальной (между элитами). Лишь это способно предохранить их от кастового окостенения.

Элиты не должны располагать особыми привилегиями. В демократическом обществе представители различных элит должны

оставаться простыми гражданами. Они должны платить полагающиеся налоги, исполнять свои гражданские обязанности и не претендовать на особое знание, недоступное другим смертным. В своей профессиональной деятельности их представители не должны вторгаться в сферу чужих полномочий. Например, политики не могут вмешиваться в работу судей, судьи должны стоять в стороне от политики, журналисты и предприниматели - должны оставаться независимыми от политической власти, а доктора и юристы не должны участвовать в тайных сделках и иметь причастность к коррупции.

В силу своей простоты подобная теория подкупающе красива. Однако в условиях демократии невозможно уйти от постановки практического вопроса. Каким образом можно примирить разные социальные роли с ключевой установкой, согласно которой принадлежащие к элитам индивидуумы могут свободно перемещаться в обществе, ставя свои таланты на службу общему благу посредством политических акций в рамках государственных структур?

Этот вечный и важнейший вопрос преследует все демократии, начиная от давно установившихся и кончая появившимися совсем недавно. И на него не существует простых и однозначных ответов, о чем свидетельствуют непрекращающиеся скандалы, сопровождающие политическое и экономическое развитие западного мира. Каждая страна вынуждена самостоятельно искать решение этой дилеммы. Поэтому постараемся определить некоторые общие принципы. Элиты должны взаимодействовать, но одновременно сохранять между собой дистанцию. Иными словами, между ними могут существовать как мосты, так и барьеры. Лишь здоровый демократический контекст помогает взаимодействию элит, направляя их деятельность в сферу общих интересов. Важно лишь, как я уже сказала, не попадать в зависимость, не вмешиваться в сферы полномочий друг друга. То есть элиты не должны нарушать складывающиеся или уже существующие границы. Задача демократии состоит в том, чтобы помогать формированию именно таких границ между различными видами деятельности государства и частного сектора. Эти границы можно сравнить с дверью-вертушкой, проходя через которую представители различных элит поочередно сменяют друг друга у власти. Другими словами, через дверь-вертушку люди переходят границу сами, но они не вправе, покидая государственные должности, пользоваться прежней властью, особыми правами и привилегиями. Конечно, все это куда легче сказать, чем сделать, однако без четкого теоретического

осмысления того, как это должно происходить в принципе, описанный выше механизм никогда не заработает.

Попытаюсь показать это на двух примерах.

Единой модели рекрутирования элит в демократическом обществе не существует. Хотя различные страны исходят из основополагающего принципа равенства всех граждан, согласно которому происхождение и богатство индивида не играют заметной роли при восхождении по социальной лестнице, в них действуют разные модели формирования элит. Посмотрим, как это происходит, в частности, во Франции и в США. Эти два старейшие западные демократии, появившиеся на свет благодаря революционному разрыву с прошлым, создали две весьма отличные друг от друга модели, воплощающие, так сказать, принципы демократической меритократии. Исходя из классического противопоставления гражданского общества и государства, Франция формирует государственную элиту, обособляя ее от общества, тогда как в США элиты, сформировавшиеся внутри гражданского общества, затем время от времени приобщаются к государственному управлению. Причины и результаты такого исторически обусловленного выбора заслуживают более пристального рассмотрения.

Я думаю, вам известно, что исторически государство во Франции выступало в качестве средоточия и высшего выражения французской нации и общества. Правящий слой высшего чиновничества здесь традиционно рекрутировался из дворян и весьма эффективно управлял государственными делами. Но французская революция, по мнению Токвиля, привела к перестройке французского государства “из кирпичей старого порядка”. Могущественное государство, сформировавшееся при старом порядке, было сохранено, но доступ на государственную службу был теперь открыт для всех французов, которые проходили отбор в соответствии с критериями интеллектуальной меритократии. Для обеспечения полного равенства граждан и отбора на государственную службу лучших республиканское государство создало своего рода меритократическую знать. В большинстве стран образование рассматривается как мощный двигатель процесса обновления элит, однако в современной Франции эта точка зрения приобрела почти религиозное значение. Чтобы попасть в особо престижные институты, выпускники которых формируют правящую элиту, абитуриенты проходят жесткий конкурсный отбор на вступительных экзаменах. Зато все поступившие в эти престижные высшие школы впоследствии попадут в состав

высшего слоя управленцев, причем работа им гарантирована фактически пожизненно. Итак, благодаря рвению в учебе, проявленному в юности, эти люди затем в течение десятилетий занимают руководящие посты, а значит, приобретают элитарный статус, поскольку государственная служба всегда воспринималась во Франции, как наиболее престижная сфера деятельности.

Естественно, французское государство отбирает и обучает лучших из лучших для пополнения ими государственной элиты, однако делает оно это на основе таких критериев, которые способствуют формированию однородной и конформистской касты. Оно отбирает тех людей, которые соответствуют определенным стандартам, предоставляя им затем высокий социальный статус. Представители государственной элиты могут переходить в другие элиты французского общества. Так, высшие чиновники зачастую заканчивают свою карьеру на хороших постах в частном секторе, которые щедро вознаграждают их за опыт и связи в госаппарате. Все чаще частные французские компании “выкупают” выпускников престижных ВУЗов еще задолго до того, как те отработают на государственной службе обязательный срок в десять лет за полученное ими образование.

На первый взгляд подобная система формирования элиты кажется безупречной. Государство рекрутирует свою элиту из гражданского общества анонимно, без учета расы, пола, религиозных, социальных или географических корней во имя торжества общего интереса. И действительно, в сравнении с другими странами Франция располагает государственной элитой с безупречным поведением, элитой, которая вплоть до недавнего времени не была запятнана коррупцией или скандалами.

Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что французская система формирования элиты, с точки зрения идеалов плюралистической демократии, страдает органическими пороками. Во-первых, здесь на границе между гражданским обществом и государством не существует “вращающихся дверей”. Правда, высшие государственные управленцы могут занять важные посты в гражданском обществе, однако в обратном направлении движение практически отсутствует. Опытные представители гражданского общества, будь то промышленники и предприниматели, профсоюзные деятели, юристы и др. не могут подняться на высшие уровни государственной иерархии. Французское государство фактически монополизировано собственной государственной элитой.

Отметим, что выпускники престижной Национальной школы администрации все больше сосредотачиваются на политической карьере. Используя свой элитарный статус, они чаще одерживают победы в избирательных округах, фактически прибирая к рукам руководство политической жизнью Франции. Подобный процесс весьма опасен для дальнейшего сосуществования в стране параллельных, но независимых друг от друга элит, что является непременным условием открытости демократического общества. Представители высшего слоя легко проникают во все сферы экономической, общественной, политической и государственной жизни Франции, по-прежнему располагая привилегиями и покровительством государства. В результате французская система формирования элит плодит некомпетентных директоров и высших управленцев, которые не справляются с возложенной на них ответственностью, но при этом избавлены от конкуренции на свободном профессиональном рынке. Во Франции на практике формируется слой пожизненных правителей страны, которые правят ею из своих кабинетов, сосредоточенных на нескольких улицах Парижа. В итоге Франция имеет высокообразованную элиту, представители которой всю свою жизнь остаются “пай-мальчиками”. Они прекрасно справляются с текущими делами, но не обладают личным мужеством и инициативой, которые необходимы в момент кризиса. (Как, например, во время событий в Париже в мае-июне 1968 г.). Не случайно во Франции этих людей называют “номенклатурой”, - ведь их связи с обществом и понимание нужд общества оставляют желать лучшего.

И все же нельзя утверждать, что французская элита формируется недемократическим путем. Ведь теоретически каждый гражданин имеет равные возможности подняться наверх. Сила таких меритократических представлений перевешивает реальные факты неэффективного управления и злоупотреблений.

Формирование французской элиты ограничено жесткими временными рамками. Лишь однажды в жизни, сразу после окончания средней школы можно попробовать поступить в престижный институт. У провалившихся нет “второго шанса”, так что окончательный приговор над будущим молодого человека произносится тогда, когда он еще совсем незрел. Последствия такой традиции ощущаются во Франции все больше по мере того, как выясняется, что стране не хватает динамичных элит, способных на риск и новизну.

По сравнению с Францией, в США формирование элиты происходит в соответствии с критериями, совершенно противоположными французским. Здесь гражданское общество управляет государством, которое рассматривается как совокупность высших управленческих функций. В Америке нет единой, опекаемой государством элиты. Здесь существует много источников формирования элит и нет четко определенной иерархии. Своего рода эквивалентом французского высшего управленца здесь является юрист, так как люди, принадлежащие к этой профессиональной группе, имеют все необходимые навыки для того, чтобы преуспеть как в структурах гражданского общества, так и в государственных структурах, чаще всего - в качестве законодателей. Юристы играют важную роль во всех сферах американской жизни, но и они не могут претендовать на принадлежность к касте "избранных".

Американские элиты крайне неоднородны и децентрализованы. Поэтому пополнение их рядов является исключительно сложным процессом. Принадлежность к той или иной элите вовсе не является чем-то раз и навсегда данным: статус представляет собой переменную величину, изменяющуюся во времени, и зависит от того, как он учился. В Америке при пополнении ряда элит жизненный опыт человека, его достижения по работе и личные качества значат не меньше, чем формальные успехи в образовании. Не существует здесь и возрастных критериев. Американцы могут переиначивать свою жизнь снова и снова, начинать новую карьеру в возрасте за 30 или даже после 40 лет и при этом сохраняют возможность выбиться наверх на вновь избранном жизненном пути.

Громадным является отличие от Франции и в плане использования системы высшего образования для рекрутирования различных элит. В США также имеются особо элитарные университеты, такие, как Гарвард или Йель, однако нельзя ставить знак равенства между ними и престижными ВУЗами Франции. Американские университеты ориентированы на нужды гражданского общества; их задача - отобрать и подготовить лучших и наиболее способных к деятельности в открытом демократическом пространстве, а не в замкнутом пространстве государственных структур, вознесенных над обществом. Выпускник американской высшей школы может выбрать государственную карьеру, однако она совсем не случайно называется "правительственной службой". Это означает, что ему предстоит служить на ней своим согражданам, а не "государству". Такая карьера не рассматривается как нечто особо приви-

легированное; она является одной из множества профессиональных карьер, и чаще всего на “правительственной службе” задействованы люди с опытом работы в частном секторе. Более того, преуспевающий юрист, поступая на государственную службу, вынужден согласиться с существенным сокращением своих доходов; в США, в отличие от многих других стран, принадлежность к государственным структурам делает его беднее, а не богаче. И, пожалуй, нигде в другой стране не используется столь активно эффект “двери-вертушки”, обеспечивающий взаимодействие различных элит. Неудивительно поэтому, что именно в США создана наиболее изощренная система барьеров и фильтров, регулирующих взаимодействие элит, и суровых санкций в отношении тех, кто, переходя из одной элиты в другую, разглашает “внутреннюю информацию”.

Принципы формирования персонального состава американских элит существенно отличаются от тех, которые приняты во Франции. В США при приеме студентов в ведущие университеты учитываются не только их академические способности. И если вступительные экзамены во Франции проводятся на строго анонимной основе, в Америке важным фактором, определяющим поступление в университет, является личность будущего студента. При этом учитываются не только его знания и дарования, но и жизненные интересы, будь то даже занятия спортом или музыка. Весьма благоприятно оценивается его опыт общественной работы или активность в молодежных организациях. Итак, при приеме абитуриента учитывается вся совокупность факторов: учебная подготовка, общая культура, социальная активность, но прежде всего, его способность проявлять личную инициативу и наличие у него творческого начала.

Американские университеты стремятся к тому, чтобы их студенты представляли все слои американского общества. Иными словами, они хотят обеспечить представительство всех слоев и групп на основе географического, полового, этнического, религиозного и культурного критериев. Словом, ведущие университеты США стремятся к тому, чтобы их студенческая среда представляла собой квинтэссенцию творческой энергии всего общества. Философское обоснование подобных методов формирования элит целиком отличается от французского подхода.

Но, пожалуй, самым существенным отличием является то, что в США даже дипломы об окончании наиболее престижных университетов не гарантируют постоянной работы и прочного общественного положения. Такие дипломы служат своего рода

входными билетами на широкое жизненное поприще. Однако на этом поприще человек может достичь вершин, даже если он никогда не получал университетского образования. Итак, французская элита рекрутируется из лиц, овладевших статичной суммой знаний, что гарантирует им пожизненно высокое социальное положение. Американская система формирования элит основывается на постоянно изменяющихся требованиях к практическому опыту и профессиональному динамизму. Результатом такого подхода является то, что в США индивидуальная и групповая принадлежность к элитам не является чем-то раз и навсегда данным и гарантированным.

Однако не следует считать, что американская система формирования элит воплощает в себе идеал плюралистической демократии. У американской системы также имеются свои недостатки. Американское общество становится все более многокультурным. Правительственные структуры, образовательная система, деловой мир и все формы организации местной жизни испытывают на себе все большее давление требований “равного гарантированного представительства” различных половых, этнических, расовых и религиозных групп, что должно компенсировать социальную слабость различных меньшинств, расширив их присутствие в политике. Несомненно, в своей основе такие намерения являются благими, однако на практике их реализация может иметь результаты, противоположные искомым. Так, почву для возникновения различных комплексов и недоразумений создает неизбежная мысль о том, что представитель меньшинства, принятый в престижный университет, а затем занявший видное место в обществе, обеспечил свое выдвижение наверх не только собственными трудами и способностями, так как критерии отбора применялись к нему не столь жестко, как по отношению к белому мужчине.

Другим недостатком такого подхода является то, что представители меньшинств оцениваются на основе упрощенных, стандартных категорий, что не позволяет учитывать всю индивидуальную сложность человека. Достаточно определить себя, как женщину, “цветного” или гомосексуалиста. Но разве такая идентичность исчерпывает человеческую личность? И все же, при получении работы по линии компенсационных трудовых квот, факт принадлежности к такого рода группам играет важную, порой решающую роль.

В контексте данных рассуждений целесообразно вернуться к рассмотрению французской модели формирования элит, до сих пор отказывающейся учитывать какие-либо индивидуальные или груп-

повые особенности. И это не случайно. Ведь со времен якобинцев французская политическая мысль не признает самого понятия “меньшинства”. Вот почему французы африканского или арабского происхождения, поступившие в элитные высшие школы, не пользовались при поступлении никакой особой поддержкой со стороны государства. (Их прием осуществлялся единственно на базе учета их личных способностей, без использования каких-либо квот). Выдвинувшись в ряды французской элиты, эти представители иммигрантских меньшинств Франции становятся положительным примером для новых поколений арабских или африканских иммигрантов. При этом ни государство, ни общество не предназначают их специально к роли “образца для подражания”, а сами они не воспринимают себя как представителей особых групп интересов.

И наоборот, в США их тут же начнут использовать для демонстрации успехов в деле демократизации процесса формирования элит и предложат им искать талантливых молодых людей в своей группе меньшинства.

Подобное различие обусловлено опять-таки тем, что американские элиты отражают процессы, происходящие в гражданском обществе, тогда как французские элиты формируются под воздействием собственно государственных потребностей, отчего они не могут быть проводниками различных интересов и нужд французского общества.

Французская и американская модели формирования элит являются двумя полярными ярко выраженными типами. Необходимо, однако, бегло остановиться на главных особенностях иных западных моделей элит. Великобритания в этом смысле может быть выделена в самостоятельную категорию, поскольку она единственная среди европейских держав не знала исторически значимых поражений, вторжений на свою территорию и революционных переломов в своей современной (после XVIII века) истории. В результате Великобритания оказалась единственной страной, где демократия органически выросла из феодализма, где не к чему было применить понятие “старый режим” и, следовательно, не существовало проблемы смены элит. Права и привилегии здесь органически вытекают из Великой Хартии Вольностей 1215 г., которой король даровал вечные права английскому дворянству. С тех пор эти права распространились на все большие слои населения. Оксфорд и Кембридж по-прежнему являются центрами формирования британских элит, но принципы их

пополнения со времен войны подверглись глубоким изменениям в весьма прагматическом духе. Почтенный институт public schools (на самом деле весьма привилегированных частных заведений) больше не является обязательным условием для попадания в элиту. Британские деловые элиты очень часто формировались “в домашних условиях”, иными словами, в структурах банков и страховых компаний, пренебрегая дорогой через Оксфорд и Кембридж (вместе именуемых “Оксбридж”). Наряду с исторически сформировавшейся верхушкой среднего класса, в Британии по-прежнему существует аристократия, но ни одно из этих сословий не имеет монополии на власть. Перечень послевоенных премьер-министров отлично демонстрирует произошедшие демократические перемены. Энтони Идена (классический продукт частного колледжа в Оксфорде) сменили гораздо более “пролетарские” фигуры. Главным условием продвижения было обучение в частной школе и традиция Оксбриджа (многие кончали простые британские университеты). Нынешний премьер, Джон Мэйджор, не воспользовался ни одним из традиционных путей проникновения в элиту, существующих даже в самых открытых демократических обществах. Таким образом, исторически сформировавшиеся в Британии элиты сосуществуют во все более открытом обществе, которое, учитывая вливающих в него эмигрантов, начинает напоминать американское многообразие культур. Специфика Британии усугубляется еще и тем, что это старейшее (наряду с Францией) национальное государство всегда весьма прагматически управлялось элитами, сохранявшими органический контакт с обществом и его местными демократическими установлениями.

Германия уникальна в противоположном смысле. Страна, подведенная к грани уничтожения собственным милитаризмом, оказалась способной воссоздать себя из обломков благодаря военной оккупации западных союзников и прежде всего благодаря американцам, которые заложили основы политического устройства Германии на принципах федерализма. Поэтому неудивительно, что в новой послевоенной реальности факультеты права стали полигоном для подготовки новой политической элиты. Это напоминает Соединенные Штаты, хотя Германия и не превратилась в общество “двери-вертушки” скорее всего потому, что традиции государственной службы укоренились в ней слишком прочно. Новые политические элиты Германии выросли на почве национального унижения и одной из самых мягких оккупационных систем в истории (в западных секторах). Во времена “холодной войны” многие

элементы элит нацистского времени были вновь пущены в дело, особенно в экономической области. Мораль заключается в том, что даже враги демократии могут быть действительно реформированы при условии, что у них будут введены достаточно устойчивые начала демократического общества. Другими словами, элиты могут быть преобразованы. Они вовсе не должны быть отброшены за ненадобностью. Так, в Восточной Европе ряд групп коммунистической элиты был эффективно преобразован в аппарат капиталистического управления. Все сказанное применимо и к постфранкистской Испании, где технократические элиты прежних времен были использованы в новых условиях демократии.

Третьим весьма показательным случаем является Италия. Со своей слабой послевоенной государственной системой, сильными и экономически динамичными северными регионами в сочетании с застывшим и коррумпированным Югом, эта страна может быть наиболее интересна в российском контексте. Первый из возможных уроков для России заключается в том, что в мягко говоря неидеальных демократических режимах при слабом государстве элиты часто живут своей собственной жизнью, слабо зависящей от породивших их режимов. С концом фашизма в Италии сменилась политическая система, и она стала демократическим государством. Большинство групп элиты, ранее бывших основой административной и судебной системы, тем не менее еще добрых два десятка лет продолжали существовать, несмотря на фашистские убеждения, и тем самым размывали провозглашенную демократию или, по крайней мере, серьезно ее компрометировали. Эти элиты “фашистской формации” должны были, тем не менее, вживаться в новый современный и динамичный демократический контекст, который в свою очередь породил собственные экономические, социальные и культурные элиты. Результатом явилось сосуществование многочисленных и играющих различные роли элит, которые исповедовали весьма несхожие этические и политические убеждения. Если к этой какофонии добавить еще и присутствие мощной контрэлиты - мафии, становится понятно, почему пример Италии должен быть тщательно изучен в России.

Важно подчеркнуть, что потребовалось несколько десятилетий для превращения элиты итальянской судебной системы в действительно демократическое сообщество. Лучшим доказательством демократических перемен служит число судей, занимавшихся расследованием дел о коррупции и мафии и убитых теми, чье

могущество они ставили под угрозу. К этому можно добавить и журналистов, подвергшихся насилию в семидесятые годы. Проследите за дулом пистолета убийцы и вы увидите, откуда в нарождающихся демократиях исходят импульсы демократического развития. В Италии мафия, несомненно, подкупала представителей экономических и политических структур, стараясь манипулировать ими. Уже десятилетия демократически настроенные судьи пытаются проследить за нитями, подтверждающими союз между мафией и ключевыми политическими партиями и политиками. Трудно сказать, насколько эти усилия оказались успешными, поскольку главные процессы по делам политиков и мафиози еще впереди. Если они состоятся и принесут результаты, итальянцам останется только радоваться победе демократического государства. Пока же они сталкиваются с проблемой государства, которое не может контролировать общество и заслуги которого объясняются скорее строгими нормами, навязанными Европейским Сообществом, чем его собственными усилиями.

Навязывать пример чужой страны бесполезно, но как человеку, ни в коей мере не являющемуся экспертом в российских делах, мне кажется, что Россия может обнаружить для себя нечто полезное в каждом из перечисленных. Размеры России и будущие федералистские принципы ее устройства могут обеспечить формирование параллельных элит на американский манер, однако сила американских элит заключается в их родовой связи с гражданским обществом, формирование которого всегда было слабым местом развития России. Как, к примеру, поступит Россия со своими многочисленными этническими меньшинствами и национальными республиками? Склонится ли она к французской или к американской модели формирования элит, отражающих коллективное самосознание?

Россияне, без сомнения, обнаружат в своей собственной исторической традиции многие западни, таящиеся во французской модели государственной службы и ее тенденции к превращению в закрытую систему номенклатуры. Между тем, было бы полезно сохранить некоторые из французских принципов корпоративности государственных служащих, отделенных от перипетий гражданского общества. Это особенно верно для высших сфер российского государства, которое должно усилить свою административную власть именно потому, что она ограничивается новыми федеральными структурами.

Пример британского сосуществования элит различного исторического происхождения, по-видимому, настолько исключителен, что не может быть предложен для подражания. Однако неплохо воспринять дух терпимости и открытости высших слоев элиты в условиях демократизирующегося общества. Напротив, русским надо внимательно приглядеться к процессу децентрализации послевоенной немецкой бюрократии и резкого сужения ее полномочий на уровне земель. Преодоление рефлексов авторитаризма, восходящих не только к нацистским временам, но и к старой прусской традиции, было достигнуто не только через оккупацию, но, главным образом, в итоге слома мировоззрения целой касты и выработки у нее прагматического взгляда на мир.

Россия может извлечь урок и из медленного процесса формирования демократических элит в послевоенной Италии, прежде всего в судебной области. Размеры России могут облегчить рождение необычайно важных для страны параллельных элит (и контрэлит), которые потом могут быть противопоставлены друг другу на благо демократии, если только правила политической игры будут лучше определены (и соблюдены).

Продажность элит - постоянная опасность, с которой сталкиваются все общества. В этой связи полезно вспомнить несколько простых истин. Элиты могут быть коррумпированы, либо сами стать источником коррупции. В первом случае на ум приходят финансовые скандалы, за которыми стояли нелегальные выплаты за оказанные услуги как на государственном уровне, так и в рамках гражданского общества. Во втором речь идет о выходе элит за пределы их законных властных полномочий в ту сферу, где их влияние не было предусмотрено. К этому можно добавить, что технократия повсюду вторгается в собственно политический процесс, не говоря уже о власти организованных интересов бизнеса. Здоровые демократические элиты должны заботиться о расширении поля демократического консенсуса и власти, а не о превращении его в узкую тропинку, посещаемую исключительно профессиональными интересами.

Что касается коррупции, то с этой чумой могут совладать только три силы. Первая - это, конечно, же, пресса, поскольку только журналисты могут проводить репортерские расследования, добиваться результата и представлять его правительству и публике. И все же, власть прессы ограничена. Если в стране нет жизнеспособной системы судопроизводства, которая может продолжить начатое

прессой дело, применить закон и довести виновных до суда, все журналистские доблести послужат лишь созданию ненормального общественного мнения, взывающего к борьбе с коррупцией методами крайне правого толка. Система судопроизводства является, таким образом, жизненно важным оружием для любого здорового демократического общества, стремящегося к нормальному функционированию своих элит. Однако я бы особенно хотела подчеркнуть важность еще одной силы - общественного мнения. Коррупция поражает не только элиты. В действительности она коренится в самых низших слоях общества, и ее типичным примером бывают действия гражданина, который хочет заплатить за то, на что он и так имеет право, к примеру, за обычную бюрократическую процедуру, или стремится повлиять на принятие решения. Коррупция, как плющ на дереве, не может жить, если не укоренена в почве общества, постепенно поднимаясь до высших кругов элит. Она может быть остановлена, только когда "маленькие" люди отдадут себе отчет в ее губительности и нарушат окутывающее ее молчание, выступив с протестом на самом низком, бытовом уровне. Это был самый важный урок, который нам преподала борьба с итальянской мафией. Она должна была начаться в домах самих сицилийцев, в церковных приходах, школах и жилых кварталах. Власть прессы и закона окажется бессильной, если обычные граждане станут пожимать плечами и полагать, что с раковой опухолью коррупции ничего не поделаешь. Это урок, который постигает сейчас Франция, где судьи отстаивают свои права перед лицом укоренившегося высокомерия французского государства и его административных элит. Задачи, стоящие в этом смысле перед Россией, огромны, но их разрешение должно начаться с осознания того, что граждане не просто имеют права, но что им принадлежит главная роль в осуждении коррупции, которая исходит от элит и которой они сами подвержены. С этой точки зрения не может быть более опасной коррупции, чем та, что поражает людей, платящих за сданный экзамен, удостоверение или диплом, ибо она подрывает саму основу формирования демократических элит еще до того, как они создаются.

В нашем все более взаимосвязанном мире элиты не могут формироваться вне международного контекста. Престижные университеты в Соединенных Штатах, "мозговые" исследовательские институты, фонды, курирующие программы для молодых и перспективных национальных лидеров, программы обмена и курсы

повышения квалификации накладывают добавочный отпечаток на облик элит.

Подобный международный контекст может, однако, действовать двойственно. В своем самом возвышенном выражении он способствует складыванию новых демократических элит, предоставляя им доступ к новым идеям, контактам, связям и важным политическим навыкам, при помощи которых они будут в состоянии бороться с застойными явлениями в своей внутренней жизни. Подобная международная поддержка может быть действенной и в новых условиях, где демократически настроенный правящий класс нуждается в поддержке при формировании будущих элит. Одним из примеров успешного функционирования программы формирования элит был зальцбургский семинар, учрежденный после войны с целью сближения молодых лидеров Европы и Соединенных Штатов. Его задачей было создание связей между ними и выработка общего демократического подхода к действительности. Семинар оказался эффективным, и трансатлантическая элита сформировалась в подобном контексте. Московская школа политических исследований должна двигаться в схожем направлении, способствуя созданию демократической структуры для новой России.

Однако не следует заблуждаться: существует и второй, гораздо менее приемлемый тип международного формирования элит. Он заключается в предоставлении дополнительного уровня привилегий (путешествия, выгодные деловые контакты, доступ к влиятельным людям) уже достаточно привилегированным членам элит, которые сознательно игнорируют свойственные демократии ограничения и ответственность. Важно понять, что оба эти варианта элит могут одновременно присутствовать в международных контактах. Щедрые и стремящиеся принести пользу, международные организации из-за собственного безразличия или невнимания нередко способствовали формированию ложных элит под лозунгами свободного предпринимательства, стремления к современности и политическому плюрализму. Требуется постоянная бдительность всех заинтересованных сторон, чтобы бороться с этим злом, поскольку коррупция может поразить всю национальную политическую среду.

Быть членом элиты - это не привилегия, а ответственность. Здесь требуются постоянное внимание к собственному поведению, осознание границ своей власти и, прежде всего, чувство ответственности перед согражданами. Битва за эти ценности не имеет

конца. Она должна возобновляться каждый день, ибо опасности и соблазны присутствуют всегда.

Для тех из нас, кто верит в Московскую школу и в ее возвышенное стремление постоянно способствовать углублению демократического сознания и диалога внутри российского государства и нарождающегося гражданского общества, две вещи не подлежат сомнению. Мы, иностранные “эксперты”, страстно преданы делу создания новых ответственных и открытых демократических элит в Российской Федерации. Однако мы не позволим превратить себя в международные “вишенки” на верхушке взбитых сливок новой русской номенклатуры, купающейся в привилегиях ложно понятых демократических принципов. Будущее России в ваших руках. Не разбазарьте его.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю.....	3
Обращение Э.Геллнера.....	4
Preface.....	5

ТРАНСФОРМИРУЮЩАЯСЯ РОССИЯ И ЗАПАД: выступления и дискуссии

Д.Моиси.	Что я думаю о Европе и России	6
	Дискуссия.....	12
К.Оффе.	Транзитология: особенности переходного периода	21
Е.Кожокин.	Центральная и Восточная Европа.....	31
	Дискуссия.....	33
Ш.Уильямс.	Восточная Европа: надежды и разочарования реформаторов.....	46
	Дискуссия.....	55
Р.Бретуэйт.	Россия и Совет Европы.....	69
Ж.-Л.Лоран.	Россия сама сделает свой выбор	75
М.Мертес.	Просвещенный патриотизм и национализм.....	81
В.Лукин.	О внешней политике России.....	89
	Дискуссия.....	94
А.Салмин.	Россия в ожидании политического воплощения: нация, государство, федерация	103
П.Розанваллон.	О государстве-нации	110
Ю.Сенокосов.	Между демократией и патриотизмом.....	113
Ф.Фюре.	Зависимость от имперского прошлого.....	117
П.Аснер.	У нас общие проблемы.....	120
О.фон Габленц.	Национальная идентичность и европейский опыт	123
	Дискуссия.....	130
Э.Геллнер.	Россия, Европа и Просвещение	139
А.Хиль-Роблес.	Испанский опыт перехода к демократии	149
	Дискуссия.....	160
В.Бахмин.	Права человека и политика	170
Д.Пинто.	Элиты в демократических обществах	176

ANNOTATED CONTENTS

- Dominique MOISI** (France), deputy director of the French Institute of International Relations, editor-in-chief, *Politique Etrangere*, discusses the security dilemmas faced by both Russia and Western Europe and prospects of rapprochement of “East and West”. 6
- Claus OFFE** (Germany), professor of the Center for Social Policy Research of the University of Bremen, gives an introduction to “transitology”, as a special discipline of political science dealing with the specific features of the countries transferring from Communism.21
- Evgeny KOZHOKIN**, Director of the Institute for Strategic Studies in Moscow reviews the impact of post-communist transformation on the relations between Russia and states of Eastern and Central Europe, and attempts to make a generalization of experiences drawn by these countries in the process of transition.31
- Shirley WILLIAMS** (UK), Professor of Harvard University, analyzes the lessons of democratization and evolution of new statehood in the states of Eastern and Central Europe, and shares her thoughts about Russia’s current and future performance in similar processes.....46
- Rodric BRAITHWAIT** (UK), former UK Ambassador to Russia, looks at preconditions for Russia’s rapprochement with Europe and its prospective membership in pan-European institutions.69
- Jean-Louis LAURENS** (France), Head of Division, Department for Political Affairs of the Council of Europe, evaluates the prospects of Russia’s admission to the Council of Europe, and discusses the role of the Moscow School for Political Studies in the development of democratically oriented elite in Russia75

- Michael MERTES** (Germany), general director, Center for Socio-Political Analysis and Cultural Relations under the Federal Chancellor, discusses the relationship between nationalist sentiments and democracy, and shows how the two may be combined in patriotism. 81
- Vladimir LUKIN**, Chair of Committee on International Affairs of the State Duma of Russia, talks about new priorities of Russian foreign policy, and highlights the need to re-define national interests of Russia in the post-Cold War environment. 89
- Alexei SALMIN**, member of the Advisory Council of the President of Russia and director of the Russian Public Policy Center, suggests definitions of national identity, security interests and federalism for the Russian state in post-totalitarian era..... 103
- Pierre ROSANVALLON** (France), director of the Raymond Aron Center for Political Studies, discusses the limits and pitfalls of the concept of *nation-state* 110
- Yuri SENOKOSSOV**, chairman of Mamardashvili Foundation for Philosophical and Interdisciplinary Research, displays the perils of “Russian national identity” caught in between patriotism and collapse of communist state. 113
- Francois FURET** (France), President of Saint-Simon Foundation, gives a historic perspective of national statehood and the legacy of empires in contemporary political history. 117
- Pierre HASSNER** (France), French philosopher warns against the dangers of absolutist claims which both the West and Russia may make in the process of defining their security interest in the post-Cold War era, and urges the parties to identify areas of common interest in the security field. 120
- Otto von der GABLENZ** (Germany), Ambassador of Germany to Russia, looks at the role of national identity and the concept of *nation-state* in the age of post-communist transition and development of integrationist tendency in Western Europe. 123

Ernest GELLNER (UK), professor of the Central European University (Prague) and fellow of the Kings College (Cambridge), analyses the impact of the Age of Enlightenment on political culture of Russia and Europe and looks at the historic background of their relations.	139
Alvaro GIL - ROBLES (Spain), Professor of University of Madrid, provides insights into the experience of transition of Spain from authoritarian rule.	149
Vyacheslav BAKHMIN , Head of Department of Cultural Cooperation, Ministry of Foreign Affairs, talks about the evolution of the issues of human rights in the work of the Russian Ministry of Foreign Affairs and other government agencies in the recent years.	170
Diana PINTO (France), sociologist and consultant to the Council of Europe, discusses the problems of elites in democratic societies. Having drawn generalizations from the experience of several Western nations (primarily France and the United States), she speculates about the avenues of prospective development of political elite in Russia.	176